

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RGGU BULLETIN

№ 8/07

Scientific monthly

Linguistic Series /
Moscow Journal of Linguistic
№ 9/2

Moscow 2007

ВЕСТНИК РГГУ

№ 8/07

Ежемесячный журнал

Серия «Языкознание»
Московский лингвистический журнал
№ 9/2

Москва 2007

УДК
ББК 81.0

Главный редактор
Е.И.Пивовар

Ответственный секретарь
Б.Г.Власов

Главный художник
В.В.Сурков

Серия
Языкознание / «Московский лингвистический журнал»

Редакционная коллегия:

С. И. Гиндин (главный редактор)
А. В. Дыбо
Г. Е. Крейдлин
М. А. Кронгауз
Е. В. Муравенко
В. И. Подлесская
З. М. Шаляпина

© Коллектив авторов
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2006

Содержание

С. И. Гиндин Серия «Языкознание» Вестника РГГУ – новое издание с почтенной биографией	9
Теоретические и описательные исследования	
В. В. Глебкин Критика семантического разума	10
В. А. Богушевская (Владивосток) К вопросу о семантике цветоименований китайского языка, восходящих к тематической группе «фауна»	41
Ю.Е. Галямина, О.А. Казакевич, Е.Л. Рудницкая, Е.М. Будянская, Д.М. Вахонева О приложимости различных моделей описания языка к реальному языковому материалу (на примере кетского глагола)	50
Э. А. Флоренская Степень слитности частей как общее основание единой классификации сложных предложений	65
Г. Е. Крейдлин, Г. Б. Шабат Теорема как вид текста: I Понятность	102
Прикладные исследования	
Т. Ю. Кобзарева Некоторые свойства линейной структуры именных и предложных групп (Поверхностно-синтаксический анализ русского предложения)	113
Е. Г. Соколова Об использовании семантических отношений для описания изображений	131
Проблемы лингвистического образования	
Е. Г. Устинова О построении курса «Морфология» для специальности «Теоретическая и прикладная лингвистика». Программа и формы контроля знаний	145
Э. М. Шаляпина Моделирование языка при автоматическом переводе. Программа спецкурса для студентов-лингвистов	168
Отклики. Poleмика	
Т. А. Михайлова Пиктский памятник «30 брude» в свете общих проблем ранней эпиграфики	191

С. Д. Серебряный О восьмой главе ("Lector in Fabula") книги Умберто Эко «The Role of the Reader»	201
Лингвистические источники и справочные материалы	
С. И. Гиндин, Н. Г. Семенова Материалы к библиографическому указателю печатных работ Н. Н. Леонтьевой	215
In memoria	
Вспоминая М. С. Киктева <i>П. Башарин, Г. Дурново, Н. Ландо, С. Лахути, А. Аюпова</i>	236
Хроника	
Л. Н. Петракова, И. В. Сушкова Конференция «Скрытые смыслы в языке и коммуникации»	248
Материалы, опубликованные в «Московском лингвисти- ческом журнале» в 1995-2006 гг.	264
Summaries	272
Сведения об авторах	276

Table of Contents

S.I. Gindin A new linguistic periodical with time-honoured biography	9
Theories and Descriptions	
<hr/>	
V.V. Glebkin The Critique of Semantic Reason	10
Victoria A. Bogushevskaya On semantics of Chinese colour terms derived from the "fauna" thematic group	41
Julia Galiamina, Olga Kazakevich, Elena Rudnitskaya, Elena Budianskaya, Daria Vakhoneva On application of different language models to real linguistic data (A case study of the Ket verb)	50
Elsa A. Florenskaya The degree of coalescence as general basis for a unified classifica- tion of a composite sentence	65
G.E. Kreidlin, G.B. Shabat Theorem as a text: Comprehensibility	102
Applications	
<hr/>	
Tatiana Yu. Kobzareva Some properties of noun and prepositional phrase structure (Russian sentence surface syntactical analysis)	113
Elena G. Sokolova Semantic relations as an instrument for construction of image description	131
Problems of Linguistic Education	
<hr/>	
Elena G. Ustinova "Morphology" for undergraduate students in linguistics: a sylla- bus and knowledge control means	145
Zoya M. Shaliapina Language modelling for the purposes of machine translation: a syllabus of a special course for undergraduate students in linguistics	168
Comments. Polemics	
<hr/>	
Tatiana A. Mikhailova "30 brute list and the problem of reading inscriptions	191
S. D. Serebryanyj Comments to the eighth chapter ("Lector in Fabula") of U. Eco's "The Role of the Reader"	201

Linguistic Sources & reference materials	
<hr/>	
S.I. Gindin, Natalia G. Semenova	
Publications by Nina N. Leontieva: bibliographical guide draft	215
<hr/>	
In memoria	
<hr/>	
Remembering Maxim Kiktev	
<i>P. Basharin, G. Durnovo, Natalia Lando, Sophia Lakhouti, Asia Aiupova</i>	236
<hr/>	
Chronicle	
<hr/>	
Liudmila N. Petrakova, Irina V. Sushkova	
On the conference, "Hidden senses in language and communication"	248
The contents of the <i>Moscow Journal of Linguistics</i> : 1995 - 2006	264
Summaries	272
Our authors	276

Серия «Языкознание» Вестника РГГУ – новое издание с почтенной биографией

«Вестник Российского государственного гуманитарного университета» как ежемесячный научный журнал родился в конце 2006 г. Вместе с другими его сериями начинает свое существование и серия «Языкознание». Но назвать ее новым периодическим изданием было бы неточно: как показывают серийный номер данного выпуска и параллельное заглавие, серия успела дорасти до своего девятого тома! Действительно, с 1995 г. по 1998 г. факультет теоретической и прикладной лингвистики РГГУ, а с 2001 г. его преемник Институт лингвистики РГГУ, выпускали свое периодическое издание – «Московский лингвистический журнал» (МЛЖ; содержание всех вышедших выпусков помещено в конце данного номера). Серия «Языкознание» становится его преемницей и прямым продолжением.

Действительно, несмотря на свой «общемосковский» статус, МЛЖ всегда был органом РГГУ. Сотрудники РГГУ составляли основной костяк редколлегии и авторского коллектива журнала, публикация осуществлялась университетским издательским центром и на средства университета. Включение МЛЖ в число серий «Вестника РГГУ» лишь закрепляет его действительный статус.

С другой стороны, серия «Языкознание» не мыслится редколлегией как издание узко ведомственного назначения и с замкнутым кругозором. Она должна быть открыта всем достижениям современной лингвистической мысли. И особое, почетное место на ее страницах будет предоставляться тем работам, в которых получают творческое развитие идеи различных школ московской лингвистики – от фортуноватовской через МФШ и Ново-московской школы М.В.Панова до Московской семантической Ю.Д.Апресяна. А главной московской традицией, которую хотела бы подхватить и поддержать серия «Языкознание / Московский лингвистический журнал», пусть будет принцип, завещанный нам «Московским лингвистическим кружком»: интересоваться всем спектром гуманитарных проблем, подходить к их постановке и исследованию с позиций во всеоружии собственно лингвистических знаний и методов.

Сергей Гиндин

Критика семантического разума¹

I. Введение

Прежде всего, следует оговорить проблемное поле и методологические рамки данной статьи. Я никогда не занимался лингвистической семантикой профессионально и мое обращение к используемым в ней методологическим процедурам изначально было вызвано собственными научными интересами, а именно, поисками языка описания базовых категорий русской культуры XVIII-XX вв. Современная культурология с ее крайне размытой методологией не дает здесь каких-либо устойчивых оснований, поэтому их приходится искать в соседних областях. Обращение к опыту семантики выглядит в этом случае тем более естественно, что сами лингвисты совершают дрейф в междисциплинарное поле и переносят разработанный инструментарий на описание таких понятий, как «счастье», «истина», «пошлость», «мещанство» [см., напр.; Логический анализ 1991; Арутюнова 1999, с.543-642; Степанов 2001; Шмелев 2002; Wierzbicka 2002; Зализняк и др. 2005]. Приводимые ниже соображения представляют взгляд на семантику со стороны, «наивный» взгляд, сознательно дистанцирующий от профессионального дискурса. Дело в том, что профессионал обычно уже не обсуждает основания, являющиеся для него системой аксиом, а работает в рамках этих оснований, здесь же ставятся под вопрос сами основания, и хочется надеяться, что попытка взглянуть на них под иным, чем это принято в современной лингвистике, углом зрения окажется полезной и для лингвистов.

В качестве комментария к заглавию имеет смысл напомнить, что разум (*Vernunft*) у Канта задает общие принципы, которые определяют направление работы рассудка (*Verstand*) с понятиями, а также с данными опыта. В статье также речь пойдет о фундаментальных теоретических постулатах, которые, как предполагается, лежат в основании конкретной работы исследователей в области семантики (по Канту, область рассудка) и должны определять базовые установки при описании ими непосредственного эмпирического материала, но в действитель-

ности весьма существенно расходятся с реальной языковой практикой, превращаясь для нее в своеобразное «прокрустово ложе». Характерным проявлением отсутствия в современной семантике адекватных эмпирическим запросам фундаментальных теорий становится появление значительного числа теорий *ad hoc*, не претендующих на фундаментальность, но при этом более или менее успешно обслуживающих практические нужды исследователей в различных областях семантики². Обозначая этот возрастающий со временем разрыв между фундаментальной теорией и непосредственной практической работой можно сказать, что в конкретных исследованиях все заметнее выходит на первый план социокультурная составляющая языка, анализ влияния различных социокультурных факторов на семантическую эволюцию, тогда как фундаментальные теории исходят из представления о языке вообще и конкретных языках в качестве его реализаций как о внесоциальной и внекультурной, замкнутой на себя реальности, аналогичной формальным математическим системам.

Оставляя в стороне позицию Хомского и его последователей, в рамках которой семантика находится на положении Золушки [критику идей Хомского см., напр., в работе: Wierzbicka 1996, p. 6-8, 17-19], мы рассмотрим в дальнейшем две фундаментальные модели, где семантике отводится значительная роль: NSM(natural semantic metalanguage)-концепцию Анны Вежбицкой и модель «Смысл \Leftrightarrow Текст» Мельчука-Апресяна-Жолковского³.

II. Онтологические предпосылки и методологические основания NSM-концепции и модели «Смысл \Leftrightarrow Текст»

Рискну начать с одного «наивного» утверждения. Кажется, не-лингвист не сможет понять, что значит «Олег претендует на этот кусок сыра» или ««Спартак» в этом году претендует на золотые медали» из толкования «*Z претендует на Y*» = «*Z требует, чтобы X предоставил Z-у Y*, потому что *Z* считает, что имеет право получить *Y*» [Апресян 1995, с. 109] или осознать, каков смысл выражений «душа болит», «большой души человек», «душа ушла в пятки», прочитав следующее описание:

душа:

- one of two parts of a person
- people can't see this part
- because of this part, people are not like other living things
- because of this part, a person can feel many things when this

- person thinks about something
- because of this part, a person can be a good person
- (because of this part, a person can live with God)
- because of this part, good things can happen inside a person
- other people can't know what happens in this part if this
- person doesn't want them to know it
- it is good if other people can know it
- it is good if a person wants other people to know it [Wierzbicka 2005, p. 273-274]

Кажется, что следовать подобным описаниям при освоении языка – все равно, что учиться плавать по инструкции («примите в воде горизонтальное положение», «поднимите левую руку», «погрузите ее в воду под углом 130-150°», «одновременно совершайте вертикальные движения прямыми ногами» и т.д.).

Обычно на подобную реакцию, в которой я далеко не оригинален, следует ответ: приведенные описания не предназначены для не-лингвистов, они составляют один из элементов лингвистики как строгой науки [ср., напр., замечание о Толково-комбинаторном словаре в Мельчук 1995, с. 5-6]. Об этой научной строгости в дальнейшем и хотелось бы поговорить. Строгая наука в ее классическом понимании должна опираться на непротиворечивую систему методологических принципов, имеющих характер интуитивной очевидности, и предлагать объективную, т.е. независимую от конкретного исследователя, процедуру верификации получаемых результатов, т.е. обладать определенными объективными критериями истинности. Попробуем посмотреть, какие методологические принципы лежат в основании моделей Мельчука-Апресяна-Жолковского и А. Вежбицкой, и какие процедуры верификации сделанных утверждений предлагаются авторами.

«Естественный семантический метаязык» А. Вежбицкой

Разумно, видимо, начать анализ с модели А. Вежбицкой, в которой ответы на поставленные вопросы даны более отчетливо. Основные положения NSM-концепции Вежбицкой (в разработке которой в последнее время заметную роль играет также Кл. Годдард) можно сформулировать следующим образом:

а) В рамках любого языка может быть выделено базовое ядро, состоящее из так называемых «семантических примитивов» – простых, интуитивно ясных слов, не подлежащих определению. Значение каждого слова данного языка может быть выражено в виде определенной конфигурации семантических

примитивов [Wierzbicka 1972, p.10-16; Wierzbicka 1980, p.2-33; Wierzbicka 1985, p.336-338; Wierzbicka 1996, p.9-12; Goddard 2002, p.5,16]⁴.

α₁) На значение слова не влияют значения других слов в лексиконе. Более того, чтобы сравнивать различные слова или описывать эволюцию семантики какого-либо слова, надо сначала определить сравниваемые значения через семантические примитивы⁵.

β) Между базовыми ядрами различных языков можно установить взаимнооднозначное соответствие, т.к. все они выражают базовый набор врожденных ментальных концептов, видимо, характерный для человека как биологического вида и составляющий часть генетического наследия человека. Данным концептам присуща и определенная синтаксическая упорядоченность, что позволяет в отношении них говорить об особом *lingua mentalis* (Wierzbicka 1972, p. 25-26; Wierzbicka 1980, p.2-33; Wierzbicka 1996, p.14-15, 17-21, 28-29, 112-113; Goddard 2002, p.5,16)

γ) Предложенная модель позволяет сравнивать различные языки между собой, сводя их к общему основанию, показывать семантическое богатство и национальную специфику концептов, трактуемых словарями как языковые эквиваленты (Wierzbicka 1980, p.40-42; Wierzbicka 1996, p. 15-16; Wierzbicka 2005, p.258-260).

Изложенный выше подход дает, по мнению авторов, возможность решить ряд значимых для семантики проблем: проблему построения корректного метаязыка описания, проблему «логического круга» в толкованиях [см.: Wierzbicka 1980, p. 11-14; Wierzbicka 1996, p. 48-49, 274-286], – а также наглядно демонстрирует пути преодоления «семантического агностицизма», сформулированного, как часто утверждается, в работах позднего Витгенштейна и его последователей [см.: Wierzbicka 1996, p. 237-257, 335].

Мы начнем обсуждение концепции Вежбицкой с вопроса о процедурах верификации сформулированных в ней утверждений, в частности, с вопроса о критериях проверки истинности приводимых толкований. Кажется, что такой процедурой должны быть либо объективные данные, аналогичные показаниям стрелки прибора в физике, либо (т.к. толкование представляет собой выражение значения слова через врожденные концепты, интуитивно ясные каждому человеку) реакция обычного носителя языка, который интуитивно должен воспринимать толкование Вежбицкой как истинное. Однако в

работах Вежбицкой мы не найдем ни того, ни другого⁶. Следует заметить, что автор NSM-концепции не придает описанию процедур верификации большого значения, но из замечаний, которые встречаются в ее работах, становится понятным, что в качестве критерия истинности толкования выступает сама Вежбицкая и круг людей, профессионально занимающихся лингвистикой, т.е. обычный носитель языка редуцируется до члена профессионального сообщества. В тех редких фрагментах, где ставится вопрос о критерии, Вежбицкая прямо называет интроспекцию главным методологическим основанием для получения результатов. Иногда (например, при обсуждении *folk biological concepts*) она говорит о необходимости проверки результатов опросами информантов, но конкретных алгоритмов такой проверки, которая сама по себе представляет методологически сложную процедуру, ей не предлагается [см.: Wierzbicka 1985, p.212, 332-333].

Однако такая неявно осуществляемая редукция не может быть признана корректной. Безусловно, обладая развитой языковой интуицией, профессиональный лингвист является еще и носителем определенной профессиональной идеологии и его нельзя считать непредвзятым судьей созданной им же теории.

Здесь уместно вспомнить один фрагмент из работы К. Поппера «Предположения и опровержения», который достаточно точно, кажется, характеризует положение дел. Иллюстрируя необходимость проведения демаркационной черты между наукой и псевдонаукой, Поппер пишет о своих юношеских сомнениях в научном статусе марксистской теории истории, психоанализа и индивидуальной психологии А. Адлера. С его точки зрения, научная слабость этих теорий состояла в легкости, с которой они интерпретировали в свою пользу любой новый факт, в их поистине неограниченной объяснительной силе. Так общая теория относительности Эйнштейна делала кажущиеся невероятными предсказания (например, предсказала красное смещение), и Эйнштейн предлагал крайне рискованные для созданной им теории эксперименты, которые в случае отрицательного результата, наносили бы по ней сокрушительный удар. В противоположность этому любые факты в рамках указанных выше теорий с легкостью интерпретировались в их пользу, придавая основаниям этих теорий характер религиозных догматов [см.: Popper 1962, p.33-39 (русский пер.: Поппер 1983, с.240-244)]⁷. Кажется, что с NSM-концепцией дело обстоит именно таким образом. Пока критерием истинности те-

ории, критерием соответствия экспериментальных фактов ее положениям выступает сам автор и его единомышленники, теория обречена на квазирелигиозный статус и ее объективная проверка невозможна [ср. критику идей Вежбицкой в работе: Соловьев 2005, с. 93-95].

Перейдем теперь к вопросу о методологических основаниях теории естественного семантического метаязыка. А. Вежбицкая уделяет заметное внимание историческим истокам, теоретическому и эмпирическому обоснованию своей концепции, но в целом приводимая ей аргументация не снимает, а лишь усиливает высказанные выше сомнения. Исторические и методологические основания идеи семантических примитивов Вежбицкая находит в работах философов XVII века, в первую очередь, Лейбница. Как она отмечает, мысль о проведении границы между определяемыми и неопределяемыми концептами была крайне значима для многих мыслителей XVII в., и основной вопрос состоял в том, где проводить эту границу, каковы критерии неопределяемости, семантической простоты [см.: Wierzbicka 1980, p. 4]. Для Декарта и Локка проблема выявления простых концептов снималась соображениями интуитивной очевидности, а Дж. Уилкинс утверждал произвольность выбора «трансцендентальных частиц», лежащих в основе оптимального для коммуникации между людьми разных национальностей философского языка. Лейбниц же в своих поисках «алфавита человеческих мыслей» воспринимал задачу выявления таких понятий как крайне сложную проблему, но считал, что их выбор не может быть произвольным. Он также полагал, что естественный язык – лучший ключ к языку мыслей и точный анализ значений слов лучше, чем что-либо другое, демонстрирует нам механизмы понимания. Вежбицкая называет Лейбница структуралистом *par excellence* и утверждает, что его идея минимального «ментального алфавита» – не только операциональный принцип, но и гипотеза о глубинной структуре человеческого мышления [см: Wierzbicka 1980, p. 4-7, 9-10, а также Wierzbicka 1972, p.3-7; Wierzbicka 1996, p. 9-10, 11-13, 28, 48, 70-71, 212-213].

Следует отметить, что для мыслителей XVII века – философов, обнажающих онтологический фундамент своих лингвистических описаний, – представления о языке вытекают из представлений о мироздании и человеке в целом, и за описанным Вежбицкой «структуралистским» образом языка стоят вполне определенные онтологические и гносеологические основания, определенные парадигмы научности, образы

зом и законы движения в теле, обнаруживающиеся в порядке действующих причин, тоже гармонируют и согласуются с мыслями души так, что тело вынуждено действовать именно в то время, когда этого желает душа.

И эта теория не только не причиняет ущерба свободе, но даже наиболее благоприятна ей. Г-н Жакло в своей книге о соответствии разума и веры очень хорошо показал, что это совершается так же, как если бы кто-либо, зная все то, что я прикажу на другой день своему слуге, сделал автомат, который был бы совершенно похож на этого слугу и который на другой день со всей точностью выполнил бы то, что я ему прикажу... Как тот автомат, который исполняет функции слуги, будет зависеть от меня *идеально*, в силу знания того, кто, предвидя мои будущие приказания, сделал его способным служить мне с определенного момента на весь следующий день, так и знание моих будущих желаний побуждает к деятельности того великого творца, который затем создаст автомат: мое влияние при этом будет объективное, а его – физическое. Ибо поскольку душа обладает совершенством и отчетливыми мыслями, Бог приноровил тело к душе и заранее устроил его так, что оно расположено исполнять приказания души; а поскольку душа несовершенна и ее представления смутны, Бог приноровил душу к телу таким образом, что душа увлекается страстями, возникающими из телесных представлений; это-то и производит такое действие и такое кажущееся состояние, как будто бы одно зависит от другого непосредственно и в силу физического влияния. Именно посредством этих смешанных мыслей душа представляет себе окружающие ее тела» (Лейбниц 1989, с. 167-169).

Как душу, так и тело Лейбниц неоднократно называет *автоматами*⁸, т.е. машинами, которые содержат причину своего движения в самих себе⁹. Изложенные представления (душа и тело – сконструированные Богом автоматы, не взаимодействующие между собой) определяют и созданную Лейбницем модель мышления, а также модель языка [о соотношении языка и мышления, слова и идеи у Лейбница см., напр., Лейбниц 1983, с. 274-362]. Так он пишет в набросках, озаглавленных в русском издании «Что такое идея?»: «... наличие в нас идей вещей не предполагает ничего другого, кроме того, что Бог, творец равно и вещей и ума, вложил в этот ум такую мыслительную способность, благодаря которой он мог бы, исходя из своих собственных операций, выводить то, что совершенно соответствовало бы выводимому из вещей. И если поэтому идея окружности и не будет похожа на окружность, все же из

зом и законы движения в теле, обнаруживающиеся в порядке действующих причин, тоже гармонируют и согласуются с мыслями души так, что тело вынуждено действовать именно в то время, когда этого желает душа.

И эта теория не только не причиняет ущерба свободе, но даже наиболее благоприятна ей. Г-н Жакло в своей книге о соответствии разума и веры очень хорошо показал, что это совершается так же, как если бы кто-либо, зная все то, что я прикажу на другой день своему слуге, сделал автомат, который был бы совершенно похож на этого слугу и который на другой день со всей точностью выполнил бы то, что я ему прикажу... Как тот автомат, который исполняет функции слуги, будет зависеть от меня *идеально*, в силу знания того, кто, предвидя мои будущие приказания, сделал его способным служить мне с определенного момента на весь следующий день, так и знание моих будущих желаний побуждает к деятельности того великого творца, который затем создаст автомат: мое влияние при этом будет объективное, а его – физическое. Ибо поскольку душа обладает совершенством и отчетливыми мыслями, Бог приноровил тело к душе и заранее устроил его так, что оно расположено исполнять приказания души; а поскольку душа несовершенна и ее представления смутны, Бог приноровил душу к телу таким образом, что душа увлекается страстями, возникающими из телесных представлений; это-то и производит такое действие и такое кажущееся состояние, как будто бы одно зависит от другого непосредственно и в силу физического влияния. Именно посредством этих смешанных мыслей душа представляет себе окружающие ее тела» (Лейбниц 1989, с. 167-169).

Как душу, так и тело Лейбниц неоднократно называет *автоматами*⁸, т.е. машинами, которые содержат причину своего движения в самих себе⁹. Изложенные представления (душа и тело – сконструированные Богом автоматы, не взаимодействующие между собой) определяют и созданную Лейбницем модель мышления, а также модель языка [о соотношении языка и мышления, слова и идеи у Лейбница см., напр., Лейбниц 1983, с. 274-362]. Так он пишет в набросках, озаглавленных в русском издании «Что такое идея?»: «... наличие в нас идей вещей не предполагает ничего другого, кроме того, что Бог, творец равно и вещей и ума, вложил в этот ум такую мыслительную способность, благодаря которой он мог бы, исходя из своих собственных операций, выводить то, что совершенно соответствовало бы выводимому из вещей. И если поэтому идея окружности и не будет похожа на окружность, все же из

нее могут быть выведены истины, которые, без сомнения, будут подтверждать опыт обращения с реальной окружностью» [Лейбниц 1984, с. 104]. Представляя мысли, точнее, набор идей, как полностью оторванную от реального практического опыта систему, Лейбниц не проводил различия между реальным и искусственным языком [см., напр., Лейбниц 1984а] и опирался в качестве парадигмы научности на математические тексты, классическим образцом которых являются «Начала» Евклида. Отсюда его стремление к «алфавиту человеческих мыслей», к выявлению базовых постулатов, определяющих деятельность мышления: оно абсолютно органично вытекает из его общих мировоззренческих представлений.

А каковы общие представления о человеке самой А. Вежбицкой? Разделяет ли она утверждения Лейбница о предустановленной гармонии, о независимом существовании души и тела, об отсутствии качественных различий между искусственным и естественным языком? Если да, то об этом следовало бы прямо заявить, что перевело бы полемику на принципиально иной уровень: благо, экспериментальной психологией и антропологией после Лейбница проделана огромная работа. Или ссылки на Лейбница не носят принципиального характера, имея смысл лишь обращения к традиции, обозначения ее истоков? Но тогда какой образ мира и человека стоит за NSM-теорией? Прямых высказываний на этот счет мне найти не удалось, однако некоторые косвенные выводы можно сделать, анализируя интерпретацию А. Вежбицкой другого массива текстов, служащего, с ее точки зрения, экспериментальным подтверждением ее концепции, – работ по детской речи и по традиционным культурам (культурам архаических, или примитивных народов). Обратимся к каждому из данных блоков, начав с работ детских психологов и лингвистов.

Сразу замечу, что ни исследования, на которые ссылается Вежбицкая, ни другие исследования детской речи не дают оснований утверждать существование врожденных базовых концептов в смысле Лейбница или Вежбицкой. Скорее, наоборот – весь собранный экспериментальный материал показывает определяющую роль контекста и социокультурной коммуникации в формировании навыка использования языка и, в первую очередь, овладения семантикой.

Обращусь к конкретным примерам. А. Вежбицкая использует в качестве подтверждения своего постулата о врожденных базовых концептах работы Д. Слобина, в частности, его статью [Slobin 1985]. Судя по тексту статьи, Д. Слобин испытал в плане

методологии заметное влияние идей порождающей грамматики Н. Хомского, что сразу задало жесткую рамку для собранных его группой экспериментальных данных¹⁰. Он вводит понятие опорной детской грамматики (Basic Child Grammar), состоящей из набора операционных принципов (Operating Principles), характеризующих систему организации языковой деятельности ребенка (Language-Making Capacity) и утверждает, что эта грамматика носит универсальный характер для всех детей, и лишь позднее ребенок, отказываясь от нее, осваивает грамматику конкретного языка [Slobin 1985, p. 1158-1160].

Заданная схема определяет характер регистрации экспериментальных данных: в экспериментальных описаниях фиксируется, главным образом, речевая деятельность ребенка, на жесты ребенка, которыми сопровождается его речь, обращается меньше внимания, и лишь как слабый периферийный фон в описаниях присутствует ситуационный контекст и действия взрослого, регулирующие речевые усилия ребенка. Однако даже при такой ограниченности экспериментального материала и искусственности теоретических построений, заметно, что определяющую роль в освоении ребенком языка играет опыт, который он обретает в процессе социокультурной коммуникации, т.е. повседневная практика ребенка¹¹. При этом в предложенной автором схеме (даже закрывая глаза на ее теоретическую некорректность), лишь при большом усилии можно найти какие-либо аналоги семантическим примитивам в понимании А. Вежбицкой¹².

Крайне показательна также отсылка к работам Дж. Брунера, которого автор NSM-концепции трактует как своего сторонника. Вежбицкая приводит фрагмент из Брунера, в котором тот говорит о долингвистической способности к восприятию значения (readiness for meaning) утверждая, что существуют определенные классы значений, «настроенность» на которые заложена в человеке еще до рождения и которые до формирования языка существуют как протолингвистические реперезентации мира [см.: Wierzbicka 1996, p. 18; Bruner 1990, p. 72]. На первый взгляд, в данном фрагменте можно увидеть нечто подобное семантическим примитивам в смысле Вежбицкой, однако, через несколько страниц Брунер отчетливо показывает, что он говорит здесь совсем о другом, а именно, о способности человека к социальному общению, о его социальной природе, основания которой имеют врожденный характер [см. Bruner 1990, p. 73-74, а также p. 64-65].¹³

Отмечая заметную произвольность в толковании экспе-

риментальных данных, следует обратить внимание и на одну логическую процедуру, используемую А. Вежбицкой при интерпретации материалов наблюдений. Иногда, приводя результаты экспериментов, она отмечает, что их трактовка автором статьи не является единственно возможной, что они могут быть проинтерпретированы и иным, когерентным с NSM-концепцией способом. Так, доказывая, что *because* является семантическим примитивом и его понимание присуще человеку с рождения, Вежбицкая, с одной стороны, ссылается на Канта, для которого способность к каузированию является априорной способностью человека, а с другой - приводит материалы Л. Блума, который исследовал каузацию в речи американских детей двухлетнего возраста. Излагая затем интерпретацию автора исследования, который отрицает врожденный характер *because* для ребенка и связывает его со стремлением зафиксировать регулярности в его повседневной социальной практике, она отмечает, что приводимые данные полностью согласуются и с утверждением о казуальности как врожденной форме восприятия человеком мира [Wierzbicka 1996, p. 70-71. См. также аналогичный ход с М. Бауэрман: Wierzbicka 1996, p. 18]. Однако при таком понимании идея семантических примитивов становится практически непроверяемой (понятие врожденности превращается в нечто аналогичное понятию судьбы в античности), но одновременно теряет научный статус – возможность опровержения является в современной методологии науки одним из ключевых признаков научности теории. Если следовать изложенной логике, то и отсутствие слова *because* в речи детей не опровергает утверждения о врожденности этого концепта: можно сказать, что в раннем возрасте отсутствуют условия для актуализации врожденной способности. Однако, становясь непроверяемой, такая теория теряет свою предсказательную силу, тогда как утверждение о связи *because* с социальным опытом ребенка дает возможность предсказывать, в каких контекстах происходит фиксация причинно-следственной связи, а в каких нет, например, объяснить, почему все приводимые Блумом примеры относятся непосредственно к самому ребенку как субъекту высказывания, и среди них нет ни одного случая выявления объективных, не центрированных на ребенке закономерностей (вида «на улицах лужи, потому что идет дождь»).

В целом, похожим образом обстоит дело и с работами по традициональным культурам, на которые ссылается А. Вежбицкая. Основной ее тезис здесь звучит следующим образом: набор семантических примитивов одинаков для всех языков, как бы

далеко они друг от друга ни отстояли, как бы ни различались говорящие на этих языках культуры по мировоззрению и типам деятельности. Как известно, существует значительное число антропологов, которые не признают такого единства, утверждая, что в языках традиционных культур отсутствуют концепты, выражающие причинно-следственную связь, базовые ментальные концепты и т.д. А. Вежбицкая и Кл. Годдард опровергают подобные утверждения, указывая, что их авторы не учитывают полисемии и аллолексии, которые присутствуют и в современных европейских языках и с учетом которых изоморфизм между базовыми наборами становится гораздо более явным (Wierzbicka 1996, p. 185-210; Goddard 2002, p. 20-30). Однако корректного описания когнитивных процедур, стоящих за восприятием того или иного слова, ни Вежбицкая, ни Годдард не проводят, так как для этого требуется не лингвистический, а психолингвистический анализ. Более того, даже в работах психологов, которые отчетливо фиксируют особенности мышления представителей традиционных культур, А. Вежбицкая не обнаруживает этих особенностей и, используя описанный Поппером метод, интерпретирует приводимые данные в свою пользу.

Приведу лишь один пример. Вежбицкая ссылается на английский текст знаменитой работы А. Лурии, опирающейся на его исследования 30-х годов, но опубликованной в СССР лишь в 1974 г. [см. Лурия 1974; Luria 1976]. В этой работе, и, в частности, в тех ее фрагментах, которые она упоминает, Лурия отчетливо показывает, что мышление и мировосприятие человека традиционной культуры связаны с контекстом его повседневной деятельности и абстрагироваться от этого контекста, решать задачи, не опирающиеся на его повседневный опыт, он не может. Не возражая против наблюдений Лурии, Вежбицкая отмечает, что его информанты используют, тем не менее, слова *all*, *if*, т.е. эти понятия присутствуют в их языке, что позволяет выделить их как семантические примитивы [см. Wierzbicka 1996, p. 209-210]. Однако когнитивные процедуры, стоящие за *all*, *if* в текстах Лурии, так же, как и в детских высказываниях, воспроизводящих упомянутое выше *because*, существенно отличаются от подобных процедур в понимании Канта и Лейбница. Здесь основой суждения является личный опыт, а не абстрактная безличная необходимость, и за внешним семантическим сходством в указанных ситуациях стоят различные типы мышления, которые можно условно назвать симпрактическим и теоретическим [см. об этом: Романов 1991, с. 11-67]. Разумеется, это отличие невозможно увидеть, если

рассматривать язык как формальную систему, оторванную от человека, но оно сразу становится заметным, если включить человека в процесс формирования и развития языка.

Аналогичное замечание можно сделать и на приводимое Вежбицкой утверждение Боаса (с которым солидаризируется она и многие другие лингвисты), что в языке примитивных народов, хотя и отражающем, в первую очередь, их непосредственный опыт, достаточно средств для того, чтобы выражать абстрактные идеи. Если рассматривать язык как формальную систему, это утверждение, безусловно, справедливо, но если видеть за языком говорящего на нем человека, данное высказывание нужно переформулировать следующим образом: в любом языке *потенциально* достаточно средств для выражения любых, сколь угодно абстрактных понятий, но для того, чтобы такая возможность стала актуальной языковой практикой, нужен отчетливо формулируемый культурный запрос и долгий промежуточный этап формирования ответа на этот запрос¹⁴.

Завершая обсуждение NSM-концепции, необходимо сделать два замечания. Возвращаясь к вопросу об образе мира и человека, стоящем за ней, следует признать ее автора «наивным механицистом», т.е. исследователем, который, не обозначая отчетливо своих онтологических оснований, неявно разделяет представления мыслителей XVII века. Необходимо также особо подчеркнуть, что мы обсуждали здесь работы А. Вежбицкой только как создателя NSM-концепции. В целом же спектр осуществленных ей исследований заметно шире и для значительной их части характерно пристальное внимание к социокультурному контексту и активное привлечение его для объяснения семантической эволюции концептов¹⁵.

Модель «Смысл \leftrightarrow Текст»

Перейдем теперь к модели «Смысл \leftrightarrow Текст». Следует отметить, что здесь редкие размышления о способах верификации теории обычно отсылают к критерию интроспекции со ссылкой на А. Вежбицкую¹⁶, поэтому приведенные выше соображения о квазирелигиозности можно перенести и на эту модель.

Онтологические основания теории, образы мира и человека, стоящие за ней, заключены в рамки компьютерной парадигмы, ядром которой является понятие информации. Такая установка задается уже первыми словами монографии И.А. Мельчука, посвященной изложению модели «Смысл \leftrightarrow Текст»:

«В этой книге мы исходим из следующего тезиса:

Естественный язык – это особого рода преобразователь, выполняющий переработку заданных смыслов в соответствующие им тексты и заданных текстов в соответствующие им смыслы» [Мельчук 1999, с. 9; разрядка автора – В. Г.].

И приведенное определение, и следующие затем комментарии автора к нему не дают возможности усомниться в ключевом для модели образе человека-компьютера, вся жизнедеятельность которого строится вокруг сообщения, получения и переработки информации¹⁷. Не обсуждая здесь работ психологов, в которых показана несостоятельность подобного подхода [см., напр., уже упомянутую работу Дж. Брунера: Bruner 1990], остановлюсь лишь на вопросах, имеющих прямое отношение к обсуждаемой теории. Непонятно, откуда берется пространство смыслов, каков его онтологический статус. Кто выступает в качестве критерия правильности толкования смыслов, корректности устанавливаемых соответствий? Если следовать критерию интроспекции, то сам лингвист, что ведет к замыканию теории на себя и лишает ее объективных критериев проверки. Могут ли смыслы эволюционировать со временем и как в модели заложена возможность описания этой эволюции? Судя по всему, такая возможность не рассматривается, и язык предстает в ней как замершая, статичная система, существующая вне потока времени, в стороне от социокультурных процессов. Вообще, следует заметить, что вопрос о формировании пространства смыслов – базовый для понимания ограниченности методологии данной модели. Попытка аккуратно продумать его сразу обратила бы исследователя к необходимости анализа социокультурного контекста и привела бы в итоге к совсем иной методологической системе координат.

Необходимо остановиться на еще одном моменте. И. Мельчук замечает, что предложенная им модель не претендует на описание реальных процессов, происходящих в сознании человека [см. Мельчук 1999, с. 13], но в работах Ю. Апресяна с описанными механизмами уже начинает связываться реальная работа человеческого мышления. Так, обратимся к ставшему уже классическим примеру Апресяна про хорошего кондитера и газовую плиту: «Рассмотрим, например, предложение *Хороший кондитер не жарит хворост на газовой плите*. Его значение непосредственно очевидно всякому человеку, владеющему русским языком, хотя можно сомневаться в том, что рядовой носитель языка сумеет теоретически удовлетворительно объяснить существо закона, который он интуитивно использу-

ет при понимании данного предложения (подчеркнуто мной – В. Г.). Однако модель не может апеллировать к интуиции, которой у нее нет, и если мы хотим, чтобы она выполняла доступные человеку операции с текстами, мы должны заложить в нее необходимую информацию в явном виде. Эта информация складывается прежде всего из знания фонетических, морфологических и синтаксических единиц и правил и знания словаря, но, конечно, не исчерпывается этим. Существуют еще некие семантические правила интерпретации текстов; ниже мы эксплицируем одно из них, допустив, что синтаксическая структура предложения и значения входящих в него слов уже известны» [Апресян 1995, с. 13]. Затем автор выписывает последовательно значения слов «кондитер» («тот, кто изготавливает сласти», «торговец сладостями», «владелец кондитерской», «жарить» («изготавливать пищу нагреванием на/в масле», «обдавать зноем») и т.д. и формулирует «основной семантический закон, регулирующий правильное понимание текстов слушающим: выбирается такое осмысление данного предложения, при котором повторяемость семантических элементов достигает максимума» [там же, с. 14], т.е. из множества значений выбираются те, в которых синтаксически связанные слова дают максимальное семантическое пересечение.

Заметим, что в начальных установках автора есть показательная недоговоренность. Он предполагает, что значения входящих слов уже известны, но не раскрывает источник этого знания. Если такой источник – значения более простых, базовых слов, то, додумывая схему до конца, мы приходим к некоторому аналогу уже обсужденной схемы Вежбицкой с ее *lingua mentalis*. Другие работы автора заставляют предположить, что имеет место именно этот вариант [см., напр., Апресян 1995а, с. 476-482]. Однако более естественной кажется другая позиция. Если речь идет о реальных алгоритмах, интуитивно воспроизводимых носителем языка, естественно заключить, что таким источником является повседневный опыт и тогда эта интуиция должна быть организована совсем по-другому: понимание не атомарно, а целостно и нельзя утверждать, что понимание отдельного слова предшествует пониманию предложения в целом¹⁸. Опуская возможные различия, связанные с различным жизненным опытом, можно предположить, что в норме процесс понимания данной фразы происходит так: сочетание «газовая плита» сразу воспринимается как целостная синтагма, порождающая вполне конкретный образ, не допускающий толкований и выступающий в качестве ядра для по-

нимания всего предложения. К ней присоединяется понятие «жарить», опять же, отсылающее к непосредственному жизненному опыту, процессу приготовления пищи на плите. Но процесс жарки предполагает того, кто жарит, и то, что он жарит, и отсюда происходит выбор менее очевидных правильных значений слов «кондитер» и «хворост».

Еще более отчетливо это различие между человеком как социальным существом и человеком как «носителем языка»¹⁹, знание которого сводится к знанию соответствующих словарных статей и грамматических правил соединения слов в предложения, становится заметным, если обратиться к еще одному проводимому в книге примеру. Поясняя умения, которые он включает в понятие «владение языком», автор подчеркивает, что «здесь имеются в виду умения, основанные на владении чисто языковой (словарной и грамматической), а не энциклопедической информацией. Текст *Он проплыл 100 метров кролем за 45 секунд* для всякого носителя русского языка значит: «Плывя стилем “кроль”, он покрыл расстояние в 100 метров и затратил на это 45 секунд». Для тех, кто знает не только русский язык, но и таблицу мировых достижений в плавании (элемент энциклопедической, а не языковой информации), то же самое предложение может оказаться гораздо содержательнее. Оно может быть воспринято как сенсационное сообщение о феноменальном мировом рекорде, как напоминание о безграничных физических возможностях человека и т.п.» (там же, с. 12).

Однако можно выразить сомнение, что текст *Он проплыл 100 метров кролем за 45 секунд* для всякого носителя русского языка, если понимать его «по Апресяну» как человека, который знает словарные значения слов и правила их связи в предложения, значит: «Плывя стилем “кроль”, он покрыл расстояние в 100 метров и затратил на это 45 секунд». Понимание этого предложения будет принципиально разным для человека, который умеет плавать или неоднократно видел, как плавают другие (в частности, стилем «кроль»), и человека, который усвоил значения слов «плавать» (подходящее значение из словаря Ожегова «Передвигаться по поверхности воды или в воде») и «кроль» («стиль спортивного плавания, при котором руки поочередно выбрасываются над водой»), но сам никогда не плавал и не видел, как это делают другие, но, например, часто бегают. Тогда для него плавание кролем может представляться как бег в воде, одним из условий которого является поочередное выбрасывание рук над водой. Это пример показывает, что условием одинакового понимания конкретного предложения вы-

ступает не одинаковый языковой опыт, не знание конкретных словарных значений, а общая социальная практика, и вне нее словарные статьи оказываются бессильными.

Подводя итоги обсуждения, хотелось бы повторить следующее:

- Налицо существенный разрыв между практической работой семантиков, все активнее вовлекающих социокультурный контекст в орбиту своего исследования, и базовыми теоретическими моделями языка, в которых он предстает статичной, замкнутой на себя системой, возвышающейся над культурным контекстом. Ни в модели Вежбицкой, ни в модели Мельчука-Апресяна-Жолковского, не говоря уже о концепции Хомского и близких ему исследователей, не заложена идея динамики, идея изменения языка и механизмы описания такого изменения.

- Если говорить о лингвистике в целом и семантике в частности как строгой науке, вызывают существенные вопросы критерии верификации семантических теорий. Главным критерием здесь становится языковая интуиция самого лингвиста, которого сложно считать беспристрастным судьей созданных им или его коллегами теорий. Даже стремясь к максимальной объективности и точности, он оказывается подверженным определенным профессиональным предрассудкам, которые принято называть профессиональными деформациями. «Замыкание на себя» придает семантическим теориям квази-религиозный, «марксистско-фрейдистский» (по Попперу) оттенок.

- За разрабатываемыми моделями стоит представление о человеке как автомате, в котором ум (душа) и тело либо функционируют независимо друг от друга, либо тело доставляет уму внешние сигналы, которые затем перерабатываются в сознании, как подобные сигналы перерабатываются в компьютере. Тело непосредственно не участвует в процессе переработки. Основания и наиболее отчетливое и бескомпромиссное описание такой модели содержится в трудах рационалистов XVII в., но в целом оно соответствует позитивистской в широком смысле слова ветви в философии XX века, за которой стоят имена Рассела, раннего Витгенштейна, Карнапа, Шлика и др. Другим неявно формулируемым теоретическим основанием концепции служит представление о математике как науке *par excellence*, которое ведет к моделированию естественного языка по образцу искусственного, построенного по законам формальной логики.

III. Возможные методологические альтернативы

Говоря о возможных альтернативах описанным выше методологическим установкам и явно или неявно обозначаемым мировоззренческим основаниям, на которые они опираются, прежде всего, следует сформулировать два главных тезиса:

✓ Необходимым условием для превращения семантики в строгую науку является наличие в ней внешних, не замыкающихся на интуиции самого исследователя критериев проверки истинности утверждений семантических теорий.

✓ «Антропоцентричное», соотносимое с реальным опытом освоения языка человеком описание слова не может быть дано без принципиального выхода за пределы собственно языка, без опоры на социокультурные основания языковых процессов.

За вторым тезисом стоят представления о человеке как о едином телесно-духовном существе, для которого социальный опыт является определяющим в процессе освоения и использования языка. Не оспаривая относительной справедливости гипотезы Сепира-Уорфа, следует заметить, что существенно большее значение имеет обратный тезис: особенности семантической структуры языка в значительной степени определяются социокультурной средой, в которой этот язык существует [ср. Фрумкина 1985, с. 29].

Описание культурно-значимых слов

Указанные постулаты должны, видимо, по-разному применяться в различных областях семантики. Мне хотелось бы остановиться в заключение на наиболее близкой мне области – на описании культурно-значимых слов. Имеются в виду слова, выражающие ключевые для данной культуры понятия, т.е. понятия, обсуждающиеся и получающие различные интерпретации в значимых для культуры философских (в широком смысле) текстах. Примеры таких слов для русской культуры: «Россия», «народ», «интеллигенция», «пошлость», «мещанство»; для древнегреческой культуры – ἀρετή, τὸ ὄν, κόσμος; для средневековой западной культуры – Deus, substantia, esse, bonum и т.д.

Как уже отмечалось ранее, лингвисты совершают активный дрейф в эту область, главным образом, в рамках описания так называемых национальных «языковых картин мира». Характерный пример подобных исследований – работы [Шмелев 2002, Зализняк и др. 2005], посвященные «русской языковой картине мира». Авторы делают в них много интересных и глубоких частных наблюдений, которые, к сожалению,

остаются не более чем частными наблюдениями из-за отсутствия адекватной методологии исследования. Представления о языке как особой, внесоциальной реальности, выступающей по отношению к социуму и человеку как внешняя сила, заставляющая человека воспринимать мир так, а не иначе, приводит к существенным методологическим абберациям. Такая позиция отчетливо обозначена, например, в предисловии к работе [Зализняк и др., 2002]: «В заключение подчеркнем, что главным действующим лицом этой книги является русский язык. Наша задача - обнаружить те представления о мире, стереотипы поведения и психических реакций, которые русский язык навязывает говорящему на нем, т.е. заставляет видеть мир, думать и чувствовать именно так, а не иначе. Никаких выводов относительно свойств «русской души», «русского национального характера» и т.п. мы не делаем, хотя и используем в нашем анализе соответствующие концепты – как общие места русского бытового, философского, научного и т.д. дискурса» [Зализняк и др. 2002, с. 13]. Замечу в скобках, что концепты «русской души», «русского национального характера» обладают еще более размытой и аморфной структурой, чем «русская языковая картина мира», и обращение к ним без четкого описания, что конкретно в данном случае имеется в виду, создает дополнительные сложности в восприятии авторской позиции.

Вопрос о критериях верификации сделанных утверждений для авторов не является актуальным, но по контексту видно, что в качестве такого критерия выступает их собственная языковая интуиция, имеющая универсальный характер: с их точки зрения, высказываемые ими наблюдения должны быть очевидны любому носителю языка. Каких-либо попыток объективировать эту интуицию, проверить сделанные наблюдения, например, путем статистического анализа текстов, авторы не предпринимают.

Это ведет к тому, что в отборе текстов, в их трактовке отчетливо проявляются мировоззренческие и идеологические установки авторов, которые связаны не с языком вообще, а с мировоззрением определенной социокультурной группы, и не носят объективного характера (см., напр., трактовку авторами категорий «пошлость» и «мещанство» в [Зализняк и др. 2005, с. 175-202]). Далее, воспринимая, за редкими исключениями, язык как статичную систему, не реагирующую на социальные изменения²⁰, авторы без каких-либо оговорок используют для подтверждения своих идей тексты XIX, начала XX и конца XX века, и не исследуют семантические трансформации, кото-

рые претерпевают описываемые ими концепты со временем, а также не различают осознанного употребления понятия, когда оно превращается в элемент созданной автором философской или квазифилософской конструкции, и его неотрефлексированного употребления в языке. Все это создает ощущение крайней размытости и приблизительности анализа (ср. критику понятия «языковая картина мира» в работе [Шайкевич 2005]).

В качестве альтернативы описанным установкам можно предложить социокультурный подход к описанию культурно значимых понятий. Для его иллюстрации я попытаюсь схематично наметить возможную структуру словарной статьи для культурно значимого слова, если говорить об идеальном словаре с неограниченным объемом.

Такая статья, на мой взгляд, должна включать в себя три уровня описания:

а) *Описание социокультурного контекста, в котором возникает или испытывает семантические трансформации слово.* В социокультурной реальности постоянно происходят изменения, которые могут быть и весьма существенными. Такие изменения, обычно не отражаясь на языке сразу, позднее приводят к появлению новых слов или трансформации семантики старых, представляющей собой реакцию на эти изменения и непонятной без них. Например, резкое возрастание частотности и изменение семантической структуры слова «скука» непосредственно связаны с секуляризацией русской культуры во второй половине XVII-XVIII в. и освобождением дворянства от обязательной государственной службы, юридически закрепленным манифестом Петра III «О даровании вольности и свободы дворянству» (1762 г.) и «Жалованной грамотой дворянству» Екатерины II (1785 г.). Указанные процессы приводят к изменению общей структуры повседневной жизни культурной элиты, когда жизнь лишается внешнего регулятива (спасение души, служение государству и т.д.) и становится как бы равной самой себе. Появляется необходимость в создании культурного института, который придавал бы такой самодостаточности мировоззренческие основания, задавал бы внешние регуляторы поведения в формирующейся структуре новой повседневности. Эту функцию и начинает выполнять свет, светское общество, воспроизводя в основных чертах уже сложившиеся западные (в первую очередь, французские) образцы. Скука становится важнейшим атрибутом светского образа жизни. Без осознания этих социокультурных трансформаций понимание

семантической эволюции слова оказывается крайне затрудненным.

б) Второй уровень описания связан с отражением социокультурной динамики в языке, в результате чего слово вступает в разнообразные семантические связи с другими словами, и у погруженного в языковую среду человека формируется интуиция, позволяющая в каждом конкретном случае утверждать, корректно употреблено слово или нет. На этом уровне можно говорить о неосознанном, неотрефлексированном употреблении слова (этот уровень в первом приближении соответствует тому, что некоторые лингвисты называют «наивной языковой картиной мира» или «наивной языковой моделью мира» [См. напр. Апресян 1995, с.56-60]).

Следует отметить, что процесс обретения словом устойчивого семантического положения, процесс формирования семантической нормы может быть весьма длительным, и его описание представляет собой интересную самостоятельную задачу. Сначала новое значение «нащупывается», слово может употребляться в весьма неожиданных контекстах, но постепенно конструкция становится все более и более жесткой и интуиция, соответствующая слову, обретает необходимую устойчивость. Если говорить о «скуке», то такая «размытость» значения особенно характерна для первой половины XVIII в., когда относительно часто встречаются контексты, периферийные для данного периода и исчезающие в дальнейшем. Интересно, например, следующее высказывание Меньшикова: «Королевское величество зело скучает о денгах и со слезами наодине у меня просил, понеже так обнищал, пришло так, что есть нечего. Которую ево скудость видя, я дал ему своих денег десять тысяч ефимиков» (Письмо А.Д.Меньшикова Петру (26 сентября 1706 г.) // Петр Великий 1900, с.1132).

в) Третий уровень задают интерпретации слова, т. е. его сознательное, отрефлексированное использование, превращающее слово в элемент определенной теоретической конструкции²¹. Важно разделять сознательную интерпретацию значения слова и его неотрефлексированное употребление. Особенно существенно это различие для культурно значимых слов, с интерпретацией которых у интерпретатора связывается собственная культурная идентификация. Так или иначе трактуя смысл понятий «свобода», «счастье», «Россия», «Запад», «народ», «интеллигенция», «пошлость», «мещанство», «скука», человек, живущий в пространстве русской культуры, обретает в ней свое место, а также включается в процесс дальнейшей ее

трансляции и эволюции. При этом предлагаемая интерпретация, опираясь на языковую интуицию, часто заметно трансформирует ее, и для своего понимания требует экспликации мировоззренческой системы автора в целом (см.: [Глебкин 1998, с. 6-8, 54-56]). Так интерпретация понятия «пошлость» Набоковым или Зеньковским, понятия «интеллигенция» Бердяевым или Ивановым-Разумником существенно отличаются от традиционного для их современников употребления слова, и эти интерпретации нельзя смешивать с неосознанным употреблением, они требуют отдельного описания (см.: [Глебкин 2002, с. 429-430]; более развернутое обоснование этого тезиса см. [Глебкин (в печати)]).

Следует заметить, что описание каждого из трех уровней необходимо давать в динамике. Семантическая структура культурно значимых слов может испытывать заметные изменения каждые десять-двадцать лет. Эти изменения могут происходить и посредством внутренней эволюции слова, за счет образования дополнительных семантических связей с другими словами, но, в первую очередь, они происходят как следствие новых социокультурных трансформаций, а также благодаря влиянию интерпретаций на третьем уровне. Со своей стороны, эти трансформации иногда ведут к появлению новых интерпретаций, которые, разумеется, могут возникать и независимо. Такое динамическое описание на трех уровнях, при фиксации семантической структуры в каждый семантически значимый период, должно обеспечить достаточную степень полноты в понимании семантической и социокультурной траектории слова.

Не имея здесь возможности излагать принципы описания на первом и третьем уровнях, немного остановлюсь лишь на описании второго. Основная идея здесь состоит в том, чтобы выделять некоторые парадигмальные ситуации, в которых данное слово употребляется наиболее часто. Сделанное утверждение можно проиллюстрировать классическими опытами А.Р.Лурии и О.С.Виноградовой по исследованию «семантических полей» слов [Лурия, 1979, с. 100-114]²². Отвлекаясь от специальной терминологии и некоторых нюансов, содержание данного исследования можно передать следующим образом. У испытуемого вырабатывался условный рефлекс на некоторое слово, например, «скрипка» (предъявляемое слово подкреплялось болевым раздражением, приводящим к специфической болевой реакции, после чего раздражитель убирался и соответствующую реакцию вызывало просто произнесение слова).

Затем вместо слова «скрипка» испытуемому предлагались слова, близкие данному ситуационно («смычок», «концерт»), категориально («мандолина», «музыка») а также нейтральные слова («окно», «лампа», «тетрадь»). Опыт показал, что слова первой и второй группы («смычок», «концерт», «мандолина», «музыка») вызывают болевые реакции, близкие по интенсивности первоначальной, а на слова третьей группы испытуемый не реагирует. Эти довольно очевидные результаты говорят о том, что в нашем сознании слово существует не отдельно, само по себе, а с целой «гроздью» семантических связей, которая автоматически «всплывает» при произнесении данного слова. За каждой из ветвей данной грозди стоят вполне конкретные парадигмальные ситуации, в которых употребление слова наиболее очевидно. Слова повседневного языка, не несущие значимых для оснований культуры смыслов, описываются через базовые бытовые ситуации: собака – это существо, которое бежит за кошкой, ходит на поводке, любит грызть кости и т.д. Набор таких парадигмальных ситуаций и составляет семантический каркас слова [ср. Wierzbicka 1985, р. 146-257]. Другие ситуации будут подстраиваться под базовые и для них корректность употребления слова уже не будет вызывать безусловного согласия. В различных культурах набор парадигмальных ситуаций разный, что приводит к различиям в представлениях о собаке у жителя Москвы и, например, юкагира. Для культурно значимых слов определяющими становятся социокультурные ситуации, что приводит, в среднем, к значительно более активной семантической эволюции слова.

Так, в литературном языке XIX века слово «ритуал» использовалось в жестко заданной парадигмальной ситуации: оно было связано, главным образом, с католическим религиозным обрядом. Вот характерные примеры: *«Странная вещь! Католицизм, умевший создать такие храмы, умевший украсить их такими фресками, такими картинами и статуями, не умел уладить торжественнее, поэтичнее свой ритуал в самом Риме»* (Герцен, *Письма из Франции и Италии*); *«[Полещуки] начали ходить в костел... Там музыка, благоговейная тишина, торжественность богослужения, великолепный ритуал»* (Куприн, *Запечатанные младенцы*).

Затем, после социальных и культурных потрясений начала XX века, семантика слова изменяется, реагируя на эти потрясения. Во-первых, в связи с общим изменением религиозных установок культуры, значимое для XIX века различие между православием и католичеством с 20-х годов XX века перестает

быть существенным и слово начинает применяться к любой религиозной церемонии. Во-вторых, в культуре возникает отсутствовавшая ранее область, по функции и значимости сопоставимая с православной религией, формируется коммунистическая идеология, и слово «ритуал» переносится на новые символические действия, которые должны заменить собой религиозные (*«На необходимость хоть какого-нибудь свадебного ритуала указывалось и многочисленными делегатками с мест на недавней сессии ВЦИКа.»* (Вересаев, *Об обрядах*); *«Необходимо, чтобы знамя было обставлено специальным ритуалом почета.»* (Макаренко, *Методика организации воспитательного процесса*))

В-третьих, в связи с размыванием социальных границ и общим процессом десакрализации культуры слово начинает переноситься на бытовые контексты, в которых подчеркивается «излишняя» для повседневной практики смысловая составляющая, сначала скорее иронично, но потом и вполне серьезно²³. Здесь, как мы видим, социокультурная эволюция порождает заметное расширение набора парадигмальных ситуаций, хотя центральным все равно остается значение сакрального обряда. Значительно более сложную и часто неожиданную эволюцию испытывают такие слова как «народ», «интеллигенция», «пошлость», «мещанство» [см. Глебкин (в печати)].

Изложив в общих чертах модель описания культурно-значимых слов, которая может быть альтернативной традиционным семантическим описаниям, хотелось бы предупредить некоторые возможные вопросы и в заключение остановиться на двух значимых методологических моментах. Во-первых, как выявить, какая ситуация является парадигмальной? Опора на интуицию исследователя ведет к критикуемому в статье субъективизму. Однако, если речь идет о культурно значимых словах, парадигмальные ситуации можно выявить путем статистического анализа большого массива текстов. Если проанализировать несколько сотен случаев употребления исследуемого слова, парадигмальными обычно будут ситуации, в которых слово встречается наиболее часто.

Во-вторых, имеет смысл обсудить одно очевидное возражение: в предложенном описании будут использоваться слова языка, которые также требуют своего описания, и мы либо опять окажемся в ситуации логического круга, когда одно будет объясняться через другое, либо придем к необходимости введения неопределяемых понятий. Следует, однако, обратить внимание на то, что статус объясняемых слов и слов, с по-

мощью которых строится объяснение, существенно различается. Разницу можно проиллюстрировать, говоря о двух видах математики: как замкнутой на себя, опирающейся на строгие доказательства науки, и как инструмента для других наук, например, физики. И стиль работы использующего математику исследователя, и методологический контекст, в котором она существует, в этих случаях существенно разный. Аналогично, и слова, описывающие парадигмальные ситуации, не самодостаточны, а выполняют роль «инструмента для семантического описания» и могут быть, в принципе, заменены заснятыми на видеокамеру сюжетами или какими-нибудь другими способами изображения.

Разумеется, приведенные соображения не исчерпывают основной массы потенциальных вопросов и возражений, но они и не претендуют на это. Цель изложенной выше модели иная: показать возможность иных, чем это принято в современной семантике, оснований для построения семантической теории, задать поле для конструктивного обсуждения, которое, хотелось бы надеяться, и станет результатом предложенных размышлений.

Примечания

- ¹ Автор признателен В.Н. Романову, прочитавшему текст статьи и сделавшему ряд важных замечаний.
- ² Иногда такие модели *ad hoc* создаются самими авторами фундаментальных теорий, видимо, интуитивно ощущающими ограниченность этих теорий. В качестве иллюстрации можно сослаться на разработанную А. Вежбицкой концепцию «cultural scripts», несмотря на утверждения ее автора, методологически не связанную с ее же NSM-теорией [см., напр., Wierzbicka 2002], или предложенную ей модель описания концептов «народной биологии» [см., напр., Wierzbicka 1985, с. 212-217].
- ³ Для данной статьи не существенны особенности трактовки модели «Смысл \Leftrightarrow Текст» отдельными ее авторами, а также вопрос об их личном вкладе в модель, т.к. в целом методологические основания авторов едины. В приведенной выше последовательности имен я следую за установившейся традицией [см., напр., Кронгауз 2005, с.259].
- ⁴ Авторы постоянно отмечают, что данная операция требует большой семантической чуткости, в частности, учета аллолексии и полисемии [см. Wierzbicka 1996, p.185-210; Goddard 2002, p. 20-32].

- 5 «...since the meaning of a word is, as I have been arguing all along, a configuration of semantic primitives for each word, its meaning can (and must) be defined positively, regardless of the meanings of any "neighbouring" words in the lexicon. The meanings of different words can overlap (as *abc* overlaps with *bed*), but both the similarities and the differences can be stated only after the meaning of each word has been identified» [Wierzbicka 1996, p.170].
- 6 Более того, могу сказать, что «обычные носители языка», к которым я обращался с просьбой оценить предложенные А. Вежбицкой толкования, выразили сомнения в их ясности и продуктивности. В этом смысле, гораздо более информативными, точными и глубокими являются комментарии Вежбицкой к приводимым толкованиям, но они находятся уже за рамками NSM-концепции.
- 7 Ссылка на Поппера не предполагает, что мне близка его методологическая позиция в целом. Я солидаризируюсь здесь лишь с одной, уже не столько методологической, сколько экзистенциальной посылкой его теоретических построений.
- 8 Ср.: «И подобно тому, как зародыш образуется в животном, как тысячи других чудес природы совершаются вследствие известного, Богом данного инстинкта, т.е. в силу божественной преформации, сделавшей эти удивительные автоматы способными механически производить столь прекрасные явления, - подобно этому можно думать, что и душа есть духовный автомат, еще более удивительный, и что вследствие божественной преформации она производит эти прекрасные идеи, в которых наша воля не принимает участия и которым наше искусство не может подражать. Действия духовных автоматов, т.е. душ, совсем не механические, но они в превосходной степени содержат то, что есть прекрасного в механике» [Лейбниц 1989, с.392]. См. также: [Лейбниц 1982, с. 416, 424-425; Лейбниц 1989, с.138, 161, 167-170].
- 9 В «Словаре французской академии» издания 1694 г. предлагается следующее определение «автомата»: «AUTOMATE. Machine qui a en soy les principes de son mouvement. Une horloge est un automate. Quelques Philosophes pretendent que les animaux ne sont que des automates».
- 10 Влияние идей Хомского характерно для значительного массива западных работ, посвященных исследованию детской речи [см., напр., Bloom etc. 1975, p.4, 30-33]. Это влияние ведет к тому, что теория обретает предельно жесткий каркас, при котором не она трансформируется под влиянием экспериментальных данных, принимая наиболее адекватную эксперименту форму, а, наоборот, экспериментальные данные деформируются таким образом, чтобы соответствовать теоретическому каркасу. Критику такого подхода см. в [Bloom etc. 1975, p. 87-89; Bowerman 1985, p. 1265-1282]. Об исследованиях детской речи в соотношении с базовыми теоретическими моделями в целом см. [Фрумкина 2001, с. 34-36].
- 11 См., напр., операциональные принципы, в которых подчеркивается значимость типовой для ребенка деятельности, отсутствие различий между одушевленными и неодушевленными объектами

- и т.д. [Slobin 1985, p. 1170-1171, 1186-1187]. Об иной психологической традиции, в которой исследование ситуационного контекста становится определяющим для понимания процессов овладения ребенком языка, см., напр., [Лурия 1979, с. 32-36, 58-60]. Ср. с [Keller-Cohen 1978]. Для построения теоретической модели детской речи важными являются замечания Р. Фрумкиной о параллелизме между детской и разговорной речью [Фрумкина 2001, с. 35-39].
- 12 Так «basic notions», о которых пишет Слобин, и под которыми по контексту имеются в виду как раз опорные операциональные принципы, трансформируются в тексте Вежбицкой в «innate "basic concepts"» [см. Wierzbicka 1996, p. 17]. При этом в интерпретации Вежбицкой объединяются два далеко отстоящих фрагмента статьи Слобина, в которых речь, кажется, идет о разных вещах и ни одни из которых не предполагает, по-видимому, ничего подобного innate «basic concepts» в смысле Вежбицкой [см. Slobin 1985, p. 1161, 1171-1172].
- 13 Вообще, отсылка к Брунеру в данной работе Вежбицкой крайне любопытна. Весь пафос книги Брунера – отчетливо антилейбницанский, направленный против формальных, компьютерных моделей мышления. В частности, автор критикует «информационный» подход к описанию значения, сводящий процесс понимания к отысканию в сознании ячейки с соответствующей информацией [Bruner 1990, p.4-7]. Но именно такую трактовку значения предлагает Вежбицкая (см. цитированный выше фрагмент [Wierzbicka 1996, p.170]).
- 14 В качестве иллюстрации можно вспомнить слова Пушкина о современном ему русском языке: «Исключая тех, которые занимаются стихами, русский язык ни для кого не может быть довольно привлекателен – у нас еще нет ни словесности, ни книг, все наши знания, все наши понятия с младенчества почерпнули мы в книгах иностранных, мы привыкли мыслить на чужом языке; просвещение века требует важных предметов размышления для пищи умов, которые уже не могут довольствоваться блестящими играми воображения и гармонии, но ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись – метафизического языка у нас вовсе не существует; проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены *создавать* обороты слов для изъяснения понятий самых обыкновенных; и леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы уже давно готовы и всем известны» [Пушкин 1949 (1824), с.21].
- 15 См., напр., работу, посвященную семантической эволюции понятия *Angst* и влиянию работ Лютера на эту эволюцию: [Вежбицкая 2001, с.44-125].
- 16 См., напр., [Мельчук 1997, с. 21-22]. Ср.: [Апресян 1995, с.113], где говорится о речевой практике носителей языка, но фактически в качестве таких носителей выступают сами лингвисты.
- 17 «Попробуем проанализировать содержание утверждения "Язык – орудие общения". Что значит "быть орудием общения"? Видимо, эта означает "представлять собой систему средств передачи ин-

формации, составляющей цель общения"... Дело обстоит, грубо говоря, следующим образом: (1) Информация передается посредством (2) последовательностей речевых сигналов, акустических или визуальных. Последовательность сигналов, несущая информацию, направляется от (3) говорящего-(или пишущего) к (4) слушающему (или читающему) через определенный (5) канал связи (воздух, в котором распространяется звук; телефонный провод; бумага книги и т. п.). Слушающий извлекает из сигналов, посланных говорящим, ту (или почти ту) информацию, которую этот последний имел в виду, благодаря тому что оба владеют одним и тем же (6) кодом – правилами соответствий между (речевыми) сигналами и (речевой) информацией» [Мельчук 1999, с. 12].

- 18 Ср. экспериментальные исследования Р. Фрумкиной и ее выводы о целостности восприятия объекта испытуемыми: [Фрумкина 1985, с.25-26; Фрумкина 1991, с. 128-130].
- 19 Т.е. существом, которое только *носит* некоторую не связанную с ним сущностно реальность как носят пальто, ботинки и т.д.
- 20 В тех случаях, когда авторы говорят (впрочем, крайне конспективно) о семантической эволюции слова, причины этой эволюции остаются непроясненными (см., напр., [Зализняк и др. 2005, с. 108-109, 162-163]). Единственное, пожалуй, исключение составляет обращение к советской истории, но и здесь оно выдержано в рамках тоталитарной модели, для которой весь советский период предстает как единый монолит, не предполагающий существенной социокультурной эволюции (см., напр., [Зализняк и др. 2005, с. 123-129]).
- 21 Отдаленным аналогом этого уровня служит понятие «научной картины мира», выраженное в противопоставлении «наивной» и «научной картины мира», или научного знания и повседневного знания [Апресян 1995, с. 56-60; Wierzbicka 1996, р. 338-344]. Однако осознанное употребление слова, при котором оно становится элементом определенной теоретической конструкции, далеко не всегда может быть описано понятием «научная картина мира».
- 22 За этими экспериментами стоит хорошо известный в психологии метод свободных ассоциаций, который авторы попытались перевести на уровень физиологии.
- 23 «...нет, видно такой ритуал, что когда математик приходит к отцу, то – приходит молчать» – А.Белый, На рубеже двух столетий; «Если бы дать Исаю Бенедиктовичу волю, он бы взял такси и носился по Москве наобум, без всякого плану, воображая, что таков ритуал». – О.Мандельштам, Четвертая проза; «Скупой прощальный ритуал не оборвет нам песни» – О.Митяев, «Живут такие люди»; «Я вспомнил, как Шура истово отпаривал брюки, как тщательно завязывал галстук, как бережно доставал из шкафа свой единственный "выходной" пиджак в клеточку, когда собирался, по его выражению, "в люди". Эти сборы всегда носили характер маленького торжественного и веселого ритуала» (В.Кунин. Кыся-2). Подробнее о механизме употребления слова см.: [Глебкин 1998, с. 16-24].

- Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т.1. Лексическая семантика. М.: Языки рус. культуры: Восточная литература, 1995.
- Апресян Ю.Д. О языке толкований и семантических примитивах // Избранные труды. Т.II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки рус. культуры, 1995. С. 466 – 484.
- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки рус. культуры, 1999.
- Вежбицкая А. Сопоставление культур через средство лексики и прагматики. М.: Языки слав. культуры, 2001.
- Глебкин В.В. Ритуал в советской культуре. М.: Янус-К, 1998
- Глебкин В.В. Интеллигентный диссидент: тавтология или оксюморон? // Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века. М.: АИРО-XX, 2002. С. 416-432.
- Глебкин В.В. Интеллигенция; Мещанство; Пошлость; Скука // Культурология: Энциклопедия: В 2-х т. / Ред. С.Я. Левит. М., 2007 (в печати).
- Зализняк и др. 2005 – Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки слав. культуры, 2005
- Кронгауз М.А. Семантика. М.: Академия, 2005.
- Лейбниц Г.-В. Монадология // Сочинения: в 4-х т.: Т.2. М.: Мысль, 1983. С. 47-545.
- Лейбниц Г.-В. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии // Сочинения: в 4-х т.: Т.2. М.: Мысль, 1983. С. 47-545.
- Лейбниц Г.-В. Что такое идея // Сочинения: в 4-х т.: Т.3. М.: Мысль, 1984. С. 103-104.
- Лейбниц Г.-В. Об универсальной науке, или философском исчислении // Сочинения: в 4-х т.: Т.3. М.: Мысль, 1984. С. 494-500.
- Лейбниц Г.-В. Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла // Сочинения: в 4-х т.: Т.4. М.: Мысль, 1989. С. 49-413.
- Логический анализ 1991 – Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991.
- Лурия А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974.
- Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.
- Мельчук И.А. Русский язык в модели «Смысл \Leftrightarrow Текст». М.–Вена: Языки рус. культуры: Венский славистический альманах, 1995.
- Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т.1. М.- Вена: Языки рус. культуры: Венский лингвистический альманах: Прогресс, 1997.
- Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл \Leftrightarrow Текст». М.: Языки рус. культуры, 1999.
- Петр Великий 1900 – Письма и бумаги Петра Великого. Т. 4 (1706). СПб.: Государственная типография, 1900.
- Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983.

- Пушкин А.С. <Причинами, замедлившими ход нашей словесности...> // Полное собрание сочинений. Т. 11. Критика и публицистика. 1819-1834. М., 1949. С.21
- Романов В.Н. Историческое развитие культуры. Проблемы типологии. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991.
- Соловьев В.Д. К методологии описания синонимии (на материале эмоциональной лексики русского языка) // Эмоции в языке и речи. М.: РГГУ, 2005. С.86-105.
- Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001.
- Фрумкина Р.М. Смысл и сходство // Вопросы языкознания. 1985. №2. С. 22-31.
- Фрумкина Р.М. Интерпретация смыслов: признаки и целостности // Семантика и категоризация. М.: Наука, 1991. С. 128-143.
- Фрумкина Р.М. Вокруг детской речи: методологические размышления // Известия Академии наук. Сер. литературы и языка. 2001. Т. 60. №2. С.33-39.
- Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира. Материалы к словарю. М.: Языки слав. культуры, 2002.
- Шайкевич А.Я. Русская языковая картина мира в ряду других картинок // Московский лингвистический журнал. 2005. Т.8, №2. С. 5-21.
- Bloom etc. 1975 – Bloom L., Lightbown P., Hood L. Structure and variation in child language. Chicago (Ill.): Univ. of Chicago press, 1975.
- Bowerman M. What Shapes Children's Grammars? // The Crosslinguistic Study of Language Acquisition. V. 2: Theoretical Issues. Hillsdale, New Jersey, 1985. P.1257-1319.
- Bruner Jerome. Acts of Meaning. Cambridge, Mass.; L.: Harvard University Press, 1990
- Goddard Cliff. Bad arguments against semantic primitives // Theoretical Linguistics. 1998. V. 24, № 2-3. P.129-156.
- Goddard Cliff. The search for the shared semantic core of all languages // Meaning and Universal Grammar. Theory and Empirical Findings / Goddard C. and Wierzbicka A. (eds). V.I. Amsterdam: John Benjamins. P. 5-40.
- Luria A.R. Cognitive Development: Its Cultural and Social Foundations. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1976.
- Keller-Cohen D. Context in Child Language // Annual Review of Anthropology. V. 7, 1978. P. 453-482.
- Popper K.R. Conjectures and Refutations. N.Y., L.: Basic Books, Publishers, 1962.
- Slobin Dan I. Crosslinguistic Evidence for the Language-Making Capacity // The Crosslinguistic Study of Language Acquisition. V. 2: Theoretical Issues. Hillsdale, New Jersey, 1985. P.1127-1256.
- Wierzbicka Anna. Semantic Primitives. Linguistische Forschungen. №22. Frankfurt/M: Athenäum, 1972.

В. В. Глебкин

- Wierzbicka Anna.** *Lingua mentalis: The Semantics of natural Language.* Sydney etc.: Academic Press, 1980.
- Wierzbicka Anna.** *Lexicography and Conceptual Analysis.* Ann Arbor: Karoma, 1985.
- Wierzbicka Anna.** *Semantics: primes and universals.* Oxford, N. Y.: Oxford University Press, 1996.
- Wierzbicka Anna.** *Russian Cultural Scripts: the Theory of Cultural Scripts and its Applications // Ethos.* 2002. V.30, № 4. P.401-432.
- Wierzbicka Anna.** *Empirical Universals of Language as a Basis for the Study of Other Human Universals and as a Tool for Exploring Cross-Cultural Differences // Ethos.* 2005. V.33, № 2, P.256-291.

К вопросу о семантике цвето- наименований китайского языка, восходящих к тематической группе «фауна»

Разные языки сегментируют действительность по-разному. В большинстве случаев различия в членении действительности удаётся объяснить, исходя из различий в условиях жизни и труда людей и вытекающей отсюда практической необходимости в более детализированном или, наоборот, в более обобщённом отражении действительности в языке.

Так, общеизвестно наличие большого числа названий для льда в языке эскимосов и большого числа названий для верблюдов в арабских диалектах. В языке шелта (языке ирландских цыган), например, цветообозначения вообще практически отсутствуют; единственные цветоразличители, употребляющиеся в нём, - это обозначения мастей лошадей и цвета волос [Михайлова 1994, с. 119].

Явление перехода лексем из собственно обозначений мастей животных в разряд цветоименований (далее – ИЦ) наблюдается и в китайском языке.

Как известно, древнейшие памятники китайского письма – гадательные надписи на костях животных и панцирях черепах, так называемые 甲骨文 «цзягувэнь», относящиеся к эпохе Шан-Инь (традиционно датируются второй половиной II тыс. до н. э.), были вырезаны на черепаховых панцирях 甲 («цзя»), а также бычьих (буйволовоых)¹ лопатках 骨 («гу»). Бык был одним из первых животных, прирученных человеком. Древнейшие останки бычьих костей обнаружены при раскопках развалин неолитической культуры хэмуду (около 5000 тыс. лет до н.э.) на территории нынешней провинции Чжэцзян.

Бык являлся основным жертвенным животным в эпоху Шан-Инь, вследствие чего в гадательных иньских надписях присутствует большое количество иероглифов, его обозначающих. Примечательно, что каждый знак обладал чрезвычайной ёмкостью и вместе с непосредственным обозначением животного передавал одновременно либо возраст, либо пол, форму,

физические особенности, окрас или нрав животного [罗常培 2003, с. 19].

Что касается слов, передающих окрас в иньских надписях, прежде всего нас интересует иероглиф 物 *wu*, обозначавший пестрого быка: «王曰贞物牡» «Wang yue zhen wu mu» (馘 42.4) «Правитель велит гадать по пестрому быку» (Цзянь 42.4) [徐朝华 2003, с.35].

В эпоху Чжоу (примерно XI в. до н.э. – 221 г. до н. э.) 物 *wu* еще сохраняет свое значение. Основываясь на комментариях «Ши цзин» школы Мао Хэна времен династии Хань, известный китайский философ и историк начала XX века Ван Говэй настаивает на значении «пестрый бык», в связи с чем переводит фразу из «Ши цзина» так [Wang 1996, с.81]:

«三十维物».

«San shi wei wu».

(«诗经. 小雅. 无羊»)

«Стада [быков и баранов] пестры – одномастны по тридцать голов».

(«Ши цзин», раздел «Малые оды»,
«Нет баранов»)

Одновременно происходит семантическое расширение лексемы 物 *wu*, своеобразное раздвоение: из собственно обозначения пестрого быка 物 *wu* принимает значение «вещь» (которое и сохранилось в современном китайском языке), а также переходит в разряд имен цвета (сравним в русском языке: *буренка*, т.е. 'корова бурого цвета', *пеструха*, т.е. 'пестрая корова').

Выкристаллизовавшееся ИЦ 物 *wu* уже не связано с первоначальным образом пестрого быка, а принимает значение «пёстрый»:

«杂帛胃物».

«Za bo wei wu».

(«周礼. 春官. 司常»).

«Пестрая шелковая ткань называется *wu*».

(«Чжоу ли», раздел «Чуньгуань»,
глава «Сычан»).

Примечательно, что в современном китайском языке существует бином 物色 «*wu se*», означающий «выбирать кого/что-либо, подбирать, присматривать кого/что-либо», который, как мы полагаем, семантически восходит к подбору кого/чего-либо по цвету.

Следующая лексема – ИЦ в иньских надписях – 𠄎 *xing*, состоящая из элементов «баран» и «бык». Известный китайский исследователь иньских надписей Ло Чжэнъюй расшифровал её

как первоначальную форму написания иероглифа 騂, также пишущегося как 騂 xing, указав, что 騂 xing передавал значение «красноватый бык», который являлся одним из основных жертвенных животных в иньских ритуалах [Wang 1996, с.72]:

«享以騂牺...»,

«白牡騂刚».

“Xiang yi xing xi...”,

“Bai mu xing gang”.

(《诗经·鲁颂·閟宫》)

«Преподносит жертвы красного и чистого окраса...»,

«Белого быка и красного быка».

(《Ши цзин», раздел «Гимны дома Лу», «Бигун»)

Но параллельно ИЦ 騂 xing использовался и для обозначения масти коня:

«有騂有骐».

«You xing you qi».

(《诗经·鲁颂·駉》)

«Есть красные кони и черные с пятнами».

(《Ши цзин», раздел «Гимны дома Лу», «Конский выгон»)

Комментатор классических текстов династии Тан (618-907 гг. н.э.) Кун Инда пояснял: «騂 ‘xing’ – цвета 赤 ‘chi’ (красного). Так еще называют красно-желтый, красный, но с небольшой примесью желтого. Цвет этот яркий и чистый» [汉字形义分析字典 1999]. Таким образом, фактически предлагается определение ИЦ 騂 xing как «красно-желтого», «оранжевого».

Далее происходит расширение семантики 騂 xing: он начинает передавать не только конкретно цвет быка или коня, но и вообще всех животных красного окраса. Так, в «Ли цзи» находим:

«牲用騂, 尚赤也».

«Sheng yong xing, shang chi ye».

(《礼记·郊特牲》)

«Приносить в жертву красных [животных], поклоняясь красному цвету».

(《Ли цзи», глава «Жертвоприношение [одного жертвенного животного] в окрестностях города»)

В то же время лексема 騂 xing используется в качественном значении уже в «Лунь юе»:

В. А. Богушевская

«犁牛之子騂且角...»

«Li niu zhi zi xing qie jiao...»

(«论语. 雍也»)

«Теленок от пестрой коровы хоть и красный, и с красивыми рогами...».

(«Лунь юй», глава «Юн»).

Необходимо отметить, что в самой значительной филологической работе в древнем Китае – толковом словаре «Шовэнь цзецзы» – первоначальный вариант ИЦ 𠂔 xing в качестве самостоятельного иероглифа отсутствует. Тем не менее, он выступает в качестве как фонетического, так и в определенной степени семантического элемента в составе иероглифов 埴 xing «твердая красная почва» и 解 (解) xing «приспособленный при помощи рогов животных».

В комментариях «Ши цзин» школы Мао Хэна 解 xing был заменен иероглифом 騂 xing (с ключом «лошадь»), а на каменных гонгах эпохи Цин 騂 xing (с ключом «лошадь») преобразовался в 犝 xing (с ключом «бык»), что свидетельствует о разнообразии письменных вариантов одного слова [Wang 1996, с.75]. В современных как китайских толковых, так и китайско-русских словарях отмечается, что 犝 xing (с ключом «бык») – вариант написания 騂 xing (с ключом «лошадь») [古今汉语词典 2004; БКРС 1983].

Как правило, когда в состав иероглифа входит семантико-фонетическое образование, то его общая семантическая классификация определяется ключом. Таким образом, когда 𠂔 xing использовался для описания цвета почвы, то ключевым элементом должна была быть «земля», элемент «лошадь» – при определении цвета лошади, ключ «бык» – при описании цвета шерсти быка. Однако на практике не существовало такого строгого различия в написании: в ранних текстах фонетические соединения, содержавшие элемент 𠂔 xing, оказывались взаимозаменяемыми, и лексемы, их содержавшие, использовались как в предметном, так и в качественном значении при описании любого животного красного окраса. Это подтверждает существование гибкости в использовании иероглифов в древнем китайском языке, а также наличие принципа ребуса [Wang 1996, с.76].

На период эпохи Западная Чжоу (XI в. до н.э. – 771 г. до н.э.) и до середины Периода Чуныцю (770 – 476 гг. до н.э.) приходится время создания «Ши цзин». Как известно, чжоусцы были некогда кочевым народом, что и отразилось в этом письменном памятнике, где упомянуто 23 разновидности лошадей с

подробным перечислением всех возможных мастей и окрасов. Только в одном из «Гимнов дома Лу» «Конский выгон» (《駟》) содержится описание 16 мастей лошадей. Приведем описание их окрасов китайскими исследователями [刘云泉 1990, с.8-9; 徐朝华 2003, с.47;] (под номером «1»), а также при помощи «Большого китайско-русского словаря» под ред. И.М. Ошанина (под номером «2») с целью выявления эквивалентов: ²

- 驕 yu – 1) конь с темно-чёрным волосяным покровом и белыми бёдрами;
2) вороной конь с белыми бёдрами
- 皇 huang – 1) конь жёлто-белого окраса;
2) белый в гнедых яблоках
- 驪 li – 1) конь чистого чёрного окраса;
2) вороной
- 黃 huang – 1) конь смешанного жёлто-рыжего окраса;
2) соловый
- 騅 zhui – 1) конь с шерстью серо-белого окраса;
2) серо-пегий; серый в яблоках конь
- 駉 pi – 1) конь со смешанной жёлто-белой шерстью;
2) лошадь каурой масти
- 驥 xing – 1) конь красного цвета;
2) огненно-рыжий
- 騏 qi – 1) иссиня-чёрный конь с пятнами, как клетки на шахматной доске;
2) вороной; пегий
- 驪 tuo – 1) конь темного цвета с черными пятнами на коже;
2) пегая лошадь
- 駱 luo – 1) белая лошадь с чёрной гривой и чёрным хвостом;
2) белая лошадь с чёрной гривой
- 騮 liu – 1) красная лошадь с чёрным хвостом и гривой;
2) рыжая лошадь с чёрной гривой и чёрным хвостом
- 雒 luo – 1) чёрная лошадь с белой гривой;
2) воронья лошадь с белой гривой
- 騶 yin – 1) светло-чёрная с примесью белого окраса лошадь;
2) серая чубарая лошадь
- 駮 xia – 1) конь смешанного красно-белого окраса;
2) белая лошадь в рыжих яблоках
- 驪 dian – 1) чёрный конь с жёлтой спиной;
2) вороной конь с жёлтой спиной.
- 魚 yu – 1) лошадь с белыми пятнами вокруг глаз;
2) лошадь рыбоокая (с белыми пятнами вокруг глаз).

Только у кочевых народов наблюдается широко развитая система обозначений мастей лошадей. В самом древнем китайском толковом словаре «Эръя» (составление его относят к III-II вв. до н.э.) всего перечислено 35 мастей лошадей, тогда как относящихся к описанию окрасов коров и баранов их только по 5 для каждого животного. Для сравнения отметим, что в монгольском языке существует более трехсот слов, связанных с коневодческой лексикой, из них 36 являются собственно обозначениями мастей [张清常 1991, с.67].

По мере развития общества количество обозначений мастей лошадей уменьшалось. Если до Периода Чжаньго (475–221 гг. до н.э.) древние китайцы отбирали лошадей строго по окрасу, как для жертвоприношения, так и для использования в повозках знати, то в конце Периода Чжаньго – начале Династии Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) под влиянием северных кочевников сюнну они стали уделять большее внимание физической силе и скорости животных, нежели их расцветке. Так, если в «Эръя» перечислено 35 мастей лошадей, то в «Шовэнь цзецзы» их всего 25.

В это время в языке происходят обобщающие явления: сложные лексемы, изначально обозначавшие конкретное животное определенного окраса, стали употребляться не в предметном, а уже в качественном значении для описания любого животного данного цвета. Выше мы уже рассматривали этот процесс на примере лексемы 騂 xing, подобное явление происходит и с ИЦ 驪 li (далее – 骊).

Если первоначально 驪 li обозначал «коня чистого черного окраса», то после Периода Чжаньго происходит расширение его семантики. Так, например, ранее не было термина для обозначения быка черного окраса, существовали только лексемы 犛 gup («бык с черной мордой»), 抽 xiu («бык с черными глазами»), 犛 wei («бык с черными ушами»), 犛 quan («бык с черными ногами») [徐朝华 1987, с.349]. Аналогично, не существовало и единого термина для обозначения черного барана. Тем не менее, зафиксированы лексемы с градацией одновременно по окрасу и половому признаку: 羖 gu («черный баран») и 羖 yu («черная овца»), а также двусоставная лексема, образованная по атрибутивной модели – 夏羊 xia yang, обозначающая черную овцу или барана, однако не существовало емкой единой односоставной лексемы [徐朝华 1987, с.350; 徐朝华 2003, с.143;]. После Периода Чжаньго 驪 li переходит в разряд имен цвета и используется для описания животных черного окраса уже в составе биномов: 驪马 «li ma» («墨子. 小取») «черная лошадь» («Мо-цзы», раз-

дел «Сяоцзой»), 騮牛 «li niu» («庄子. 天下») «черный бык» («Чжуан-цзы», раздел «Тянься»), 騮羊 «li yang» («史记. 龟策列传») «черный баран» («Ши цзи», раздел «Гуйцэ лечжуань»), 騮驹 «li ju» («史记. 秦本纪») «двухгодовалый вороной конь» («Ши цзи», раздел «Цинь бэньцзи») и даже 騮龙 «li long» («庄子. 列御寇») «черный дракон» («Чжуан-цзы», раздел «Ле Юйкоу»).

В современном китайском языке ИЦ 騮 li встречается в составе топонима. В 30 км к востоку от города Сиань есть гора Лишань (騮山), название которой восходит ко временам династии Западная Чжоу. Гора эта – потухший вулкан, поросший сосново-кипарисовым лесом, и издалека напоминающая по своей форме лошадь. Поскольку сосново-кипарисовый лес на большом расстоянии выглядит черным, то отсюда и пошло ее название – «Гора Черного Коня».

Особую роль в развитии системы цветоименований в китайском языке сыграла лексема 騮 liu, первоначально обозначавшая красную лошадь с черными хвостом и гривой, то есть гнедую. Образовав сложное слово с лексемой 黄 huang «жёлтый», она выделилась в самостоятельное ИЦ – 騮黄 liuhuang и служила для обозначения сначала зеленовато-жёлтого, а затем коричневого цвета.

騮黄 liuhuang впервые встречается в «Шовэнь цзецзы» в варианте 留黄 liuhuang (без элемента «лошадь») при описании атраксона – травянистого растения семейства злаковых (蔴 li), где говорится, что качестве красителя он дает цвет 留黄 liuhuang. Комментатор «Шовэнь» времен династии Цин (1644–1911 гг.) Дуань Юйцай объясняет этот цвет через омофон 流黄 liuhuang («поток» + «желтый») как зеленовато-жёлтый, ссылаясь на словарь «Гуанъя», составленный Чжаном И в Период Троецарствия (220 – 280 гг. н.э.) [说文解字今释2001], а также приводит его вариант – 騮黄 liuhuang (с элементом «лошадь»), объясняя, что именно в таком написании он встречается в «Комментариях «Ли цзи» Хуан Каня (488 – 545 гг. н.э.) [辞海 1994]. По всей вероятности, 騮黄 liuhuang был часто употребляемым словом, потому и имел несколько вариантов написания.

Явление перехода названия масти лошади в разряд цветоименований с одновременной «заменой цвета» присуще не только китайскому языку. Известно, что лексема «голубой» в первых письменных источниках русского языка употреблялась только в качестве названия конской масти, а лексема «светлый» получила значение «светло-жёлтый» и «буланый», став названием масти животных [Василевич, Михайлова 2003, с.299]. В. И. Даль, давая дефиницию «голубого», отмечал: «... в ниже-

городской губернии голубым иногда народ зовет жёлтый цвет; замечательно, что цвета эти противоположны».

Примечательно, что в китайском языке процесс выделения цветоименования 骝黄 *liuhuang* на этом не остановился. Кроме значения «зеленовато-желтый», он также приобретает значение «коричневый». Связано это с теорией «пяти стихий» и соответствующих пяти цветов. Толкование этой теории первоначально происходило только по принципу «взаимного порождения» (相生 *xiang sheng*), но в XIII в. неоконфуцианец Сюй Цянь предложил принцип «взаимного покорения» (相克 *xiang ke*):

«Огонь покоряет (плавит) Металл. Красный и белый дают розовый.

Металл покоряет (рубит) Дерево. Белый и зеленый дают бирюзовый.

Дерево покоряет (пробивает ростками) Землю. Зеленый и желтый дают светло-зеленый.

Земля покоряет (впитывает) Воду. Желтый и черный дают цвет *liuhuang*.

Вода покоряет (тушит) Огонь. Черный и красный дают фиолетовый» [Сычэв, Сычэв 1975, с.24].

Комментатор Ян Шэнь времен династии Мин (1368 – 644 гг.) поясняет: «Цвета пяти стихий – основные (正色 *zheng se*), цвета, образующиеся в процессе взаимного покорения стихий – смешанные (间色 *jian se*) [刘云泉 1990, с.192]. 骝黄 *liuhuang*, таким образом, входил в систему цветовых обозначений пяти цветов в качестве одного из «смешанных». Но если практически все словари и другие источники дают исчерпывающие определения прочих «смешанных» цветоименований, то в случае с 骝黄 *liuhuang* мы можем опереться только на приведенное выше определение 骝 *liu* как гнедой лошади (т.е. красной с черными хвостом и гривой) в сочетании с лексемой 黄 *huang* «желтый» что, в принципе, подходит под определение «буланный» (см. примеч. 2). Сопоставив все составляющие, обнаруживаем, что 骝黄 *liuhuang* обозначал цвет, полученный в результате смешивания красного, желтого и сравнительно небольшого количества черного, что в норме дает коричневый цвет, в связи с чем мы предлагаем дефиницию 骝黄 *liuhuang* как «коричневого». В констатации факта 骝黄 *liuhuang* в качестве «коричневого» мы не единственны [Baxter 1983, с.8].

Современные китайские словари, как правило, не упоминают о цвете 骝黄 *liuhuang*. Единственное исключение – словарь «Цыхай», который отсылает к омофону 留黄 *liuhuang*, где тот, в свою очередь, трактуется как «желтый, близкий к зеленому».

В «Большом китайско-русском словаре» под ред. И.М. Ошанина 驢黃 *liuhuang* не упоминается, тем не менее, присутствует всё тот же омофон 留黃 *liuhuang* (без элемента «лошадь») в аналогичном значении «зеленовато-жёлтый, салатный [цвет]». Фиксация его в значении «коричневый» ни в одном из словарей нами обнаружена не была.

Примечания

- ¹ В древнекитайском языке быки буйвол обозначались общим иероглифом 牛 *niú*.
- ² Для сравнения укажем некоторые соответствия с описанием окрасов лошадей в русском языке [Ожегов 1981]: *Вороной* – чёрный. *Гнедой* – красновато-рыжий с чёрным хвостом и гривой. *Соловый* – желтоватый со светлым хвостом и светлой гривой. *Пегий* – пятнистый, пёстрый. *Каурый* – светло-каштановый, рыжеватый. *Чубарый* – с тёмными пятнами по светлой шерсти или вообще с пятнами другой шерсти. *Буланый* – светло-жёлтый с чёрным хвостом и гривой.

Литература

- БКРС – Большой китайско-русский словарь, тт. 1-4 / Под ред. И.М. Ошанина. М.: Наука, 1983. 1066 с.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1981. 816 с.
- Василевич А.П., Михайлова Т.А. Лазурь и пурпур. Чему учит история терминов цвета // Российская наука: «Природой здесь нам суждено». М.: Октопус-Природа, 2003. С. 296-304.
- Михайлова Т.А. «Красный» в ирландском языке: понятие и способы его выражения // Вопросы языкознания. 1994. № 6. С. 118-128.
- Сычёв Л.П., Сычёв В.Л. Китайский костюм. Символика, история, трактовка в литературе и искусстве. М.: Наука, 1975. 132 с.
- Baxter W.H. III. A look at the history of Chinese color terminology // Journal of the Chinese Language Teachers Association. 1983. Vol. XIX. №2. P. 1-26.
- Wang Tao. Colour Terms in Shang oracle bone Inscriptions // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. 1996. Vol. 59. № 1. P. 63-101.
- 辞海 (2册). –北京: 中华书局, 1994. 3612 页.
- 古今汉语词典. –北京: 商务印书馆, 2004. 2046 页.
- 汉字形义分析字典. –北京: 北京大学出版社, 1999. 736 页.
- 说文解字今释 (2册) / (东汉) 许慎著; 汤可敬撰. 长沙: 岳麓书社, 2001. 2470 页.
- 刘云泉. 语言的色彩美. –合肥: 安徽教育出版社, 1990. 246 页.
- 罗常培. 语言与文化. –北京: 北京出版社, 2003. 220 页.
- 徐朝华. 尔雅今注. –天津: 南开大学出版社, 1987. 360 页.
- 徐朝华. 上古汉语词汇史. –北京: 商务印书馆, 2003. 328 页.
- 张清常. 汉语的颜色词 (大纲) // 语言教学与研究. 1991年. 第3期. 第63-80页.

Галямина Ю.Е., Казакевич О.А.,
Рудницкая Е.Л., Будянская Е.М.,
Вахонева Д.М.

О приложимости различных моделей описания языка к реальному языковому материалу (на примере кетского глагола)¹

0. Введение в контекст

Всякое описание элементов языковой структуры, независимо от степени формализации этого описания², представляет собой модель³. Очевидно, что модель не равна моделируемому объекту, а отражает наше об этом объекте представление⁴. Об одном и том же объекте могут возникать разные представления и, соответственно, могут строиться разные модели этого объекта.

Тема статьи возникла из прикладной задачи морфологического индексирования кетских текстов в ходе подготовки их к изданию. Тексты, с которыми мы работаем, записаны в не слишком детализированной фонетической транскрипции, полученной в ходе расшифровки аудиозаписи с помощью носителей кетского языка и затем уточненной при многократных повторных прослушиваниях. Казалось бы очевидным, что перед началом морфологического индексирования (глоссирования) словоформ текста надо перевести текст в фонематическую запись: все современные описания кетской морфологии сделаны на базе фонематической транскрипции. Однако у каждого из авторов этих описаний свое представление о кетской фонологической системе и фонетических процессах, возможных в кетской речи сегодня, а также имевших место в истории языка. Таким образом, не только морфологическое индексирование текста, но и переход от фонетической записи текста к фонематической может быть сделан только после выбора опорной модели описания морфологии.

Переход от фонетической записи к фонематической сам по себе нетривиален. Причины тому две. Во-первых, большая степень вариативности произнесения словоформ не только

разными информантами-носителями одного диалекта, но и одним и тем же информантом, что свойственно устной речи вообще, а устной речи в языке без письменной традиции и какого-либо внешнего нормирования – в еще большей степени. Во-вторых, кетский язык интенсивно вытесняется из употребления русским, а в ситуации языкового сдвига ускоряются процессы языковых изменений (иногда это называют деградацией языка), так что в одно и то же время в разных поколениях можно наблюдать разные стадии развития этих процессов, что повышает фонетическую (и грамматическую) вариативность.

Множественность существующих моделей и аппаратов описания среди прочего обусловлена вариативностью языков, и в частности глагола: по морфологическому типу (изолирующие, агглютинативные, фузионные), по типам модели согласования [Кибрик 2003, с. 126-187] и т.д.

Кетский язык – последний представитель енисейской семьи – не обойден вниманием лингвистов. Если кетская именная морфология не представляет особых сложностей, глагольная морфология чрезвычайно сложна и запутана. С середины XX века было предложено несколько альтернативных моделей описания структуры кетской глагольной словоформы. В связи с этим имеется возможность выбора.

1. Порядковые модели описания кетского глагола

Кетская глагольная словоформа описывается с помощью грамматики порядков⁵ [Буторин 1995, 1999], либо порядковой модели с элементами словесно-парадигматической модели [Крейнович 1968], [Решетников, Старостин 1995], [Werner 1997], [Вайда, Зинн 2004], [Vajda 2004, 2005]. Для подробного рассмотрения и сравнения с точки зрения возможности использования в качестве инструмента при анализе текстов мы выбрали два описания – [Вайда, Зинн 2004; Vajda 2004] и [Решетников, Старостин 1995]. Оба эти описания кетского глагола – порядковые модели с элементами словесно-парадигматической модели. Описание глагольной словоформы строится из:

- приписывания ее к той или иной парадигме,
- описания парадигмы через порядковую модель

В таблице 1 сопоставлены упрощенные схемы глагольной словоформы по моделям Вайды и Решетникова-Старостина⁶.

Табл. 1

Вайда										
П8	П7	П6	П5	П4	П3	П2	П1	П0	П-1	
валент- ность	инкорпо- рант	валент- ность	уточнитель	дуратив или валент- ность	валент- ность	время или наклонение	валент- ность	основа	валент- ность	
Решетников, Старостин										
7	6	5	4	3	2	1	0	-1		
агентив	модификатор	датив	детерминатив	тематический гласный	объектив (пере- движение из 1)	время	объектив	ядро	агентив (чис- ло)	

В обеих моделях выделяется позиция основного корня (П0/0) и позиция для второго корня (П7/6), который участвует в образовании сложной основы. Позиции П4 и П2 у Вайды и, соответственно, 3 и 2 у Решетникова, Старостина не совпадают по распределению маркеров (а П4 и 3 – и по семантике). Так, по Вайде: П4 – показатель дуратива (-а- в настоящем времени и -о- в прошедшем) и П2 – показатель времени -il-, -in-. По Решетникову-Старостину: 3 – тематический гласный (два типа спряжения а/о и Ø/i), а 2 имеет вид -l-, -n-. Пример (1) из текста келлогского информанта 2005 г.

- (1) *d-isqo-o-l-bet-in*
 (В) S1⁸-рыбалка⁷-Dur⁴-Past²-делать⁰-SPI⁻¹
 (РС) A1-Mod-Tem-Past-делать-API
 мы рыбачили

У глагола 'рыбачить' сложная основа: -is-qo- ('рыба-добывать') в позиции П7/6 и -bet ('делать') в позиции П0/0. Согласование с субъектом идет по агентивному ряду: показатель лица *d-* в позиции П8/7, показатель числа -in в позиции П-1/-1. Гласный -o- в позиции П4/3 Вайда считает показателем дуратива, а в модели Решетникова-Старостина это тематический гласный. Формант -l- в П2/2 – показатель прошедшего времени.

Позицию П5/4 занимают форманты, значение которых в обеих моделях считается до конца не выясненным. Вайда

называет их уточнителями, которые вносят дополнительное значение в семантику корня. Например, у Вайды: *k* (не лабиализующий последующий гласный в позиции П6) – адессив (движение, направленное на субъект), *k* (лабиализующий гласный в П6) – аблатив (движение вверх или от субъекта), *t* – суперэссив (контакт с поверхностью), *n* – движение вокруг объекта, – а Решетников, Старостин считают те же самые элементы (*k*, *t*, *n*) дативными детерминативами. Рассмотрим пример (2) из [Vajda 2004] (в морфонологической записи):

- (2) *bo-k-b-hun*
 (B) S1Sg⁶-**Abl**⁵-Caus³-скользить⁰
 (PC) D1Sg-**Det**-O'-скользить
 я поскользнулся

Глагол 'поскользнуться' согласуется с субъектом действия по дативному ряду (-*bo*- П6/5), и по модели Решетникова-Старостина формант -*k*- в позиции П5/4 обусловлен именно наличием этого согласования; Вайда приписывает -*k*-семантику аблатива. Формант -*b*- в позиции П3/3 в (2) Вайда интерпретирует как произвольный каузатив, а в модели Решетникова-Старостина это показатель квази-объективной конструкции А.7 Корень -*hun* – в позиции П0/0.

В обеих моделях выделяется три основные согласовательные позиции: П8/7 – во всех описаниях признается позицией агенса⁸; П6/5 – считается «абсолютивной» позицией по [Вайда, Зинн 2004], «дативной» позицией по [Решетников, Старостин 1995]; П4/3-П3/3-П1/1 – рассматриваются как (альтернативные) позиции пациенса.⁹ Пример (3) из [Решетников, Старостин 1995, с. 36] иллюстрирует агентивно-объектное согласование:

- (3) *d-in-kaŋ-tān*
 (B) S1⁸-Past²-Obj2Pl¹-опоясать⁰
 (PC) A1Sg-{Tem-Past}-O2Pl-опоясать
 я вас опоясал

Глагол 'опоясать' согласуется с субъектом по агентивному ряду (*d*- П8/7) и с объектом по объективному (-*kaŋ*- П1/1). Формант -*in*- Вайда рассматривает как один показатель (прошедшего времени), а Решетников, Старостин разбивают его на два показателя: -*i*- (тематический гласный) и -*n*- (прошедшее время). Корень -*tān* стоит в П0/0.

По Вайде, глагольная словоформа может согласовываться с одним или двумя актантами («непереходные» и «переходные» глаголы); Решетников, Старостин [1995, с. 66] допускают трехактантное согласование (агентив, датив и пациенс) у глаголов

типа 'дать', 'бросить' (в кого-л.). У таких глаголов заполнены согласовательные позиции П8/7 (агенс), П6/5 (датель) и П3/3 (пациенс), однако показатель в позиции П3 «усеченный»: независимо от класса пациенса употребляется $-b^3-$ (O3SgTh³). Так, в примере (4) из [Вайда, Зинн 2004, с. 57] $-b^3-$ употребляется вместо объектного показателя $(-s/j)a^1-$ (O3SgM/F¹), соответствующего «реальному» пациенсу ('дочь')¹⁰. Собственно, в [Решетников, Старостин 1995] также признается, что случаи трехактантного согласования выглядят несколько ущербно.

- (4) *bū* *tē't* *qímdìl* *daávàq*
она муж женщина.ребенок дает
[da⁸-a⁶-b³-aq⁰]
[S3SgF⁸-Obj3SgM⁶-ApI³-дать⁰]
Она дает дочь своему мужу [глагол не согласуется с существительным 'дочь']

В глагольной словоформе нет единой позиции объектива. Это видно по словоформам прошедшего времени (показатель настоящего времени нулевой): показатели объектива 3 лица и 1, 2 лица занимают разные слоты относительно показателя времени. Вайда в своем описании изначально закладывает для соответствующих показателей три отдельные позиции (П1, П3, П4), а Решетников, Старостин [1995, с.37] говорят о смене позиции показателями объектива 3 лица. Кроме того, Решетников, Старостин подробно рассматривают показатели кореферентного объектива, стоящие в позиции объектива, но согласующиеся с тем же актантом, что и агентивный показатель («двойное согласование») – см. сноску 13 и п. 2.4.

Формант $-a/-o-$ с чередованием по времени (см. выше) Решетников, Старостин считают показателем спряжения (наряду с показателем $-i-$), в то время как Вайда полагает, что гласный $-i-$ – часть показателя прошедшего времени $-in-$, $-il-$.

2. Сравнение языковых моделей по заданным критериям

Для решения практической задачи выбора одной из двух теорий при описании текстов не имеет смысла исходить из чисто эпистемологических предпосылок, предлагаемых представителями релятивистского подхода в философии науки.¹¹ Более продуктивным представляется опора на инструменталистскую парадигму, в рамках которой теория признается верной, если она более пригодна для решения практической задачи. Сравним две модели описания кетского глагола исходя

из некоторых критериев, разработанных Т. Куном [Kohn 1977], которые в данном случае кажутся нам релевантными.

- Охват и глубина анализа материала
- Степень соответствия фактам и предсказательная сила
- Степень соответствия научной парадигме
- Простота

2.1. Охват и глубина анализа материала

В целом модель [Вайда, Зинн 2004; Vajda 2004] охватывает больший объем материала и дает более подробное описание. Например, словарь [Вайда, Зинн 2004] (составлен на базе южнокетского диалекта) включает 673 глагольные лексемы, для 362 из которых (основная глагольная лексика) дается морфологический разбор ряда словоформ¹². В этом отношении модель Решетникова-Старостина [Решетников, Старостин 1995], также построенная на материале южного диалекта, уступает модели Вайды: хотя авторы учитывают богатый материал Е.А. Крейновича [Крейнович 1968] (суломайский говор), добавляя свой собственный материал (келлогский говор), непосредственно в работе проанализировано гораздо меньшее количество глаголов.

Однако проблема не только в объеме рассмотренного языкового материала, но и в том, насколько глубоко анализируются факты, и в этом отношении обе модели не всегда оказываются на высоте. Например, ни Вайда, Зинн [2004], ни Решетников, Старостин [1995, с. 55, 58-59, 68], говоря о ситуации, когда несколько показателей согласуются с одним и тем же актантом (П8=П6, П8=П1)¹³, не дают исчерпывающего объяснения «двойного» согласования. В некоторых случаях (например, в непереходных глаголах) это может объясняться «избыточностью» согласовательных позиций, а не семантическими причинами¹⁴ – ср. аналогичное явление в некоторых кавказских языках [Кибрик 2003, с. 425-427].

2.2. Степень соответствия фактам и предсказательная сила

Соответствие фактам – это то, насколько теория соответствует ранее найденным фактам (собранным авторами и их предшественниками парадигмам и текстам). Предсказательная сила – способность теории строить предсказания, которые могут быть впоследствии подвергнуты процедуре фальсификации [Поппер 1983].¹⁵ По этим критериям у обеих моделей не очень высокие результаты оценки, в том числе и в связи с тем,

что сейчас осталось очень небольшое количество носителей кетского языка, высока вариативность используемых форм, и многие современные информанты уже не в состоянии построить зафиксированные ранее парадигмы. Работает и фактор развития языка (лексикализация, утеря обязательности и регулярности глагольных грамматических категорий – см. [Vajda 2005]). При построении своей модели Решетников, Старостин пытались опираться в основном на примеры, зафиксированные по нескольким источникам, однако и эти примеры не всегда поддавались унифицированной трактовке.

Авторы обеих моделей уделяют явно недостаточно внимания правилам фонетического, фонологического и морфонологического варьирования. При работе с кетскими текстами, записанными в последнее десятилетие, мы нередко обнаруживаем словоформы, появление которых в рамках рассматриваемых моделей трудно объяснить. Собственно, Решетников, Старостин [1995] и сами признают, что изучение (мор)фонологических чередований в кетском языке находится в зачаточном состоянии. Данные проблемы оказываются периферийными для авторов обеих моделей, в центре их внимания – поиски семантической обусловленности моделей управления глагольных лексем.

Остановимся более подробно на механизме глагольного согласования и его трактовке в обеих моделях. Как отмечалось в п. 1, обе модели выделяют три основные согласовательные позиции (П8, П6 и П4/П3/П1 по Вайде). П8 – агентивная позиция, П4/П3/П1 – пациентивная. Относительно П6/5 рассматриваемые теории расходятся: Вайда [Вайда, Зинн 2004] называет П6 «абсолютивной» позицией (более синтаксическая трактовка этой позиции), а Решетников, Старостин [1995] – «дательной» позицией (ролевая трактовка).

«Дательная» (ролевая) трактовка до некоторой степени отражает семантическую специфику глагольной лексики: и по [Решетников, Старостин 1995, с. 51-52, 64], и по [Вайда, Зинн 2004, с. 36], непереходные глаголы с согласованием субъекта в П6/5 в основном неагентивные, то есть их субъект не является агенсом (это глаголы движения, восприятия и т.д.). При двухактантном глаголе показатель в П6 обычно соответствует дополнению с такими ролями, как 'стимул' или 'бенефактив' (см. «глубинные падежи» в работе [Филлмор 1981/1968]), которые во многих языках выражаются дательным – 'смотреть', 'протянуть'.

Однофакторное (например, ролевое) детерминирование модели управления глагола в общем случае повышает степень

предсказательной силы теории. Однако модель управления (или схема согласования) кетского глагола определяется не только ролями актантов этого глагола, но в большой степени и другими факторами. Один из важных факторов – одушевленность актантов, см. сноску 8, другой фактор – возможность «лексикализации» модели управления (см. п. 2.3). Собственно, слабая предсказуемость модели управления кетского глагола признается авторами обеих теорий. Как указывается в словаре [Вайда, Зинн 2004, с. 206, 214], (квази)синонимичные глаголы, актанты которых, казалось бы, имеют одинаковые роли, могут спрягаться по разным моделям (пример (5)). Решетников, Старостин [1995] также отмечают, что их наименования актантных согласовательных позиций в глаголе – не более чем ярлыки.

- (5) а. *dingutet*
 $d(u)^8-in^2-ku^1-tet^0$
 (В) S3SgM⁸-Past²-Obj2Sg¹-бить⁰
 он тебя **бил**

Показатель объекта ('тебя') стоит в позиции пациенса П1.

- б. *(t)ko:nkutaviltet*
 $d(u)^8-ko:/n^7-ku^6(-*k^5)-t/a^4-b^3-il^2-tet^0$
 (В) S3SgM⁸-кулак/Pl⁷-Obj2Sg⁶-Ads⁵-Dur⁴-Ints³-Past²-бить⁰
 он тебя **бил кулаком** (итератив)

Показатель объекта ('тебя') стоит в позиции абсолютива П6 (по Вайде) / датива (по Решетникову-Старостину)¹⁶.

Вайда предлагает усилить фактор предсказуемости за счет фактора простоты, выделяя пять основных типов спряжения ([Вайда, 2006] – 7 типов), а также большое количество подтипов. Тот или иной подтип – индикатор, который необъяснимым образом приписывается тому или иному глагольному значению (ср. тридцать одну «продуктивную основообразующую формулу» в [Вайда, 2006]). Согласно [Vajda, 2005], такая система сложилась в результате исторического развития кетского языка. Мы видим, что попытки сделать теорию более предсказуемой делает ее более сложной.

Для активного, работающего языка можно утверждать, что количество порождаемых на нем не только текстов и предложений, но и просто словоформ бесконечно; с кетским складывается иная ситуация. Параллельно с языковым сдвигом (переходом кетской языковой общности на русский язык) в кетском языке идет активное разрушение функционировавшего еще несколько десятилетий назад морфологического механизма,

так что набор порождаемых информантами словоформ ограничен¹⁷. В такой ситуации фактор предсказуемости может быть обеспечен только за счет составления в рамках той или иной теории полного парадигматического словаря.

2.3. Соответствие научной парадигме.

Как уже говорилось, кетский глагол описывается большинством лингвистов в терминах грамматики порядков с элементами словесно-парадигматической модели [Vajda 2005], однако он плохо поддается унифицированной трактовке, и его трудно уложить в уже существующие типы языков. Как отмечается в статье [Которова, Нефедов 2006], кетская глагольная группа, в отличие от именной, строится преимущественно по принципу маркирования вершины (head-marking). Э. Вайда [Вайда 2006], полемизируя с С.С. Буториным [Буторин 1999], (на наш взгляд, не вполне обоснованно – см. п. 2.2) заключает, что по стратегии глагольного согласования кетский язык нельзя приписать ни к какому типу ролевых языков [Кибрик 2003, с. 126 и далее] – подробнее см. п. 2.2.

«Деривационная» модель построения глагольной словоформы [Тестелец 2004] описывает кетские глаголы только фрагментарно из-за сильной лексикализации детерминативов / уточнителей – см. комментарии к примеру (2), пример (4) и сноску 10 в п. 1. Как показывает пример (6) из словаря [Вайда, Зинн 2004, с. 63], залог / диатеза часто маркируется в глаголе через (словообразовательный) суффикс, а так называемый «каузатив» -q⁵-, сильно лексикализированный, присутствует и в «переходной» (а), и в «непереходной» (б) диатезе.

- (6) а. *datókwǰijŋqírít*
da⁸-toqojŋ⁷-q⁵-di¹-t⁰
(В) S3SgF⁸-сушить⁷-Caus⁵-Obj1Sg¹-однократный.переходный⁰
она начинает **меня обсушивать**
- б. *datókwǰijŋqísàtn*
da⁸-toqojŋ⁷-q⁵-(s)-a¹-{t-n}⁰
(В) S3SgF⁸-сушить⁷-Caus⁵-(Sep)-S3Sg.coref¹-однократный.непереходный⁰
она начинает **обсушиваться**

2.4. Простота

В системе кетского глагола есть несколько моментов (помимо упомянутых в п. 2.3), описание которых ни в работе [Решетников, Старостин 1995], ни в работах Вайды нельзя назвать

удовлетворяющими критерию простоты. Рассмотрим подробнее показатели объектива (см. п. 1). Выше уже говорилось, что в модели Вайды показатели 3 лица объектива описываются как стоящие в позиции перед временным показателем *-il-*, *-in-*, а в модели Решетникова-Старостина тот же языковой факт описывается динамически как передвижение показателей 3 лица объектива в позицию перед показателем времени (то есть практически теми же *-l-*, *-n-*) из позиции за этим показателем, характерной для показателей объектива 1 и 2 лица (см. таблицу 2).

Табл. 2 [Решетников, Старостин 1995, с. 75]

d-á-b-i A1Sg-Tem-O3SgTh-точить я это точу	d-ó-b-n-i A1Sg-Tem-O3SgTh-Past-точить я это точил
d-a-b-í A1Sg-Tem-O3SgTh-укладывать я это укладываю	d-ó-b-l-i A1Sg-Tem-O3SgTh-Past-укладывать я это уложил

Из примеров, приведенных в таблице 3, видно, что показатель объектива *-b-* занимает позицию между тематическим гласным и показателем претерита. Однако в случае *i*-спряжения в модели Решетникова-Старостина приходится отдельно оговаривать, что тот же показатель *-b-* (O3SgTh) передвигается в позицию перед тематическим гласным *-i-*.

Табл. 3

dɔ-b-a A3SgF-O3SgTh-есть она это ест	da- b -i-l-a A3SgF-O3SgTh-Tem-Past-есть Она это ела
--	--

Аффиксы O3SgM,F и O3Pl не показательны в плане позиции объектива относительно тематических гласных:

- (7) [d]-taχ-**aŋ**-u-l-a-n
A3M-бить-O3Pl-?-Past-бить-APl
они их ударили

Вайда выделяет две позиции для показателя объектива 3 лица: 3sgM,F в П4 и 3sgTh в П3 (у Решетникова, Старостина формулируется одно правило передвижения показателя объектива 3 лица). При этом оказывается, что позиция П4 в модели

Вайды может быть занята либо показателем дуратива, либо показателем объектива. Отметим, что выделение одной и той же позиции для аспектуального и согласовательного показателей представляется нелогичным.

3. Заключение: «темные» места моделей и перспективы развития теории

В описании Решетникова, Старостина отмечается, что в показателях O3SgM,F и O3Pl происходит чередование *a/o* в зависимости от временной характеристики глагольной словоформы. При этом авторы указывают, что «причина данного чередования, явно не обусловленного никакими фонетическими факторами, до сих пор не выяснена» [Решетников, Старостин 1995, с. 37]. Обратим внимание на симметрию между показателями множественного числа объектива – *d-aŋ* (O 1Pl), *k-aŋ* (O2Pl) и *-aŋ* {*a*} / *-oŋ* {*o*} (O3Pl) – и на то, что чередование есть только в 3 лице объектива, который при этом всегда передвигается в позицию перед показателем времени. Это наводит на мысль, что изменение, возможно, происходит под влиянием некоторого форманта, который в данном случае на фонетическом уровне не выражен. В обеих моделях выделяется формант *-a/-o-* с чередованием по времени, однако его интерпретация как дуратива (Вайда) или тематического гласного (Решетников, Старостин) не позволяет говорить о присутствии этого показателя во всех глаголах, тогда как чередование в показателях объектива 3 лица представлено во всех без исключения глаголах с этими показателями. Здесь интересно заметить, что Решетников, Старостин в случаях агентивно-объектного согласования говорят о «контаминации» типов спряжения: глагол *i*-спряжения при наличии показателя объектива 3 лица начинает спрягаться по *a*-спряжению. В модели Вайды форманты *-a/-o-* и *-i-* не разделяют глаголы на два класса, поэтому наличие в парадигме одного и того же глагола и гласного *-i-*, и чередования *-a/-o-* в показателях 3 лица объектива не вызывает противоречий и не требует дополнительных комментариев. Зато Вайде приходится объяснять частые случаи отсутствия *-i-* в формантах *-in-*, *-il-* фонетическими процессами.

Как мы видим, обе теории – и Решетникова, Старостина, и Вайды – не могут полностью удовлетворить заданным критериям. Все «недоработки» моделей описания выходят наружу, как только мы начинаем рассматривать модели как инструменты анализа конкретного языкового материала. Возможно, реше-

ния, которые будут приниматься в процессе анализа (а наша задача морфологического индексирования корпуса кетских текстов в конце концов заставит нас по каждой конкретной словоформе принять то или иное решение) дадут толчок к дальнейшему развитию теории – окончательного выбора модели, которая будет взята в качестве отправной точки анализа, мы пока так и не сделали.

Примечания

- 1 Статья подготовлена в рамках проекта «Изменяющаяся Россия в рассказах о жизни кетов, селькупов и эвенков», грант РГНФ 07-04-00332а.
- 2 Максимальной формализации требуют описания, используемые в системах автоматического понимания текста, которым посвящена новая книга Н.Н. Леонтьевой [Леонтьева 2006].
- 3 Утверждение, кажущееся теперь вполне тривиальным, впервые было сформулировано К.Ф. Хокеттом более полувека назад [Hockett 1954]. О том, как понятие модели входило в лингвистику, см. [Чжао Юань-жень 1965/1962].
- 4 См. [Шрейдер 1971]. В данной статье мы употребляем разводимые Ю.А. Шрейдером термины *теория* и *модель* как синонимы (ср. [Чжао Юань-жень 1965, с. 288]).
- 5 О грамматике порядков см. [Алпатов 1979], [Ревзин, Юлдашева 1969], [Пинес 1970].
- 6 Мы используем следующие сокращения. **1.** В примерах (варианты грамматического разбора): PC – Решетников, Старостин; B – Вайда; П1/1 – Позиция по Вайде / позиция по Решетникову-Старостину. **2.** Глоссы: S – Субъект (Вайда); Obj – Объект (Вайда); A – Агентив (Решетников-Старостин); D – Датив (Решетников-Старостин); O – Объектив (Решетников-Старостин); O' – Показатель квази-объектной конструкции (Решетников-Старостин); coref – Кореферентный согласовательный показатель; Sg – Единственное число; Pl – Множественно число; M – Мужской класс; F – Женский класс; Th – Неодушевленный класс; Mod – Модификатор (Решетников-Старостин); Det – Детерминатив (Решетников-Старостин); Abl – Аблатив (Вайда); Caus – Каузатив (Вайда); Apl – Аппликатив (Вайда); Ads – Адессив (Вайда); Ints – Интенсив (Вайда); Dur – Дуратив (Вайда); Tem – Тематический гласный (Решетников-Старостин); Past – Прошедшее время; Sep – Сепаратор (Вайда).
- 7 На примере (2) видно, что Вайда стремится всем элементам словоформы приписать конкретные значения, из которых будет скла-

- дываться значение всей словоформы (по принципу композициональности). Модель Решетникова-Старостина более абстрактна (более формальна): в (2) формант $-b^3$ - является показателем одной из двух выделяемых авторами квази-объективных конструкций. Семантика этой конструкции, как кажется, включает в себя интерпретацию $-b^3$ - как непроизвольного каузатива. См. также сноску 10.
- 8 В [Вайда, Зинн 2004, с. 33, 118] также отмечается, что важный фактор, влияющий на согласование в позиции П8, даже если субъект не является агенсом – одушевленность, ср. *kúnǎ* [ku⁸-in²-qo⁰] [S2Sg⁸-Past²-умереть⁰] 'ты умер' и *b(inb)ilaq* [bin⁷-b³-il²-aq⁰] [сам_по_себе⁷-Obj3³-пр.вр²-гнить⁰] 'это сгнило'.
 - 9 Позиция П-1/-1 несамостоятельна, заполняется только вместе с позицией П8/7; позиции П4/3, П3/3 и П1/1 не заполняются одновременно в одной словоформе, см. п. 2.4.
 - 10 Авторы работы [ср. Вайда, Зинн 2004], называют $-b^3$ - в (4) показателем аппликатива, а не морфологического согласования, то есть рассматривают его как словообразовательный, а не словоизменятельный аффикс: $-b^3$ - увеличивает число синтаксических валентностей глагола 'дать' ('пациенс' в добавление к 'агенсу' и 'бенефактиву', с которыми глагол согласуется).
 - 11 Мы имеем в виду Куайна, Лакатоса, Фейерабенда, утверждавших, что теория более обусловлена категориями нашего разума, чем фактами [Томпсон 2003].
 - 12 В настоящее время в Томском государственном педагогическом университете ведется работа над Большим словарем кетского языка, который будет включать материалы всех кетских диалектов – см. [Которова, Нефедов 2006].
 - 13 В этом случае в позиции пациенса / объекта выступают не стандартные, а «кореферентные» / квази-объектные согласовательные показатели – [Решетников, Старостин 1995, с. 46], см. п. 1; в терминах Вайды – кореферентно-абсолютное и кореферентно-инактивное спряжение.
 - 14 Решетников, Старостин [1995, с. 42, 46] объясняют некоторые случаи «двойного» согласования с помощью квази-объектных показателей через их «непереходную» / «пассивную» (детранзитивизирующую) функцию – см. пример (76).
 - 15 В случае конкретного языка наглядный пример предсказания – построение информантом словоформы с заданным смыслом. Если данная теория может предсказать именно такую словоформу в данном контексте (синтаксическом и дискурсном), она обладает высокой степенью предсказательной силы.
 - 16 Различие между немного более агентивным 'бить' и немного менее агентивным 'бить кулаком' (итератив) улавливается с помощью детализированной шкалы транзитивности по [Horper, Thompson 1980].
 - 17 Исключение составляют информанты старшей возрастной группы, которых осталось крайне мало.

Литература

- Алпатов В.М. Структура грамматических единиц в современном японском языке. М.: Наука, 1979.
- Буторин С.С. Описание морфологической структуры финитной глагольной словоформы кетского языка с использованием методики порядкового членения. Автореф. докт. дисс. Новосибирск, 1995.
- Буторин С.С. О позиционных падежах в кетском языке // Проблемы документации исчезающих языков и культур. Уфа; Томск: 1999. С. 37-44.
- Вайда Э., Зинн М.А. Морфологический словарь кетского глагола (на основе южно-кетского диалекта) / Ред. Которова Е.Г. Томск: ТГПУ, 2004.
- Вайда Э. Что такое «ролевой язык», и почему кетский таковым не является // Доклад на Чтениях памяти Е.А. Крейновича. Санкт-Петербург, 8 августа 2006 г.
- Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003.
- Которова Е.Г., Нефедов А.В. Типологические характеристики кетского языка; вершинное или зависимостное маркирование // Вопросы языкознания. 2006. № 5, С.43-56.
- Крейнович Е.А. Глагол кетского языка. М.: Наука, 1968.
- Леонтьева Н.Н. Автоматическое понимание текстов: системы, модели, ресурсы: учеб. пособие для студ. лингв. фак. вузов. М.: Академия, 2006.
- Поплер К. Логика и рост научного знания. М., 1983.
- Пинес В.Я. Моделирование структуры азербайджанского глагола в связи с проблемой автоматического словаря. Автореф. канд. дисс. М., 1970.
- Ревзин И.И., Юлдашева Г.Д. Грамматика порядков и их использование // Вопросы языкознания, 1969. №1.
- Решетников К.Ю., Старостин Г.С. Структура кетской глагольной словоформы // Кетский сборник: лингвистика. М., 1995. С. 7-121.
- Тестелец Я.Г. О трех моделях морфологической структуры // Доклад на Первой конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей. ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, 24-25 сентября 2004 г.
- Томпсон М. Философия науки. М., 2003.
- Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лексическая семантика. М., Прогресс, 1971. С. 369-495. (Перевод Fillmore Ch. The case for case // Universals in the linguistic theory / Bach E., Harms R.T. (eds.) . N.Y.: Reinhart; Williams. 1968).
- Чжао Юань-жень. Модели в лингвистике и модели вообще // Математическая логика и ее применения. Сборник статей. Пер. с англ. М.: Мир, 1965. С. 281-292. (Перевод Chao Yuen Ren. Models in linguistics and models in general // Logic, methodology and philosophy of science / Nagel E., Supper P., Tarski A. (eds.). Stanford: Stanford University Press, 1962).
- Шрейдер Ю.А. О понятии «математической модели языка». М.: Знание, 1971.

*Ю.Е.Галямина, О.А.Казакевич, Е.Л.Рудницкая, Е.М.Будянская,
Д.М.Вахонева*

*Hockett C.F. Two models of grammatical description // Word. 1954.
V. 10. № 2-3. P. 210-234.*

*Hopper P.J., Thompson S.A. Transitivity in grammar and discourse // Lan-
guage. 1980. V. 56. № 2. P. 251-299.*

Kohn T. The Essential Tension. Chicago; London, 1977.

Vajda E. Ket. Muenchen: Lincom Europa, 2004.

*Vajda E. Distinguishing referential from grammatical function in morpho-
logical typology // Linguistic diversity and language theories /Fraj-
zyngier Z., Rood D., Hodges A. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John
Benjamins, 2005. P. 397-420.*

Werner H. Die Ketische sprache. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1997.

Степень слитности частей как общее основание единой классификации сложных предложений

Задачи статьи

Классификация сложных предложений – одна из давно и активно исследуемых проблем русского синтаксиса. В ее постановку и изучение внесли большой вклад ученые разных поколений и взглядов (см., в частности, [Буслаев 1959, гл. 3; Богородицкий 1935; Пешковский 2001; Поспелов 1950; Бархударов, Колшанский 1958; Брызгунова 1963; Гвоздев 1968; Валимова 1967; Проспект 1967; Кручинина 1973; Крючков, Мексимов 1977]). Однако по сию пору классификации многообразных сложных предложений, возможных в русском языке, по существу, нет. К примеру, в наиболее фундаментальном учебнике русского языка для филологов даются три отдельных классификации для сложносочиненных, сложноподчиненных и бессоюзных предложений, построенные на разных основаниях ([Белошапкина 1977, § 81-94]).

Между тем, последовательное разграничение сочинения и подчинения, как указывал еще А.М.Пешковский [1959], связано в русском языке с определенными трудностями (ср. в этой связи также [Флоренская 1975]). Еще больше проблем в осмыслении бессоюзия (см., в частности, [Карцевский 2000; Ильенко 2003, с. 333 и указанную там литературу]). В то же время широко развернувшиеся в последние три десятилетия исследования текстового поведения синтаксических единиц, их коммуникативного функционирования, показали, что у трех отдельно рассматриваемых в классификации разновидностей сложных предложений немало объединяющих черт. «Общепринятая типология СП с ее генеральным противопоставлением сочинения подчинению» в этой связи стала вызывать, как отмечается в литературе, «теоретическую неудовлетворенность» [Ильенко 2003, с. 330].

Данная статья – попытка изложить некоторый подход к построению единой системной классификации сложных предложений. Являясь продолжением предшествующих работ автора [Флоренская 1977б, 1980, 1996], она в то же время существенно

развивает и по-новому систематизирует предложенные там понятия и методы.

Исходные позиции

Сложное предложение (далее – СП) с точки зрения его места в языковой системе занимает промежуточное положение между уровнем простых предложений (далее – ПП) и уровнем текста, где ПП объединяются в смысловые блоки.

В качестве переходной единицы СП сочетает в себе признаки обеих граничащих единиц: смысловая и грамматическая расчлененность частей СП сближает его со свободным сочетанием простых предложений (далее – СПП), а смысловое и грамматическое единство роднит его с ПП. СП, таким образом, обладает противоречивой, двуединой природой, сочетая в себе расчлененность структуры и смысла с их нерасчлененностью (цельнооформленностью).

Сочетание противоречивых начал в одной единице означает, что ни одно из этих начал не достигает в ней абсолютного предела, но может изменяться в границах, означенных этими пределами. Другими словами, можно утверждать, что слитность частей в СП всегда меньше, чем слитность слов и синтаксических групп в составе предложения, но больше, чем слитность ПП в свободном СПП; что степень слитности частей СП друг с другом может колебаться, приближаясь то к одному, то к другому пределу и что слитность частей – это тот признак, который отличает СП от единиц обоих пограничных уровней. Тем самым, степень слитности частей становится признаком, характеризующим самую суть СП, его специфику. На этом же признаке должна быть построена и классификация СП.

Систематическое сопоставление оформления СПП с оформлением СП, а также опыты последовательной трансформации СПП в СП, а СП в СПП¹ позволили установить факторы, из которых складывается такой неуловимый признак как «степень слитности». Такими факторами, на наш взгляд, являются:

1. **Тип соотношения лексических составов в СП и в СПП;**
2. **Принцип объединения ПП в СП** (далее называемый способом образования СП);
3. **Синтаксические отношения зависимости между частями СП** (сочинение, подчинение, а также взаимное подчинение, которые в свою очередь могут проявляться в слабых и сильных вариантах с помощью различных средств связи:

интонации, семантических или синтаксических союзов, показателей соотношения лексических составов).

Поясним содержание введенных понятий.

Типы соотношения лексических составов двух предложений в тексте и в СП

Как показал опыт трансформации СП в СПП и СПП в СП, для характеристики способа образования СП из СПП, а также для определения степени слитности частей в СП, важно не столько лексическое содержание ПП в исходном СПП или компонентов в СП, сколько более общий показатель лексической связи между этими ПП или его компонентами. Этот общий показатель связи составляющих СПП (или СП) на лексическом уровне был определен нами **как тип соотношения лексических составов**. Основные возможности соотношения двух единиц, как известно, исчисляются тремя случаями: исключения, включения и пересечения. Так определились основные типы соотношения лексических составов между двумя предложениями в СПП, а также между частями СП:

Тип включения

Два ПП в СПП (или две части в составе СП) находятся в отношениях включения лексических составов, если одно из них содержит с своим лексическим составом местоимение, «втягивающее» в себя содержание другого:

Мой подзащитный грешен. Это доказано.²

Его слова вселили такой страх, что в эту ночь в Вороньей слободке никто не спал.

Тип пересечения

Два ПП в СПП (или две части в составе СП) находятся в отношениях пересечения лексических составов, если их объединяет лексический повтор или местоименная субституция:

Были бы деньги. А они у нас есть.

Мухин хмурился: ему мешали воробы.

Тип исключения

Два ПП в СПП (или две части в составе СП) находятся в отношениях исключения лексических составов, если они не связаны ни лексическими повторами, ни «втягивающим» местоимением:

Лоханкин ничего не замечал. А бабушка не верила в страховку.

Шурин побежал к телефону, а новый вице-король Индии снял толстовку.

Сгорел мой саквояж, но остались вещи несгораемые.

Возможны и смешанные варианты соотношения лексических составов, например, сочетание включения с пересечением:

Обеды у Синицких были дешевые и вкусные.

Поэтому Александр Иванович столовался у них.

Основные способы образования сложных предложений

Еще в «Исторической грамматике русского языка» Ф. И. Буслаева было заявлено, что «соединение предложений в одно целое происходит двояким способом: 1) Или одно предложение составляет часть другого <...> 2) Или соединенные предложения не входят одно в другое в виде отдельной части и остаются самостоятельными». [Буслаев 1959, с. 279].

Первый способ образования СП Ф. И. Буслаев называл подчинением, второй – сочинением, считая, что принцип сцепления частей в СП вполне определяет вид синтаксической связи между ними. Однако исходным для Ф. И. Буслаева все же было понятие способа образования, т.е. **принципа сцепления частей** в СП, а не вид синтаксической зависимости между его частями. В ходе дальнейшего развития теории СП основополагающая идея Ф. И. Буслаева была отодвинута на второй план, и определяющим моментом в характеристике СП стал вид синтаксических отношений в нем: сочинительный или подчинительный.

Вернемся к способам образования СП, выдвинув принцип сцепления ПП друг с другом в качестве конституирующего признака деления СП на два основных класса. В таком случае весь корпус СП будет делиться на:

СП, образованные таким соединением предложений, при котором одно из них включается в структуру другого на правах некоторого его члена (СП, уподобляющие свое строение строению ПП);

СП, образованное таким соединением предложений, при котором ни одно из них не входит как часть в структуру другого (СП, уподобляющее свое строение строению сочетаний ПП в тексте).

Рассмотрим подробнее оба способа образования СП. Возможность реализации того или иного способа образования СП

находится в прямой зависимости от типа соотношения лексических составов в исходном сочетании ПП.

Синтаксический способ образования СП

Образование СП по принципу включения одного из предложений в структуру другого в качестве некоторого члена предложения возможно на базе лексических отношений включения или пересечения. Именно смысловая взаимосвязь исходных ПП, формально выраженная наличием «втягивающего» местоимения или лексического повтора, делает возможным синтаксическое подключение одного из предложений к определенному слову в другом, т.е. делает возможным создание одночленной структуры СП. Проследим за тем, как это происходит.

Возьмем для примера СПП с отношениями включения лексических составов:

Дом был обречен. Это было ясно.

В исходном СПП местоимение **это** «втягивает» в себя содержание первого предложения, так сказать, идеальным образом: связь между предложениями смысловая, формально выраженная, но грамматически не закреплённая (не обязательна). Форма ПП не нарушена ни в одном из аспектов грамматического значения: предложения, как коммуникативные единицы, обладают предикативностью, а также семантической, синтаксической и интонационной завершенностью [Шелякин 2002, с.211-212].

Действие описываемого способа образования СП проявляется в следующих изменениях оформления ПП: второе предложение, первоначально содержащее в своей структуре «втягивающее» местоимение (далее – ВМ), теряет его и возмещает образовавшуюся семантическую и синтаксическую незавершенность включением в свою структуру первого предложения, которое в результате слияния с союзом **что** приобретает синтаксически и семантически зависимую форму. Интонационная взаимозависимость обоих предложений довершает превращение ПП в части СП и образование СП из СПП:

а) *Дом обречен. Это было ясно.*

б) *Было ясно | | что дом обречен*

Семантическая зависимость ПП в СПП выраженная через соотношение лексических составов

Синтаксическая зависимость частей в СП закреплена грамматически через установление синтаксической связи между словом из одного предложения и другим предложением в целом.

Описанный способ образования СП получил рабочее название **синтаксического**, поскольку с его помощью смысловые отношения между ПП в СПП переводятся в синтаксические отношения, действующие внутри ПП (в отношении главных и второстепенных членов предложения). В СП синтаксического способа образования между частями могут устанавливаться исключительно подчинительные отношения. Структура СП, образованного синтаксическим способом, характеризуется следующими чертами:

- установление подчинительной связи между словом из одной части и другой частью в целом
- наличие или возможность введения ВМ в главную часть
- изменение формы включаемого предложения путем слияния его с чисто синтаксическими (асемантическими) средствами связи (союзами **что, чтобы, как**, союзными словами **который, кто, что** и т.д.)
- гибкость структуры.

Критерием отличия СП синтаксического способа образования служит наличие ВМ в главном предложении или возможности его введения туда, как контрольной операции, позволяющей определить, место какого члена предложения заняла придаточная часть в главном, вытеснив ВМ.

Грамматическое значение синтаксического способа образования СП состоит в том, что он, осуществляя синтез двух структур в одну, приводит к определенному ослаблению двучленности СП, обусловленной его полипредикативностью, а следовательно, и к ослаблению членности объединяемых смыслов: СП синтаксического способа образования характеризуется единством смысла, близкого к нечленимому смысловому единству ПП.

Семантический способ образования СП

Образование СП по принципу невключения одного из предложений в структуру другого, т.е. по принципу сохранения границ исходных ПП при их объединении, возможно на базе всех трех типов соотношения лексических составов. Установление синтаксических связей между частями в целом происходит или с помощью интонации, или с помощью семантических союзов, или с помощью показателей соотношения лексических составов, которые известным образом трансформируются. Проследим, как это происходит.

В качестве исходных возьмем СПП с различными соотношениями лексических составов:

✓ СПП с отношениями исключения:

Контора умерла. Мы здесь больше не нужны.

СПП данного вида допускает образование двух вариантов СП со структурой, подобной структуре СПП.

а) Синтаксическая связь между предложениями в целом устанавливается только с помощью интонации: оба предложения теряют интонационную завершенность, что является признаком превращения их независимой формы в грамматически зависимую. (Вопрос о принципах определенной грамматической зависимости в СП рассматривается ниже).

Контора умерла, мы здесь больше не нужны.

б) Синтаксическая связь между предложениями устанавливается не только с помощью интонации, но и с помощью семантического союза **так что**, который, сливаясь со структурой второго предложения меняет его форму, лишая ее семантической и синтаксической завершенности.

Контора умерла, так что мы здесь больше не нужны.

✓ СПП с отношениями включения:

Вы не умеете разговаривать с людьми. Я убедился в этом окончательно.

Из СПП данного вида возможно образование трех вариантов СП со структурой, подобной структуре СПП.

а) Синтаксическая связь между предложениями устанавливается не только с помощью актуализации интонации, но и с помощью устранения ВМ из первого предложения, что делает его форму семантически незавершенной, и, следовательно, грамматически зависимой.

Я окончательно убедился: вы не умеете разговаривать с людьми.

б) Синтаксическая связь устанавливается путем видоизменения ВМ и его актуализации с помощью частицы **вот**. Частица в данном случае не может быть устранена, что и говорит о грамматическом характере изменений, происходящих в оформлении СП по сравнению с оформлением СПП.

Я окончательно убедился вот в чем: вы не умеете разговаривать с людьми.

в) Синтаксическая связь устанавливается с помощью трансформации ВМ во втором предложении: **в этом – в чем**,

которая делает его форму синтаксически незавершенной, т.е. грамматически зависимой.

Вы не умеете разговаривать с людьми, в чем я окончательно убедился.

При действии описываемого способа происходят различные видоизменения формы исходных ПП: предложения становятся зависимыми в одном или сразу нескольких грамматических аспектах: интонационном, семантическом, синтаксическом. В результате этих изменений происходит синтаксическое подключение одного предложения к другому, и образуется СП т.н. расчлененной структуры с разными видами зависимости между частями: сочинением, подчинением, взаимным подчинением. Способ получил рабочее название **семантического**, поскольку для установления синтаксической связи в нем используются семантические средства. Кроме того, при этом способе образования СП актуализируются смысловые отношения между частями СП, обусловленные лексическим наполнением частей.

Критерием отличия СП семантического способа образования от СП синтаксического способа образования служит невозможность введения ВМ (в форме Т-местоимения) в их структуру, что и является формальным показателем структурной целостности частей СП.

Грамматическое значение семантического способа состоит в том, что он, осуществляя объединение двух ПП в единое синтаксическое целое, создает структуру, подобную СПП. Сближение форм ПП (но не слияние их в одночленной синтаксической структуре) в таком СП, создает особые условия для выявления тех смысловых отношений, которые формируются между частями СП на основе их лексического содержания. Части СП семантического способа образования могут находиться друг с другом в самых разнообразных по оттенкам смысловых отношениях: перечисления, пояснения, противопоставления, сравнения, причины и следствия, условия и результата и т.д., в то время как смысловые отношения между частями СП синтаксического способа образования ограничены значениями второстепенных членов предложения.

Итак, два способа образования СП, два принципа объединения ПП в сложное, различаются соотношением объединяющихся структур. Один из них (семантический) объединяет ПП по принципу «целое с целым» и создает структуру СП, подобную СПП; другой (синтаксический) объединяет ПП по принципу «часть с целым» и создает структуру, подобную ПП.

Синтаксические отношения между частями в СП

Выше уже говорилось о том, что между частями СП семантического способа образования могут устанавливаться все три вида синтаксической зависимости: сочинение, подчинение (односторонняя зависимость) и взаимное подчинение (двусторонняя зависимость).

Если исходить из положения, что начальная (независимая) форма предложения как коммуникативной единицы складывается из предикативности и семантической, грамматической и интонационной завершенности (правильности), то нарушение в любом из этих аспектов формы предложения, когда оно становится компонентом СП, обозначает возникновение зависимой формы и установление синтаксических отношений (того или иного вида) между частями СП.

Рассмотрим, какие виды синтаксических отношений могут возникать в СП в связи с нарушением исходной формы предложений в частях СП на разных уровнях.

Интонационный уровень

Интонация частей СП всегда характеризуется незавершенностью по сравнению с интонацией отдельного предложения. Интонационной законченностью обладает лишь все предложение в целом. Поэтому во всяком двусоставном СП действуют отношения синтаксического взаимоподчинения, обусловленные интонационной незавершенностью каждой из частей. Остальные синтаксические отношения в СП (обусловленные семантической или синтаксической завершенностью) действуют на фоне этого постоянного интонационного взаимного подчинения частей, взаимодействуя с ним.

Семантический уровень

Семантическая незавершенность «определяется обязательным распространением сказуемого, что зависит от его лексических особенностей» [Шелякин 2002, с. 211]. В соответствии с этим определением в СП возможны следующие виды синтаксических отношений, обусловленные семантической незавершенностью частей:

Сочинение связывает части в СП в том случае, если обе части имеют правильную семантическую форму (не требуют обязательного распространения):

Посидите здесь, я сейчас приду.

Я занят, вам я могу уделить только две минуты.

Подчинение связывает части СП в том случае, если одна из частей требует обязательного распространения:

Было ясно: дом обречен.

Взаимное подчинение устанавливается между частями СП, если обе его части характеризуются семантической незавершенностью:

Тише едешь – дальше будешь.

Грамматический уровень

Части в СП меняют правильную грамматическую форму самостоятельного предложения на зависимую вследствие слияния с союзами и союзными словами [Пешковский 2001, с. 464]. В соответствии с этим в СП выделяются сочинение и подчинение, обусловленные грамматической неправильностью формы частей. К традиционному выделению двух видов синтаксической зависимости можно добавить третий – взаимную зависимость.

Если бы гири были золотые, то, честное слово, я бы на ней женился.

Итак, правильная форма исходных ПП при образовании двучленных СП может нарушаться во всех трех аспектах: интонационном, семантическом, грамматическом, превращая ПП в части СП и устанавливая между ними отношения синтаксической зависимости.

Но СП – это не просто грамматическая форма объединения коммуникативных единиц, это грамматическая форма объединения коммуникативных единиц, выявляющая (с различной степенью ясности) смысловые отношения между ними.

Поэтому синтаксические отношения в СП складываются не только с учетом изменения формы исходных ПП, но и с учетом всех текстовых средств связи, которые в СП грамматизируются.

Таким образом, семантические союзы, показатели соотношения лексических составов, а также соотношение содержания ПП (связанное с их лексическим наполнением) в СП становятся выразителями грамматической зависимости уровня ПП, в то время как в СПП они существуют на уровне текстовых связей – более свободных по сравнению с синтаксическими связями внутри предложения.

Союзная связь частей СП сильнее, чем союзная связь ПП в СПП, еще и потому, что она в той или иной степени меняет

не только форму объединяемых ПП (оформляя их грамматическое единство), но и грамматикализует смысловые отношения между ними.

В бессоюзных СП эту роль берут на себя показатели соотношения лексических составов и интонация. Установленная ими между частями СП грамматическая и грамматикализованная смысловая связь изменяет возможности взаиморасположения частей по сравнению с СПП. Исходя из этого, предлагаем следующие критерии определения синтаксической зависимости в бессоюзных СП (СП двучленной структуры с интонационной связью, осложненной или не осложненной показателями соотношения лексических составов): части бессоюзного СП связаны сочинительными отношениями, если обе его части, имея правильную грамматическую форму в семантическом и грамматическом аспекте, могут свободно менять порядок взаиморасположения на обратный без изменения общего смысла СП. Например, части СП

Стенографистка писала, Остап рассеянно чистил ногти связаны сочинительными отношениями, поскольку СП допускает образование синонимичного варианта:

Остап рассеянно чистил ногти, стенографистка писала.

Дополнительным признаком сочинительных отношений является возможность трансформации СП в синонимичное ему СП при помощи одного лишь изменения интонации (возможность разделения частей СП интонацией «точки»).

Части бессоюзного СП связаны подчинительными отношениями, если СП, имея правильную форму частей, в целом характеризуется гибкой структурой (допускает образование СП с вводным предложением):

Дом обречен. Это было ясно. Дом, это было ясно, обречен.

Козлевич двинулся бы по асфальту, шоферы любят хорошие дороги. Козлевич (шоферы любят хорошие дороги) двинулся бы по асфальту.

Такие СП допускают также трансформацию СП в СПП с помощью замены интонации «запятой» интонацией «точки».

Части СП находятся в отношениях взаимного подчинения, если имеют фиксированный порядок взаиморасположения частей и не допускают образования синонимичного им СП при разделении частей интонацией «точки». Обратный порядок частей в СП ведет или к изменению общего смысла СП, или вообще невозможен. То же самое можно сказать о трансформации СП в синонимичное ему СПП: она ведет или к созданию несинонимичного СПП или вообще невозможна. Например:

Было ясно: дом обречен (нельзя сказать *Дом обречен: было ясно*; нельзя сказать *Было ясно. Дом обречен*).

Лес рубят – щепки летят (в СП *Щепки летят – лес рубят* причинно-следственные отношения исходного предложения меняются на условно-временные; в СПП

Лес рубят. Щепки летят. следственные отношения исходного СП переходят в соединительные отношения соположения, одновременно совершающихся фактов).

В бессоюзных СП со взаимным подчинением правильная форма предложений может сохраняться или не сохраняться: нарушение семантической или грамматической формы частей (обеих или одной) носит дополнительный характер.

Для СП с союзной связью, чтобы не усложнять описания, оставлены традиционные критерии определения видов синтаксической зависимости с дополнением (см. с. 7). Но при этом отметим, что синтаксические связи разных уровней действуют в СП одновременно. Например, в СП

Дверь вагона открылась, и на низкую землю прыгнул член правительства
можно обнаружить:

1 сочинение частей на синтаксическом уровне (союз и не сливается ни с одной из частей и не нарушает их синтаксически правильной формы);

2 взаимоподчинение частей на семантическом уровне (части СП имеют фиксированный порядок расположения);

3 взаимоподчинение на интонационном уровне.

Основные функционально-конструктивные типы СП

По способу образования все СП делятся на два принципиально различающиеся класса: СП семантического способа образования (двучленная структура, подобная структуре СПП) и СП синтаксического способа образования (однучленная структура, подобная структуре ПП).

Оба способа могут образовывать СП на базе разных типов соотношения лексических составов и пользоваться для установления синтаксической связи между частями СП разными средствами: интонацией, формальными показателями соотношения лексических составов, семантическими и синтаксическими союзами.

Поэтому основные конструктивные типы СП возникают именно как следствие действия определенного способа образования на базе определенного типа соотношения лексических составов с использованием определенных средств связи, устанавливающих синтаксические отношения в СП.

Рассмотрим основные конструктивные типы СП в русском языке.

I тип. СП семантического способа образования на базе лексического исключения с использованием интонации как средства установления синтаксических связей между частями.

Типы соотношения лексических составов в СП (и в СПП) отражают лишь наиболее обобщенные семантические взаимоотношения между объединяющимися предложениями. Кроме них между частями СП действуют более частные семантические связи, формируемые лексическим наполнением частей, а именно различные виды соединительных, сопоставительных, временных и т.п. связей. В случае, когда частные семантические отношения в СП не конкретизированы специальными лексическими средствами (словами *следовательно, значит, тем самым* и подобными им), интонация, объединяющая СП, может выступать в двойной роли, нейтрализуя или активизируя частные семантические связи между частями СП.³ Отсюда два варианта СП первого типа:

✓ СП с нейтральной интонацией, нивелирующей частные смысловые соотношения:

*Белое платье исчезло, Корейко остался один
Есть было нечего, деньги кончились.
В вагонах не было огней, все спали.
Лес рубят, щепки летят.*

✓ СП с актуализированной интонацией, проявляющей частные смысловые отношения:

*Белое платье исчезло – Корейко остался один.
Есть было нечего: деньги кончились.
В вагонах не было огней: все спали.
Лес рубят – щепки летят.
Бензин ваш – идеи наши.*

Взаимодействие всех факторов, действующих в первом типе СП и определяющих степень слитности его частей, можно охарактеризовать следующим образом:

Интонация в данном типе СП является ведущим фактором, поскольку именно она превращает СПП в СП, устанавливая синтаксическую взаимозависимость частей. Два других

фактора, семантический способ образования и соотношение лексических составов по типу «исключение», работают на сохранение двучленности СП, то есть в направлении, противоположном действию интонации.

В целом СП первого типа – это класс предложений, который ближе всех остальных типов СП стоит к сочетанию ПП, отличаясь от последнего только специфической интонацией. Его типовое значение – выражение недифференцированных (или обобщенных) смысловых отношений между частями СП, формируемых их лексическим наполнением.

II тип. СП семантического способа образования на базе всех трех типов соотношения лексических составов с использованием семантических союзов как средства установления синтаксической связи между частями.

Второй тип СП отличается от вышеописанного первого типа СП прежде всего тем, что роль активизирующей интонации переходит в нем к семантическим союзам: именно они устанавливают между частями синтаксические отношения зависимости, они же служат выразителями семантических отношений между частями. Варианты описываемого класса СП определяются типами отношения составов: семантический способ образования СП с союзной связью может действовать на базе любого из трех типов.

✓ на базе отношений исключения

а) СП с сочинительными отношениями между частями:

*Несколько раз ксендзы принимались тихо петь по-латински, **и** уже к вечеру первого дня Адам Казимирович стал им подтягивать.*

*Подаренную провизию он съел, **а** для ресторана нужны были наличные.*

***Или** вы мне отдаете миллион, **или** я уношу папку в другое место.*

б) СП с подчинительными отношениями между частями:

*Я вас не пощажу, **если** вы будете меня обижать.*

***Когда** они повернули на улицу Меринга, над городом пронесся воющий звук сирены.*

в) СП с взаимоподчинительными отношениями между частями:

***Раз** яйца существуют, **то** должен же кто-нибудь их есть?*

*Но **если** верблюд фотографировался с полным сознанием своего права на известность, **то** трактористка оказалась скромнее.*

Как только он сознается в своем богатстве, **так** я возьму его голыми руками.

Лектор снова поморщился, **потому что** дверь открылась. Сделай одному одолжение, **как** уже все наваливаются.

✓ **на базе отношений включения**

СП с сочинительными отношениями между частями:

Вы мелкий жулик, **и** я сразу понял **это**.

Они считают себя сильнее всех, **но это** уже просто смешно.

В самом деле жизнь прекрасна, Паниковский, **или** мне **это** только кажется?

Следует отметить, что отношения включения существенно ограничивают возможности использования семантических союзов, что, впрочем, вполне объяснимо: отношения включения не соотносимы со значением многих семантических союзов и могут сочетаться только с некоторыми из них.⁴

✓ **на базе отношений пересечения**

а) СП с сочинительными отношениями между частями:

Смотрели генералы на эти мужицкие старания, **и** сердца у них весело играли. (М. Салтыков-Щедрин)

Судьба играет человеком, **а** человек играет на трубе.

Антилопа была верная машина, **но** на свете есть много машин.

б) СП с подчинительными отношениями между частями:

В своих романах он описывал только деревню, **хотя** деревню видел очень редко. (А. Чехов)

Жизнь продолжается, **даже** **когда** ее в сущности нет. (С. Довлатов)

Но дело у Алисы шло медленно, **потому что** она все время отвлекалась. (Л. Кэррол)

Милочка мне понравилась, **тем более** **что** даже мама похвалила ее. (Е. Шварц)

в) СП с взаимным подчинением частей:

Если я поднесу эту книгу к зеркалу, **то** я смогу ее прочесть. (Л. Кэррол)

Как ни старались генералы отогнать воспоминания о еде, **но** воспоминания эти пробивались насильственным путем. (М. Салтыков-Щедрин)

Взаимодействие факторов, определяющих слитность СП второго типа, будет различаться своим рисунком в вариантных конструкциях.

Отношения исключения и семантический способ образования способствуют расчлененности; отношения включения

и пересечения ослабляют действие семантического способа, поскольку ориентированы на взаимосвязанность частей.

Факторами, устанавливающими синтаксические связи между частями в данном типе СП, оказываются семантические союзы. Сочинительные союзы работают на его расчлененность структуры, подчинительные – на ее слитность. Степень слитности, определяемая союзами, будет усиливаться или ослабляться действием способа образования и типом соотношения лексических составов.

В целом во II типе предложений слитность частей выше, чем слитность в СП первого типа. Только СП с сочинительными союзами (на базе всех типов соотношения лексических составов) остаются настолько же близкими к СПП, как и СП первого типа, поскольку сочинительные союзы используются и в СПП.

Типовое значение СП второго типа – выражение дифференцированных смысловых отношений между частями СП.

Оба описанных типа СП могут быть объединены тем, что в той или иной степени актуализируют указанные выше межсмысловые отношения, обусловленные лексическим наполнением частей СП. В этом своем качестве типы I-II противопоставлены СП, актуализирующим межсмысловые отношения, обусловленные характером соотношения лексических составов – включения или пересечения.

Рассмотрим типы этих последних, помня, что на базе отношений включения могут быть построены СП как семантического, так и синтаксического способа образования.

III тип. СП семантического способа образования на базе лексического включения с использованием ВМ как средства установления синтаксической связи между частями.

Поскольку ВМ может использоваться для установления синтаксических связей в различных формах, отсюда – варианты третьего типа СП.

Во всех СП третьего типа способ образования обуславливает двучленность, а интонация ответственна за единство. Различие вариантов третьего типа возникает из-за различия видов синтаксической зависимости, устанавливаемых с помощью ВМ.

1. СП, сохраняющие ВМ в исходной форме

* Вы мелкий жулик, я понял **это** сразу.

Вы, я понял **это** сразу, мелкий жулик.

* Остал даже подпрыгнул – **так** он удивился.

Остал – так он удивился – даже подпрыгнул.

** Глухой увез с собой сценарий, **это** было хуже всего.*

*Глухой, **это** было хуже всего, увез с собой сценарий.*

В СП с ВМ в исходной форме устанавливаются отношения подчинения: простое предложение, содержащее ВМ, превращаясь в часть СП, приобретает способность разрывать структуру другого предложения и становится зависимым. В связи с этим она получает характер попутного замечания, значимость ВМ в котором приглушается (особенно в СП с разорванной структурой главной части).

Типовое значение этого варианта III типа СП состоит в смягчении отношений включения по сравнению с СПП, где предложения выразительно отделены друг от друга интонацией, а на само ВМ, как правило, падает логическое ударение.

2. СП с ВМ, актуализированным при помощи частицы

В СП этого вида ВМ чаще всего имеет измененный по сравнению с СПП облик: ВМ **это** переходит в **что, так – в как, тогда – в когда** и т. д. Реже может сохранять исходную форму, но в любом случае ВМ актуализируется с помощью усилительной частицы **вот**:

*Беспокоило командора **вот что**: денег не было.*

*Денег не было – **вот что** беспокоило командора.*

*Опрятность, честность – **вот что** дорого.*

*Опрятность, честность – **вот это** дорого.*

В СП с актуализированным ВМ устанавливаются сочинительные отношения: в СПП предложения, одно из которых содержит ВМ, имеют фиксированный порядок. В СП с актуализированным ВМ порядок свободный.

Типовое значение СП этого вида – высшая степень актуализации отношений включения в СП семантического способа образования, т.е. в двучленной синтаксической структуре.

Сравним:

*Сейчас возможна только подпольная торговля, **в этом** Корейко был уверен.*

*Сейчас возможна только подпольная торговля – **вот в чем** Корейко был уверен.*

3. СП с трансформированным ВМ

В СП с трансформированным ВМ Э-местоимение переходит в Ч-местоимение и устанавливаются подчинительные отношения: часть, содержащая ВМ, становится придаточной, поскольку приобретает способность разрывать структуру другой части.

Там он выучится читать и писать, **что** в его возрасте совершенно необходимо.

Адам Козлевич учил Зосю управлять машиной, **чем** также завоевал ее расположение.

Я, **о чем** вы снова забыли, потомок янычаров.

Хирурги, **за что** я им глубоко признателен, еле-еле спасли мою молодую жизнь.

Степень слитности частей в данном варианте III типа СП та же, что в СП с исходной формой ВМ (III. 1), сходны у них и значения: СП с ВМ в исходной форме смягчают отношения включения по сравнению с СПП. СП с ВМ в трансформированной форме приглушают их еще больше, придавая придаточному предложению значение добавочного замечания даже в тех случаях, когда структура главного предложения не разорвана структурой придаточного.

4. СП с нейтрализацией ВМ

Я знаю, Козлевич двинулся бы по асфальту.

Козлевич, я знаю, двинулся бы по асфальту.

Братья поняли: за поездом им не угнаться.

За поездом, братья поняли, им не угнаться.

Я вам скажу откровенно: Чемберлен все-таки голова.

Чемберлен, скажу вам откровенно, все-таки голова.

В СП этого вида устранено ВМ, в результате чего в нем устанавливаются подчинительные отношения: вторая часть СП уже не наполняет конкретным содержанием ВМ из первой части (как это происходит в остальных видах СП третьего типа), а поясняет то слово, с которым было связано устраненное ВМ. Отношения включения в этом виде СП переходят в отношения пояснения, в чем и состоит типовое значение этого вида СП.

В целом третий тип СП характеризуется тем, что в качестве средства, устанавливающего синтаксическую связь между частями, используется формальный показатель лексических отношений включения – ВМ. Использование одного и того же связующего элемента в его модификациях приводит к образованию двучленных конструкций СП с различной силой звучания отношений включения, вплоть до их нейтрализации.

Типовое значение описанных СП состоит в выражении вариантов лексических отношений включения в двучленной синтаксической структуре. Сочетание единства, обусловленного типом соотношения лексических составов (включение) и расчлененности, обусловленного способом образования, обеспечивает в СП Третьего типа ярко выраженную противоречи-

вость: оба фактора действуют достаточно сильно, но в противоположных направлениях.

IV тип. СП синтаксического способа образования на базе лексического включения и пересечения.

СП, актуализирующие отношения включения синтаксическим способом, возникают как на базе лексических отношений включения, так и на базе лексических отношений пересечения, используя различные средства для установления синтаксической связи в СП. Варианты четвертого типа СП возникают именно на основе данных различий:

1. СП синтаксического способа образования на базе лексического включения с использованием синтаксических союзов в качестве средства установления синтаксической связи между частями СП.

Образование СП синтаксическим способом на базе лексических отношений включения с использованием синтаксических союзов **что, как, чтобы** и др. было описано выше при введении понятия способов образования. К сказанному необходимо добавить, что при образовании СП этого вида происходит не идеальный перенос содержания одного предложения в содержание другого с помощью ВМ, а материальное осуществление отношений включения путем включения структуры одного ПП в структуру другого в качестве одного из его второстепенных членов.

Признаком СП синтаксического способа образования является, как уже было сказано, наличие ВМ или возможность его введения при отсутствии такового. Введение ВМ как контрольной операции всегда оказывается возможным, но при этом бывает стилистически неоправданным, что, на наш взгляд, лишь подтверждает факт слияния двух ПП в одночленной структуре: место ВМ в главном предложении занято придаточным и введение ВМ оказывается излишним.

Выбор союза в СП описываемого варианта связан с модальной характеристикой придаточного предложения:

• союзы **что** и **как** присоединяют предложения повествовательного характера:

*Великий комбинатор понял, **что** взял фальшивый тон.*

*Посмотрим, **как** он справится с этой задачей.*

• союз **чтобы** присоединяет предложения, имеющие побудительный, желаемый характер:

*Не ешьте на ночь помидоров, **чтобы** не причинить вреда желудку.*

- союз **будто** присоединяет предложения со значением недоверности сообщаемого:

*Бухгалтер Берлага вообразил, **будто** он стал вице-королем Индии.*

- вопросительные частицы в предложениях, содержащих вопрос, в составе СП становятся союзами, с помощью которых присоединяются придаточные вопросительного характера:

*Вы не знаете, **который** час?*

*Что-то я не пойму, **чего** вы от меня хотите.*

*А теперь расскажите, **чем** провинился головорез Паниковский.*

*Скажите, **почему** вы пишете смешно?*

*Я не знаю, **когда** он пришел.*

(Сравним с СПП: **Когда** он пришел? Я не знаю этого.)

В связи с этим дальнейшее дробление описанного структурного типа СП можно было бы произвести, исходя из модального значения придаточных предложений, но при описании конструктивных вариантов логичнее классифицировать разновидности по их синтаксической роли в составе главного: СП с придаточным-дополнением, СП с придаточным-определением, СП с придаточным-обстоятельством.

В описанном варианте СП при образовании одночленной структуры СП происходит поглощение лексических отношений включения между предложениями и воплощение этих отношений в самой структуре СП, где главное предложение принимает в свой состав придаточное на правах одного из второстепенных членов предложения.

Типовое значение СП со структурой ...понял, что...состоит в материализации идеи включения: в реальном соединении двух смыслов в одночленной структуре, где они стремятся слиться в нерасчлененное смысловое единство.

2. СП синтаксического способа образования на базе лексического включения с использованием ВМ и синтаксических союзов в качестве средства установления синтаксической связи между частями.

*Великий комбинатор не отрицал **того, что** он профессионал пера.*

*Он начал бормотать что-то **о том, что** не в деньгах счастье.*

*Я **так** устрою, **что** он свои деньги мне сам принесет, на блюдечке с золотой каемкой.*

*Норвежец был **так** восхищен фото-молодчеством Меншова, **что** почувствовал необходимость поделиться с кем-нибудь своими чувствами.*

Все эти сведения нужны ему **потому, что** дня через два он намерен дать банкет собратьям по перу.

Этот крепостник объявил голодовку **из-за того, что** я хочу от него уйти.

Не такая за окнами погода, **чтобы** без пальто ходить.

Описываемый вариант СП со структурой ...**понял то, что**... подобно описанному выше СП со структурой ...**понял, что**..., имеет строение, сходное со строением ПП. Однако при образовании СП придаточное предложение этого варианта не вторгается в структуру главного, вытесняя ВМ и занимая его синтаксическое место, а лишь подключается к ВМ, распространяя его и наполняя конкретным содержанием. Придаточное предложение, таким образом, подключается к структуре главного на правах **обособленного члена предложения**: оно, как и обособленный член в ПП, разделяет с ВМ его синтаксическое место и поясняет его. Происходит слияние двух ПП в такую одночленную структуру, где синтаксическая слитность частей выражена менее категорично, чем в СП со структурой **понял, что**...

Типовое значение СП со структурой ...понял то, что... состоит в создании такого синтаксического единства, в котором не только сохраняется, но и актуализируется противопоставление смыслов выраженное типом соотношения лексических составов в исходном СПП.

3. СП синтаксического способа образования на базе лексического пересечения с использованием повтора существительных как средства, устанавливающего синтаксическую связь в СП.

Козлевич чувствовал себя кавалеристом, **у которого** по недосмотру погибла лошадь.

Хотел бы я видеть человека, **который** не взял бы назад своих денег.

В пылу спора его инженерная фуражка, **околыш которой** сверкала зеленым диванным плюшем, покосилась набок.

В данном варианте СП синтаксическая связь между словом из главного предложения и придаточным устанавливается с помощью одного из членов повтора путем его трансформации в союзное слово **который**:

Последним из дома выскочил Лоханкин. А дом уже наполнился самоварным дымом с прожилками огня. Последним из дома, **который** уже наполнился самоварным дымом с прожилками огня, выскочил Лоханкин.

Трансформированный член повтора превращает независимую форму «своего» предложения в зависимую от не трансформированного члена повтора в другом предложении.

Происходит подключение структуры придаточного к структуре главного предложения через повтор. Такое подключение и образование такой одночленной структуры возможно только на базе повтора, выраженного существительными.

Союзное слово **который** (трансформированный член повтора существительных), замещая в предложении существительное, теряет свое лексическое значение, но сохраняет свою роль в предложении, в зависимости от чего и может менять свою форму:

Такое лицо бывает у человека, **который** прожил долгую, порядочную жизнь. Такое лицо бывает у человека, **кто** прожил долгую, порядочную жизнь.

Каждый час приближал его к Северному укладочному городку, **в котором** находился Корейко. Каждый час приближал его к Северному укладочному городку, **где** находился Корейко.

В описанном виде СП при образовании одночленной структуры СП происходит нейтрализация отношений пересечения и воплощение отношений включения в самой структуре СП, где придаточное предложение подключается к существительному в главном предложении в качестве его распространителя (определения) и таким образом входит в состав главного предложения.

СП со структурой типа ...**дом, который**... аналогичны СП со структурой типа ...**понял, что**... Разница между ними состоит только в средствах связи: в первом случае это синтаксические союзы, во втором это союзные слова – средства связи, возникшие благодаря модификации одного из членов повтора.

Типовое значение описанного варианта СП состоит в материализации идеи включения: в реальном соединении двух смыслов в одночленной структуре, где они стремятся слиться в один нерасчленимый смысл, нейтрализуя противопоставление смыслов, выраженных типом пересечения лексических составов.

4. СП синтаксического способа образования на базе смешанных лексических отношений включения с пересечением с использованием ВМ и повтора существительных в качестве средства, устанавливающего синтаксические связи между частями СП.

У нее был **тот** спортивный вид, **который** за последние годы приобрели все спортивные девушки.

Или пойдем прямо в закрома, **в ту** пещеру, **где** выхраните свои тугрики.

В то время, **покуда** великий комбинатор пиратствовал

на море, Генрих Мария Заузе вышел из «Геркулеса» в полном недоумении.

СП со структурой ...**тот дом, который**... аналогичны СП со структурой ...**понял то, что**...

При их образовании происходит создание такой структуры, где слитность частей выражена слабее, чем в СП со структурой ...**дом, который**... При этом наблюдается своеобразное преобразование типа соотношения лексического состава в исходном СПП (сочетание пересечения с включением): отношения пересечения нейтрализуются, а отношения включения, наоборот, подчеркиваются.

Типовое значение СП со структурой ...**тот дом, который**... состоит, таким образом, в создании такого синтаксического единства, в котором сохраняется и актуализируется противопоставление смыслов, обусловленное отношениями включения в исходном СПП, и подавляется противопоставление смыслов, обусловленное отношениями пересечения в исходном СПП.

5. СП синтаксического способа образования на базе лексических отношений пересечения с использованием одного члена местоименного повтора в качестве средства, устанавливающего синтаксическую связь в СП.

Блажен, **кто** смолоду был молод (Пушкин).

По щекам поползли блестящие капельки, **какие** бывают на окнах во время дождя. (Чехов)

Я не помню, **о чем** мы говорили.

Дождь кончился, **когда** совсем стемнело.

Образование СП данного варианта может быть объяснено только через их глубинную структуру, поскольку в «нормальное» СП их трансформировать не удастся:

1. СПП с местоименным повтором в качестве глубинной структуры СП с местоименным повтором:

Кто-нибудь захочет меня понять.

Он и поймет.

2. СП с местоименным повтором в качестве средства связи:

Поймет **тот, кто** захочет меня понять.

3. СП с придаточным, занявшим синтаксическую позицию ВМ:

Поймет, **кто** захочет меня понять.

СП со структурой ...**поймет, кто захочет**... аналогичны по структуре СП со структурой ...**понял, что... и ...дом, который**..., при образовании которых происходит слияние двух предложений в одночленную структуру СП и образование единого нечленимого смысла СП. СП со структурой ...**поймет, кто**

захочет... отличаются от указанных выше аналогичных СП только средствами связи. В качестве таковых в них выступают трансформированные члены местоименного повтора.

Устранение ВМ из общей структуры СП (замещение его придаточной частью) обеспечивает нейтрализацию пересечения смыслов, обусловленного типом соотношения лексических составов в исходном СПП.

Типовое значение СП со структурой ...поймет, кто захочет понять... состоит в образовании синтаксического единства, материально воплощающего идею включения содержания одного предложения в содержание другого.

В целом четвертый тип СП характеризуется как тип, в котором идея включения реализуется в одночленной синтаксической структуре, подобной структуре ПП. В этой структуре способ образования имеет определяющее значение: он устанавливает сильные синтаксические связи между частями, подобные связям слов внутри ПП, ослабляя или совсем подавляя, действие типа соотношения лексических составов. Интонация в таких предложениях также подчинена идее максимального единения частей в пределах СП.

Пять вариантов СП четвертого типа (тип сложных предложений, реализующих идею включения в одночленной структуре с помощью различных средств связи) могут быть объединены в две группы:

1) СП со структурами ...понял, что... ; ...дом, который... и ...поймет, кто захочет... имеют однотипную структуру и одинаковое значение. Они различаются лишь природой средств связи, формирующих зависимую форму придаточного предложения: в СП со структурой ...понял, что... – это синтаксические союзы; в СП со структурой ...дом, который... – это союзные слова из трансформированных членов повтора существительных; в СП со структурой ...поймет, кто захочет... – это союзные слова из трансформированных членов повтора местоимений.

Это группа СП с самой сильной синтаксической подчинительной связью между словами.

2) СП со структурами ...понял то, что... и ...тот дом..., который тоже имеют однотипную структуру и одинаковое значение, различаясь лишь средствами связи.

От группы СП с сильной подчинительной связью они отличаются только тем, что являются группой СП с ослабленной подчинительной связью между частями. Способ образования и в этих структурах СП имеет ведущее значение, но стремление способа образования к одночленности существенно ослаблено сохранением формального показателя типа лексических отно-

шений включения в главной части СП, который в одночленной структуре работает на расчленение частей.

С точки зрения слитности частей СП первого, второго и третьего типа могут быть в целом противопоставлены СП четвертого типа. Если первые утверждают смысловые отношения в пределах двучленной структуры, близкой по своему строению к СПП, то СП четвертого типа осуществляют то же самое в пределах одночленной структуры, подобной по своему строению ПП.

Перейдем к рассмотрению СП, актуализирующих отношения пересечения.

Отношения пересечения могут быть выражены как в СП семантического способа образования, так и в СП синтаксического способа образования.

V тип. СП семантического способа образования на базе лексического пересечения с использованием повтора и семантических союзов в качестве средств, устанавливающих синтаксические связи в СП

Варианты этого типа СП возникают в зависимости от того, как используется повтор для связи частей СП.

1. СП с использованием полного повтора⁵ и интонации:

а) СП с полным повтором местоимений:

Больше **он** ничего не сказал, **он** испугался.

Больше **он** ничего не сказал – **он** испугался.

б) СП с полным повтором существительных:

Адам честный человек, **он** плохо разбирается в жизни.

Адам честный человек – **он** плохо разбирается в жизни.

в) СП с полным повтором глаголов-сказуемых:

Все **сбежались**, я тоже **сбежался**.

Все **сбежались** – я тоже **сбежался**.

г) СП с полным повтором наречий:

Выступающий говорил **вяло**, его **вяло** слушали.

Выступающий говорил **вяло** – его **вяло** слушали.

д) СП с полным повтором прилагательных:

У вас **старинный** венский стул, у меня **старинное** золотое ситечко.

У вас **старинный** венский стул – у меня **старинное** золотое ситечко.

е) СП с полным повтором словосочетаний, в том числе с повтором грамматического центра:

В наше новое время **мне не хочется** улыбаться, **мне хочется** молиться!

В большом мире **изобретен** дизель-мотор, **написаны** «Мертвые души», **построена** Днепровская гидроэлектростанция и совершен перелет вокруг света, в маленьком мире **изобретен** кричащий пузырь «уйди-уйди», **написана** песенка «кирпичики» и **построены** брюки фасона «полпред».

Наличие полного повтора в СП и в СПП подчеркивает определенный тип связанности предложений – тип пересечения смыслов. В то же время наличие полного повтора создает благоприятные условия для возникновения определенных частных смысловых отношений (противопоставления, сопоставления, сравнения). Эти отношения могут быть ослаблены или усилены с помощью интонации, как в первом типе СП.

Типовое значение СП с полным повтором в частях состоит в актуализации отношений пересечения и различных отношений сопоставления, обусловленных тем же типом соотношения лексических составов, в пределах двучленной конструкции, подобной СПП.

2. СП с использованием полного повтора и семантических союзов:

Повтор в составе СП, как уже было отмечено, создает благоприятные условия для возникновения отношений противопоставления, сопоставления, сравнения между частями. Поэтому в СП с повтором чаще всего и используются именно эти семантические союзы:

Раньше **я** использовал эти брюки только на пасху, **а** теперь **я** ношу их каждый день.

Паниковский пил наравне со всеми, **но** о боге **он** не высказывался.

Лоханкин говорил пятистопным ямбом, **хотя он** никогда стихов не писал и не любил их читать.

Судьба **играет** человеком, **а человек играет** на трубе.

Типовое значение СП с полным повтором в частях и использованием семантических союзов состоит в актуализации различных отношений сопоставления и нейтрализации отношений пересечения, обусловленных типом соотношения лексических составов, в рамках двучленной структуры, близкой по своему строению к СПП.

3. СП с совмещением двух членов повтора в одном слове (или словосочетании)

Пропуск члена повтора во второй части СП можно интерпретировать как совмещение двух членов повтора в одном слове (или словосочетании). Такое совмещение ведет к созданию

разных конструкций, различие которых обусловлено синтаксической ролью повторов в частях СП.

✓ **Совмещение повторяющихся обстоятельств** ведет к образованию СП с общим обстоятельством:

Всю ночь не вязались банки, и **всю ночь** не шла карта.

Всю ночь не вязались банки и не шла карта.

✓ **Совмещение повторяющихся подлежащих** ведет к возникновению предложений с однородными сказуемыми:

Я ничего не делаю, но деньги **я** получаю пунктуально.

Я ничего не делаю, но деньги получаю пунктуально.

Старик в пасхальных брюках разозлился, **но** паузы между фразами он не уменьшил. **Старик** в пасхальных брюках разозлился, но паузы между фразами не уменьшил.

✓ **Совмещение повторяющихся сказуемых** является причиной образования СП с неполной второй частью:

Вы **заходите** с левой стороны, а я **захожу** с правой стороны.

Вы **заходите** с левой стороны, а я – с правой стороны.

В результате совмещения нескольких повторяющихся членов предложения (обычно сказуемого с распространителем, или подлежащего со сказуемым, или грамматического центра вместе с каким-либо второстепенным членом) образуются конструкции настолько неполные во второй части, что их уже трудно считать предложениями, даже неполными. Тем более, что их неполнота в составе СП воспринимается как норма, а восстановление пропущенных членов предложения создает ощущение стилистической неправильности:

Я выгляжу хорошо, вы **выглядите лучше**. Вы **выглядите лучше**, чем я.

Разъезжать на извозчике **приятно**, **разъезжать** на автомашине еще **приятнее**. Конечно, **разъезжать** на автомашине **приятнее, чем на извозчике**.

Со мной **она разговаривала не очень охотно**, с доктором **она разговаривала охотнее**. С доктором она **разговаривала охотнее, чем со мной**.

СП третьего варианта пятого типа отличаются повышенной степенью слитности частей, приближающей их к структурам ПП. Совмещение двух членов повтора в одном слове не только повышает степень слитности частей, но и нейтрализует отношения пересечения, что еще больше сближает подобные структуры с ПП. СП этого типа могут быть названы слитными [Пешковский, с. 445].

Типовое значение слитных СП состоит в материализации отношений пересечения и актуализации противопоставления оставшихся частей друг другу.

В целом СП пятого типа характеризуются как СП, в которых идея пересечения смыслов реализуется в вариантах двучленной синтаксической конструкции с различной степенью слитности частей.

VI тип. СП синтаксического способа образования на базе лексических отношений пересечения, с использованием обоих членов повтора, выраженного местоимениями, в качестве средства, устанавливающего синтаксическую связь в СП.

СП, выражающие отношения пересечения в конструкциях синтаксического способа образования, возникают только на базе отношений пересечения с повтором, выраженным местоимениями.

*Это было не **то**, **что** я искал.*

***Кто** туда попадет, **тот** не возвращается.*

*К этой работе следует привлечь **тех**, **кто** трудится в области литературы.*

*Я останусь **таким** же бедным поэтом и многоженцем, **каким** был.*

***Такого** дня, **какой** предстоит сегодня, ваше механическое корыто еще не видело и никогда не увидит.*

***Где** нет любви, **там** о деньгах говорить не принято.*

*Выход у вас один – возвращаться **туда**, **откуда** сбежали.*

*Они живут **так**, **как** следовало бы жить всем нам.*

Образование СП шестого типа так же, как СП со структурой... поймет, кто захочет ..., может быть объяснено только через их глубинную структуру:

СПП: *Я **что-то** говорил в Арбатове.*

*Я могу повторить только **это**.*

СП: *я могу повторить только **то**,*

***что** я говорил в Арбатове.*

При образовании СП синтаксическим способом на базе местоименного повтора видоизменяются оба его члена: один из них трансформируется в ВМ (в Т-местоимение), а другой – в союзное слово, превращающее исходное предложение в придаточное. Формирование одночленной структуры происходит путем подключения придаточного предложения к ВМ, в то же время при образовании СП оба члена повтора сохраняются.

В результате получается СП, структура которого сочетает в себе синтаксическое подключение одной части к другой с одновременным сохранением пересечения их смыслов.

Типовое значение СП со структурой ...тот, кто... состоит в актуализации отношений пересечения в одночленной структуре.

Общее значение СП пятого и шестого типов состоит в выражении отношений пересечения с различной степенью интенсивности в конструкциях с различной степенью слитности частей.

Сравнение выделенных типов СП по степени слитности

Итак, все конструкции русских СП описаны в единой системе⁶, состоящей из шести основных, противопоставленных друг другу типов. Система построена на одних и тех же признаках (способ образования, тип соотношения лексических составов, средства, устанавливающие вид синтаксической связи), отражающих специфику СП на фоне СПП и ПП.

Основные описанные типы СП и их варианты могут быть расположены по степени слитности между пограничными для них уровнями СПП и ПП следующим образом.

1. Ближе всего к уровню СПП стоят СП двучленной структуры (семантического способа образования) с интонационной связью. Синтаксическая слитность частей в этих СП обеспечивается интонацией и смысловыми отношениями, которые формируются лексическим наполнением частей.

В пределах этой группы СП самая свободная связь между частями устанавливается в предложениях, возникших на базе отношения исключения:

Шли третьи сутки пути, в ожидании событий литературный поезд томился. (СП с сочинительными отношениями, т.к. части имеют свободное взаиморасположение).

Козлевич двинулся бы по асфальту, шоферы любят хорошие дороги. (СП с подчинительными отношениями – СП имеет гибкую структуру: *Козлевич (шоферы любят хорошие дороги) двинулся бы по асфальту*).

Дверь распахнулась, в комнату проник Паниковский. (СП с соподчинением частей – части имеют фиксированное расположение).

В СП с лексическими отношениями включения и пересечения интонационная синтаксическая связь поддерживается показателями соотношения лексических составов:

Вы мелкий жулик, я понял **это** сразу. Остап вскоре понял **вот что**: так жить нельзя. (СП на базе лексического включения)

Не я на него **нападаю**, он на меня **нападает**. (СП на базе лексического пересечения)

Между СП первой степени слитности интонация и смысловые отношения, формируемые лексическим наполнением частей, могут устанавливать и сочинительные, и подчинительные, и взаимоподчинительные синтаксические связи. Это позволяет выстроить вертикальный ряд СП по степени слитности внутри описываемой группы.

Вторая степень слитности принадлежит СП двучленной структуры (семантического способа образования) с союзной связью. Именно союзы в СП этой группы устанавливают синтаксические отношения между частями, в то время как их структура (как и в СП первой степени слитности) направлена на противопоставление частей. Синтаксическая связь, обусловленная наличием семантических союзов представляет собой связь более сильную, чем связь чисто интонационная или смысловая, обусловленная лексическим наполнением частей.

2. II степенью слитности характеризуются СП двучленной структуры (семантического способа, образования) с союзной связью. Именно союзы устанавливают в СП этой группы синтаксические отношения между частями, в то время как их структура (как в СП I степени слитности) направлена на противопоставление частей. Синтаксическая связь, обусловленная наличием семантических союзов представляет собой связь более сильную, чем связь чисто интонационная.

Самая свободная синтаксическая связь в пределах СП этой группы устанавливается в конструкциях, образованных на базе лексического исключения:

*Засияли широкие стекла мягких вагонов, **и** под самым носом антилоповцев пронеслись букеты и винные бутылки вагона-ресторана* (сочинение).

*Эта дивная птица гуляет, **а** я стою* (сочинение).

*Великий комбинатор провел пятнадцать ночей в разных поездах, переезжая из города в город, **потому что** номеров нигде не было* (подчинение).

*Ничего нового на свете не произойдет, **так что** вы напрасно кипятитесь насчет новой жизни* (подчинение).

***Пока** он взбегал на холм, фигура Паниковского исчезла* (подчинение).

Если не считать пятидесяти тысяч Бологанова, **то** миллион был на месте (взаимное подчинение).

Не успел Бендер закончить свой туалет, **как** в купе явился тучный писатель в мягкой курточке (взаимное подчинение).

В СП с лексическими отношениями включения и пересечения союзная синтаксическая связь поддерживается показателями типа соотношения лексических составов (см. примеры на с. 66).

Между частями СП второй степени слитности семантические союзы могут устанавливать все виды синтаксической зависимости, что также позволяет расположить СП и этой группы в ряд по возрастающей степени слитности.

3. К СП третьей степени слитности следует отнести тип СП с двучленной структурой, где в качестве средства связи используется показатель лексических отношений включения ВМ⁷:

Там он выучится читать и писать, **что** в его возрасте совершенно необходимо (подчинение).

Братья поняли: за поездом им не угнаться (взаимное подчинение).

Синтаксическая связь, которую устанавливает в СП этой группы ВМ (вместе с интонацией, всегда актуализированной), может быть приравнено по силе к союзной (во всяком случае, у нас нет критериев утверждать что-либо другое). Отнесение же этих СП к третьей степени слитности обусловлено тем, что синтаксическая связь между частями обеспечивается не служебными, а самостоятельными частями речи (местоимениями). Кроме того, в СП этой группы не встречается конструкций с сочинительной связью. Это всегда структуры с подчинением (однонаправленным или взаимонаправленным).

4. Следующая, четвертая, степень слитности характеризует СП одночленной структуры (синтаксический способ образования) с ВМ в главной части, а именно СП со структурами ... понял то, что...; ... тот дом, который... и... поймет тот, кто захочет...:

Великий комбинатор и **не отрицал того, что** он профессионал пера.

В моторе слышалось **такое хрипение, как будто бы** под желтым капотом кого-то душили.

Сейчас я вам продиктую любой из полтораста **тех самогонов, рецепты которых** мне известны.

Вот **когда** он будет говорить насчет смысла жизни, **тогда** и переводите.

Степень слитности в этой группе СП обеспечивается прежде всего одночленностью структуры, уподобляющей строение СП строению ПП: т.е. устанавливающей синтаксические подчинительные отношения между словом из главной части и придаточной частью в целом. Но в данном случае слитность структуры ослаблена наличием ВМ в главном предложении: ВМ и в трансформированном виде сохраняет свой статус показателя лексических отношений и в одночленной структуре работает не на сближение, а на смысловое расчленение частей (что подтверждается и ограниченной гибкостью структур у СП этой группы).

5. К СП пятой степени слитности относятся СП одночленной структуры без ВМ в главной части, т.е. СП со структурами ...понял, что...;... дом, который...;... поймет, кто захочет...:

*Остал позвонил и **потребовал**, чтобы телеграмма была отправлена немедленно молнией.*

*Американцы выбрали пшеничный **самогон**, который привлек их простотой выработки.*

*Я **знаю**, что вы намерены мне сказать.*

Степень слитности в этих СП определяется одночленной структурой, которая в этих СП не ослабляется ни одним из факторов: это СП самой сильной синтаксической подчинительной связи между частями из всех возможных в СП вариантов.

6. К последней, шестой степени слитности, отнесены СП со слитными структурами – конструкции, которые являются переходными между СП с отчетливо выделяемыми частями и ПП. Они чрезвычайно разнообразны по строению, и их описание не входит в задачу этой статьи. Приведем лишь несколько примеров подобных СП:

Старик в пасхальных брюках разозлился, но паузы между фразами не уменьшил.

Вы заходите с левой стороны, а я – с правой.

Вы выглядите лучше, чем я.

Я не нашел, что ответить.

Основываясь на перечне основных функционально-конструктивных типов СП, можно решить вопрос о семантической парадигме каждого отдельно взятого СП с теми или иными отношениями лексических составов и с теми или иными имплицитно выраженными межсмысловыми отношениями. Например, СПП *Овес вдруг прорастет. Ваша картина заколосится.* допускает образование следующего количества СП с

различной степенью слитности частей и с различной степенью выраженности межсмысловых отношений:

I. СП семантических способов образования на базе лексического исключения:

а) интонационное нивелирование слабо выраженных отношений «причина – следствие»:

Овес вдруг прорастет, ваша картина заколосится.

б) интонационное выделение причинно-следственных отношений с актуализацией значения следствия:

Овес вдруг прорастет – ваша картина заколосится.

в) интонационное выделение причинно-следственных отношений с актуализацией значения причины:

Ваша картина заколосится: овес вдруг прорастет.

Актуализация различных аспектов межсмысловых отношений с помощью союзов:

*Овес вдруг прорастет, **и** ваша картина заколосится.*

*Овес вдруг прорастет, **так что** ваша картина заколосится.*

***Если** овес вдруг прорастет, **то** ваша картина заколосится.*

*Ваша картина заколосится, **потому что** овес прорастет.*

Исходное сочетание ПП содержит в себе также потенциальные, не выраженные лексически, отношения включения, которые можно выявить и тем самым перевести СПП из отношений исключения в отношения включения:

Овес вдруг прорастет. Поэтому (в результате этого) картина ваша заколосится.

II. СП семантических способов образования на базе лексического включения:

Овес вдруг прорастет, в результате чего (отчего, почему и) картина ваша заколосится.

Картина ваша заколосится вот отчего: овес прорастет.

III. СП синтаксического способа образования на базе включения:

Картина ваша заколосится оттого, что овес прорастет.

Выводы

В данной статье основные положения диссертации дополнены и углублены. Наиболее существенными результатами своей работы автор считает:

1. Построение классификации СП, в которой впервые сделана попытка объединить на единых основаниях все три традиционно выделяемых основных класса СП: сложносочиненные, сложноподчиненные и бессоюзные СП. В качестве такого основания выдвинуто понятие слитности частей СП, которое регулируется взаимодействием трех факторов, характеризующих любое СП. К этим факторам относятся: способ образования, тип соотношения лексических составов и синтаксическая зависимость, устанавливаемая в СП различными средствами связи.

2. Создание такой классификации, в самом построении которой отражается двуединая сущность СП, обусловленная его одновременной связью как с СПП, так и с ПП: а именно членимость и единство СП как в конструктивном, так и в коммуникативном плане. При этом в выделенных классах СП нет и самого разделения этих планов. Поэтому основные конструктивные типы СП одновременно являются и основными функциональными его типами:

Именно СП первого и второго типа (СП с чисто интонационной связью между частями на базе лексических отношений исключения и СП с семантическими союзами между частями на базе всех типов соотношения лексических составов) – это СП, конструкции которых предоставляют максимальную свободу для выражения с различной степенью ясности смысловых отношений, формируемых лексическим наполнением частей. Все остальные типы СП служат для выражения с различной степенью ясности смысловых отношений, формируемых типом соотношения лексических составов (отношений включения и пересечения). В классификации удалось учесть основные смысловые отношения, не вдаваясь в их дробление по семантическим тонам и оттенкам в основных типах СП.

3. Расширение списка средств, устанавливающих синтаксические отношения зависимости в СП. В работе проводится идея, что в СП формальные показатели смысловой зависимости (интонация, показатели типа соотношения лексических составов и возможности взаиморасположения частей как показатель смысловых отношений, формируемых их лексическим наполнением) становятся показателями синтаксической зависимости в случае отсутствия союзов и союзных слов, влияющих на грамматическую форму ПП объединяющихся в СП. Синтаксическая связь, которую устанавливают в СП показатели смысловой зависимости является более слабой, чем связь

обусловленная зависимой грамматической формой частей, но в составе СП это все же связь синтаксическая. Это утверждение доказывается путем сопоставления формы СПП с формой СП в целом, а не путем сопоставления компонентов СПП с частями СП. СПП с подчинительными смысловыми отношениями, приобретая статус СП становятся или СП с синтаксическими подчинительными отношениями, имеющими гибкую структуру, или СП с взаимным синтаксическим подчинением частей, имеющими жесткую структуру, не допускающую ни перестановки частей, ни изменения интонационного оформления без разрушения общего смысла СП.

4. Построение такой системы типов СП, в которой естественное место себе находят не только бессоюзные СП, но и такие проблемные конструкции, как местоименно-соотносительные, присоединительные, детерминантные СП, а также слитные предложения и предложения с вводными предложениями.

Примечания

- 1 Трансформация СП в СПП и наоборот осуществлялась в соответствии с общими правилами трансформационного метода исследования [Апресян 1966, с. 153-158]. См. также более подробное описание в [Флоренская 1980, с. 38-43, 76-77]
- 2 Большая часть примеров, используемых в работе, заимствована из романа И.Ильфа и Е.Петрова «Золотой теленок».
- 3 Изменение семантических отношений между частями СП в зависимости от интонации неоднократно отмечено у [Гвоздев 1968, с. 202-236]
- 4 В данной статье мы не приводим при описании классов СП ни классификации семантических союзов, ни семантической классификации СП. Задача этой статьи – продемонстрировать основные конструктивные типы СП и их варианты.
- 5 Полным повтором мы будем называть повторы, где его члены занимают в обеих частях СП одинаковые синтаксические позиции: подлежащее – подлежащее, дополнение – дополнение и т.д.
- 6 В статье система описана в обобщенном виде: каждый из описанных типов и их вариантов разворачивается в своей системе семантических подвариантов.
- 7 Кроме первых двух вариантов СП этого типа, которые отнесены к СП первой степени слитности.

Литература

- Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики М.: Просвещение, 1966.
- Бархударов С.Г., Колшанский Г.В. К проблеме структуры сложного предложения // Сборник статей по языкознанию. М., 1958.
- Белошапкова В.А. Синтаксис // Современный русский язык / Под ред. В.А.Белошапковой; Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Азбуковник, 1997. С. 606-903.
- Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. М.-Л.: 1935.
- Брызгунова Е.А. Практическая фонетика и интонация русского языка. М., 1963.
- Бунина М.С. К вопросу о сложном предложении // Вопросы синтаксиса и лексики современного русского языка. М., 1973.
- Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959.
- Валимова Г.В. Функциональные типы предложений в современном русском языке. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1967.
- Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Ч.2. М.: Просвещение, 1968.
- Ильенко С.Г. Сложное предложение в системе синтаксических единиц современного русского литературного языка // Ильенко С.Г. Русистика: Избр. труды. СПб.: Изд. РГГУ, 2003. С. 326-341.
- Карцевский С.О. Бессоюбие и подчинение в русском языке // Карцевский С.О. Из лингвистического наследия. М.: Языки рус. культуры, 2000. С. 71-85.
- Кручинина И.Н. Некоторые тенденции развития современной теории сложного предложения // Вопросы языкознания. 1973. №2.
- Крючков С.Е., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. Изд. 2-е. М.: Высшая школа, 1977.
- Пешковский А.М. Существует ли в русском языке сочинение и подчинение предложений // Избранные труды. М.: Просвещение, 1959. С. 131-146.
- Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки рус. культуры, 2001.
- Поспелов Н.С. О грамматической природе сложного предложения // Вопросы синтаксиса русского языка. М.: Учпедгиз, 1950. С. 321-337.
- Перспектив «Русской грамматики». М.: Наука, 1972.
- Флоренская Э.А. Опыт функционального описания сложного предложения // Вопросы грамматики. Тарту, 1974.
- Флоренская Э.А. Дихотомия сочинения/подчинения в сложном предложении // Русская филология. Вып. 4. Тарту, 1975. С. 173-191.
- Флоренская Э.А. Проблемы парадигматики сложного предложения // Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 398: Труды по русской и славянской филологии, 27. Тарту, 1977а. С. 155-191. (Сер. лингвистическая).
- Флоренская Э.А. К построению классификации сложного предложения // Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 425. Труды по рус-

*Степень слитности частей как общее основание единой
классификации сложных предложений*

ской и славянской филологии, 29. Тарту, 19776. С. 46-60. (Сер.
лингвистическая).

Флоренская Э.А. Типы структурно-семантических отношений между
частями сложного предложения в современном русском языке:
Дисс. ... канд. филол. наук. Тарту, 1980.

Флоренская Э.А. Сложное предложение как сисема отношений // 100
лет Р.О.Якобсону: Материалы международного конгресса. М.:
РГГУ, 1996. С. 110-111.

Шелякин М.А. Русский язык. Таллин, 2002.

Теорема как вид текста

I. Понятность

0. Введение

0.1. Центр и периферия

Приступая к анализу текстов, написанных на естественном языке или изложенных на языке формальном, а также описывая крупные предметные области (науки, техники, искусства и пр.), исследователь так или иначе сталкивается с необходимостью их предварительной классификации. И всякий раз на верхнем уровне классификационной сетки оказывается деление текстов и предметных областей на **центральные** и **периферийные**, или, как чаще говорят, на **центр** и **периферию**. С самого начала важно, однако, осознавать, что деление любого множества текстов или любой предметной области на центр и периферию всегда условно, – то, что является центром для какой-либо одной решаемой практически задачи или для некоторой обсуждаемой теоретической проблемы, может вполне быть периферией для другой. Например, паралингвистика как наука, изучающая то, что по традиции относится к параязыку, то есть исследующая звуковые коды, дополнительные к речевому, но включенные в процесс речевой коммуникации и могущие передавать в нем смысловую информацию, является периферийной по отношению к науке о языке – лингвистике. Вместе с тем паралингвистика несомненно является центральной в отношении других разделов комплексной науки невербальной семиотики. Да и в самой паралингвистике, как и в любой другой науке, тоже по традиции выделяются центральные и периферийные объекты изучения. В центр паралингвистики входят, в частности, (а) отдельные неречевые звуки, исходящие из ротовой и носовой полостей человека; (б) звуковые комплексы, возникающие в разного типа физиологических реакциях и приобретающие в акте коммуникации особые контекстные значения; ср. хмыканье, плевки, плач, крик, рыдание, свист и др.; (в) голос и его постоянные признаки и (г) параязыковые просодические элементы, то есть элементы **параязыковой просодики** (например, эмоциональное акцент-

ное выделение слогов и более крупных фрагментов речевого потока, темп речевой реализации фраз при беглой речи или при скандировании, продолжительность пауз между фонетическими синтагмами и пр.). А к объектам, составляющим периферию паралингвистической системы, относятся (а) звуки природы и звуки различных механизмов, часто приобретающие символическое значение и играющие не последнюю роль в человеческой коммуникации, (б) звуки и звуковые последовательности, возникающие во время движений или действий человека с какими-то природными объектами или артефактами (например, звуки аплодисментов или стук в дверь при входе в дом), а также (в) звуки, возникающие от контакта человека с человеческим телом – либо со своим собственным, либо с чужим (см. об этом подробно в [Крейдлиг 2002, с. 27 – 28]). Если же, однако, мы рассмотрим паралингвистику в ее отношении к кинесике (науке о жестовых знаках и систем знаков), то уже относительно предмета интересов кинесики лингвистический и семиотический анализ звуков, возникающих во время человеческих движений и действий, безусловно, попадает в самый центр системы.

0.2. Теоремы и их формулировки

Во множестве текстов на естественном языке формулировки теорем, обычно называемые просто *теоремами*, составляют, конечно, периферийную область, но уже в подъязыке математики, точнее, в кругу разнообразных математических текстов формулировки теорем составляют центр, и даже самое ядро этого центра. Именно поэтому в центр внимания авторов настоящей работы, один из которых профессиональный математик, а другой – профессиональный лингвист, попали тексты математических теорем. Для нас самих было удивительно, что эти краткие и, казалось бы, узкопрофессиональные, тексты могут представлять интерес для нас обоих.

В настоящей работе мы ограничились изучением именно **формулировок** теорем, оставляя анализ текстов их доказательств на будущее. При этом мы будем рассматривать как формулировки теорем «школьной» математики, так и формулировки, бытующие в профессиональной математической среде.

0.3. Две точки зрения на понятие теоремы

Существуют по крайней мере два типа представлений людей о том, что такое теорема. Одно мы условно назовем <про-

фессионально-> математическим представлением, а другое – **бытовым**, или **школьным**, причем первое отличается от второго сразу в нескольких отношениях.

Профессиональные математики под словом теорема всегда имеют в виду истинное утверждение, кем-то уже сформулированное, доказанное (= научно обоснованное) и представленное математической общественности. Так, для признания теоремы утверждения, именуемого последней теоремой Ферма, математикам недостаточно одной только констатации Пьера Ферма «Я владею поистине удивительным доказательством этой теоремы, но поля этой книги слишком узки, чтобы его вместить».

С точки зрения математика-профессионала, доказать теорему можно лишь однажды. Фраза *Петя доказал основную теорему алгебры* вызывает у математика возражение: *Нет, эту теорему доказал Гаусс*. Это означает, что словосочетание *доказать теорему* в подъязыке профессиональных математиков имеет иной смысл, чем в школьном: учитель вполне может сказать *Иванова доказала теорему синусов, и я поставил ей «отлично»*. Дело в том, что под словами *доказала теорему* учитель имеет в виду воспроизведение некоторого известного доказательства, тогда как для профессионального математика *доказать теорему* – это все равно, что открыть Америку. В случае, если кто-либо предложит более красивое, короткое или ясное доказательство уже известной теоремы, математики скажут, что *найдено новое доказательство*. В бытовом языке мы встречаем языковые конструкции, которые профессионал сочтет нелепыми, странными или вовсе невозможными: *докажите или опровергните следующую теорему, эта теорема неверна* и т.п. Для обычного же носителя языка они вполне приемлемы, однако означают другое, а именно 'воспроизведите известное доказательство', 'опровергните данное утверждение', 'это утверждение ложно' и т.п. Таким образом, в языке профессионального математика в слове *теорема* содержится презумпция истинности, каковой нет в обычном языке.

В понимании математиков теорема как вид текста противопоставлена, например, задаче, ответ которой неизвестен. Для профессионалов, тем самым, теоремы – это тексты в модусе утверждения, причем всегда истинного, а задачи – тексты с вопросительной модальностью. Если бы мы строили классификацию текстов по их модальности (заметим, что нам такая классификация представляется не только возможной, но и вполне содержательной с разных точек зрения), то теорема

и задача попали бы в разные классы. Задача была бы в одном классе, например, с басней (а ответ на задачу – с моралью) или с загадкой (а ответ на задачу – с разгадкой), а теорема в другом – в одном классе, например с любым аналитическим суждением, заповедью или половицей.

И еще одно. В представлении математиков-профессионалов теорема имеет совершенно иное коммуникативное назначение, чем в представлении непрофессионалов. Теорема для математиков является фактом культуры; сформулировав, доказав и опубликовав теорему, математик помещает ее текст в культурный фонд. Кроме того, теорема как текст, содержащий новую информацию, нуждается в распространении в некотором сообществе, то есть является потенциальным носителем информативной функции и единицей коммуникации в этом сообществе. Для людей, которые не занимаются научной математической деятельностью, теорема имеет несколько иное назначение, а именно содержание теоремы является единицей знания, которым общество уже овладело, а теорема представляет собой учебный текст, направленный на распространение этого знания и овладение им.

0.4. Постановка задачи

В настоящей работе мы хотим представить и обсудить лингвистический и математический подходы к понятию теоремы, а именно описать наиболее важные свойства теорем и особенности функционирования этого вида текстов. Мы рассматриваем здесь только одно имманентное свойство теоремы – ее **понятность**. Нашей целью, в частности, является объяснение того, какие из эквивалентных формулировок теорем и почему нам более понятны.

1. Понятность как свойство теоремы

1.1. Синонимичные формулировки теорем и проблема выбора

Выбор некоторого представителя (или нескольких представителей) по какому-то заранее устанавливаемому признаку из класса эквивалентных утверждений является, по всей видимости, задачей, которую так или иначе решают исследователи самых разных предметных областей.

Решалась она и для класса теорем, точнее, для их глубинных структур, см., например, работы группы Е.В. Падучевой

(Падучева 1974 и Корельская 1975), в которых семантика русских синтаксических единиц языка теорем школьной планиметрии, описывалась путем их толкования в терминах синтаксически более простых единиц уровня глубинных структур. Основными инструментами описания в этих работах были формальные преобразования (трансформации), вводящие при синтезе или элиминирующие при анализе толкуемые синтаксические лексемы и конструкции. Каждое преобразование определяет смысл синтаксической единицы либо через исходные единицы языка глубинных структур, либо через посредство единиц, вводимых (или удаляемых) трансформациями на предшествующем этапе синтеза (или анализа). В рамках такой трансформационной модели русского синтаксиса одно и то же однозначное предложение может иметь и обычно имеет несколько разных («S-синонимичных», в терминологии Е.В.Падучевой; см. [Падучева 1974, с. 75 – 77]), глубинных структур, переводящихся одна в другую особыми преобразованиями. Поэтому на трансформационном пути, например, синтеза русского предложения с толкуемой единицей из глубинной структуры, встает следующая задача: предложить какой-то критерий (или несколько критериев) выделения одной из S-синонимичных структур в качестве представителя класса. Такая структура предстает в качестве базовой, а затем подается на вход алгоритма синтеза синтаксического представления теоремы из глубинного, ср. критерий, рассматриваемый в книге Корельская 1975: «При описании синтаксических преобразований из всех S-синонимичных глубинных структур выбирается та, в применении к которой данная трансформация имеет наиболее простую формулировку» (с. 21).

1.2. Понятность языка и понятность текста

При обсуждении свойства понятности следует с самого начала разграничить два парных концепта: **понятность языка <на котором формулируется теорема>** и **понятность текста <теоремы>**.

О понятности языка мы обычно говорим только в случаях, когда у нас есть возможность выбора языка или языков для выражения и передачи нужных смыслов. Ситуация, когда требуется это сделать для формулировок теорем (например, в целях наиболее успешного преподавания математики), выглядит гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Причина состоит в том, языки для выражения нужных смыслов могут быть очень разными по своему устройству и содер-

жанию. Так, одни люди привыкли мыслить образами и для них более понятным будет язык чертежей, рисунков, схем, графиков и т.п.; другие плохо воспринимают – часто, к сожалению, действительно лексически не однозначный и сложный по своей логической или грамматической структуре – текст теоремы на естественном языке. Поэтому всякий раз при необходимости и возможности они стараются перевести формулировку на другой, скажем, формально-логический язык, где могут найтись формальные средства разрешения неоднозначности и прозрачные способы представления синтаксической, семантической и иной структуры. Кроме того, выбор конкретного языка для описания текстов, как давно известно, тоже оказывает самое непосредственное влияние на концептуализацию и репрезентацию внешнего мира и его объектов: ведь данный язык всегда высвечивает только какие-то одни стороны описываемого объекта и фокусирует внимание только на каких-то одних его свойствах, затеняя или попросту игнорируя другие.

Концепт понятности языка мы надеемся проанализировать в отдельной работе, а сейчас остановимся на парном концепте, отражающем одно из самых важных свойств текста теоремы, а именно на свойстве его понятности.

Одни тексты понимаются легко, другие интерпретируются с трудом, а третьи вообще отбрасываются в сторону и квалифицируются как непонятные. Понятность текста, отметим сразу, представляет собой концепт, плохо поддающийся формализации, если вообще формализуем полностью. И это несмотря на то, что понятность текста, как известно, зависит не только от его семантического наполнения, но и от внутренней – структурной и формально-логической – организации, выраженной собственно языковыми средствами.

1.3. Основные положения

Одним из аспектов структурной организации текста является его дедуктивная правильность – понятие, анализ которого составил основное содержание статьи Крейдлин, Поливанова 1988. В ней авторы выдвинули ряд исходных эвристических положений (с. 191 – 193), по крайней мере два из которых могут быть без особых изменений перенесены и сюда.

Речь идет о следующих тезисах:

1. Понимание текста теоремы базируется на интеллектуальных процедурах, аналогичных тем, что обеспечивают порождение нового знания, то есть **понимание текста требует креативных усилий**.

2. Анализ процесса восприятия человеком естественно-языкового текста, предполагает всестороннее изучение концепта понятности текста. См.: «Некоторые тексты мы хорошо понимаем потому, что «сочувствуем содержанию» (ср. бестолковое объяснение известного маршрута), но некоторые тексты мы хорошо понимаем, несмотря на то, что не имеем возможности «угадать содержание» (ср. толковое объяснение маршрута, пролегающего по неизвестной местности)» (Крейдлин, Поливанова 1988, с. 192).

К этим двум положениям мы считаем необходимым добавить по меньшей мере четыре:

3. Понятность текста теоремы в значительной мере обеспечивается однозначностью формирующих его логических и языковых, прежде всего лексических, синтаксических, а в устном тексте и интонационных, средств, а также однозначностью способов и результатов их синтеза и анализа. Например, использование в приводимом ниже математическом тексте (1) одного только глагола называется, а не глаголов является, есть и т.п. (возможно, в данном конкретном случае и контекстно-синонимичных ему), позволяет увеличить степень понятности сказанного за счет однозначности отнесения данного текста к письменному речевому жанру математических определений. Употребление в тексте глаголов является или есть на месте называется сделало бы неопределенной жанровую рубрикацию данного текста, не способствующую пониманию.

(1) *Параллелограммом называется выпуклый четырехугольник, противоположные стороны которого параллельны.*

Предложение (1) – это известное всем со школьной скамьи определение параллелограмма. Замена в нем глагола называется на является делает отнесение результирующего текста к классу математических определений явно затруднительным, если вообще допустимым. Для понимания сути происходящего и возможного активного участия в разворачивающемся далее математическом диалоге нам понадобилось бы дополнительно затрачивать креативные усилия – ведь в этом случае приходится устанавливать, что так было сформулировано именно определение параллелограмма (а не теорема о его свойствах), то есть производить нетривиальные интеллектуальные операции.

Замечание. Описываемая ситуация напоминает ту, с которой приходится сталкиваться человеку, услышавшему на улице обращенный к нему вопрос *У вас есть спички?* Он вы-

числяет, что это не «настоящий» вопрос о наличии у него спичек, а вопрос косвенный, интерпретируемый им как просьба дать спрашивающему спички, если они у адресата есть. В обоих случаях имеет место подмена жанра текста.

Напротив, если мы обратимся к предложению (2) *Параллелограмм является прямоугольником, если его диагонали равны между собой,*

то скорее сочтем его теоремой, а не определением прямоугольника. И если бы мы заменили в этом предложении глагол *является* на глагол *называется* и произвели все необходимые последующие лексические и синтаксические трансформации, то получили бы хотя и математически корректное, но запутывающее высказывание, поскольку оно бы прочитывалось и интерпретировалось как текст определения прямоугольника.

4. На множестве синонимичных текстов **одного жанра** (в нашем случае – теорем) тоже могут быть заданы самые разнообразные отношения типа «центр – периферия», ср. часто встречающиеся в литературе термины *исходные* и *производные*, *первичные* и *вторичные*, *базовые* и *трансформированные* (так говорят о сочетаниях, предложениях, представлениях, толкованиях, структурах, категориях, правилах и т.п.), выражающие эти отношения. В частности, **можно считать, что центр множества теорем образуют тексты, в максимальной степени понятные адресату.**

Замечание. На пути к наибольшей понятности формулировки теорем иногда проходят долгий путь эволюции. Например, исходная формулировка классической теоремы Гильберта ¹о нулях (из раздела математики, называемого **коммутативной алгеброй**) была такова: Пусть f, f_1, \dots, f_n – многочлены от одного и того же множества переменных над алгебраически замкнутым полем. Тогда, если f обращается в ноль на всех решениях системы $f_1 = \dots = f_n = 0$, то некоторая степень многочлена f принадлежит идеалу, порожденному многочленами f_1, \dots, f_n . (Иначе: Если f обращается в ноль на всех решениях системы $f_1 = \dots = f_n = 0$, то найдутся такое натуральное число N и такие многочлены a_1, \dots, a_n , что выполняется тождество $f^N = a_1 f_1 + \dots + a_n f_n$). Переформулировка той же теоремы: В спектре конечнопорожденной алгебры над алгебраически замкнутым полем множество замкнутых точек плотно в топологии Зарисского, принадлежащая **алгебраической геометрии** двадцатого века, представляется её адресату, математику-профессионалу, гораздо более короткой и понятной, хотя, конечно, эквивалентность последней формулировки и

исходной является нетривиальным математическим фактом, понимание которого требует введения и освоения целого ряда понятий и терминов.

Подобное задание центра представляется нам особенно уместным применительно к тем жанрам и типам текстов, которые играют ведущую роль в обучении. Малопонятные тексты плохо запоминаются, а потому продуктивность обучения и изучения непонятных текстов, как убедительно показывает весь мировой педагогический опыт, крайне низкая.

Вопрос о свойстве понятности применительно к текстам одного жанра, в частности к интересующим нас математическим теоремам, можно переформулировать так: какая из формулировок теоремы во множестве логически эквивалентных и синонимичных формулировок является самой понятной, а потому наилучшей? Задача эта в отношении текстов теорем осложняется тем, что, помимо естественного языка, как мы уже говорили выше, существуют много других семиотических кодов, или языков, на которых математики привыкли писать, читать и произносить соответствующие тексты. Выбор наиболее понятной формулировки (или нескольких наиболее понятных формулировок теоремы на разных языках) можно мыслить, таким образом, происходящим в два этапа. Сначала из ряда возможных языков или кодов выбираются те, которые признаются самыми понятными (см. выше о концепте **ПОНЯТНОСТЬ ЯЗЫКА**), а затем ищутся наиболее понятные из синонимических формулировок, опирающихся исключительно на лексику и синтаксис выбранного языка или кода.

«Внешний» мир математики, как он представлен в отдельных своих фрагментах, выраженных формулировками теорем, оказывается, тем самым, необходимо включенным во «внутренний» мир языков. А поскольку таких языков заведомо больше одного, встают важные проблемы взаимодействия и переводимости с одного из них на другой.

Наконец, мы выдвигаем следующие, быть может, наиболее важные для нас тезисы:

5. Понятность текста теоремы непосредственно связана с проблемой легкости и качества перевода с одного языка возможной ее формулировки на другой. А именно, **более понятные тексты при условии одинакового владения языками формулировок теорем переводятся их носителями с языка на язык легче и качественнее.**

6. Наоборот, **если человек переводит текст формули-**

ровки одной теоремы быстрее и лучше, чем другой, то можно полагать, что первая теорема ему понятнее, чем вторая.

Обоснование предложенных тезисов, наряду с обсуждением ряда других существенных свойств теорем, можно найти в готовящейся к печати работе [Крейдлин, Шабат 2008].

2. Заключение

Настоящая работа представляет собой первую совместную попытку лингвиста и математика взглянуть на тексты формулировок теорем с разных точек зрения. Из множества свойств, которым удовлетворяют эти тексты, мы выделили и рассмотрели только одно – свойство **понятности**, связав его со свойством **переводимости**. Наряду с ними теоремы обладают рядом других существенных свойств.

Во-первых, это – **формализуемость <теоремы>**, под которой подразумевается возможность алгоритмической обработки теоремы или ее фрагментов с различными математически содержательными целями.

Во-вторых, это – свойство **специализируемости <теоремы>**, под которым имеется в виду возможность рассмотрения частных случаев и примеров формального применения теоремы, вплоть до применения её к непосредственно наблюдаемым математическим объектам.

В-третьих, можно указать на такое свойство, как **запоминаемость <теоремы>**, которое само является и сложным, и малоизученным. Запоминаемость связана с такими плохо исследованными психологическими и языковыми сторонами теоремы, как наличие / отсутствие у теоремы образного и выразительного названия, наглядность, простота и изящество формулировки, богатство ассоциативных связей, наличие удобной мнемоники (в этой связи уместно вспомнить известную мысль Платона о том, что познание есть припоминание) и пр.

Подробному рассмотрению этих и некоторых других свойств теорем мы решили посвятить отдельную работу [Крейдлин, Шабат 2008], о которой уже шла речь выше.

Примечания

¹ Давид Гильберт (1862 – 1943) – выдающийся немецкий математик. Сформулировал в 1902 году 23 так называемые «проблемы

Гильберта», работа над решением которых в значительной степени определила развитие математики в XX веке. Получил выдающиеся результаты в теории инвариантов и алгебраической теории чисел; является основателем коммутативной алгебры, гомологической алгебры и функционального анализа. Внес неоценимый вклад в основания математики и в философские проблемы математики.

Литература

- Корельская Т.Д. О формальном описании синтаксической синонимии. М.: Наука, 1975.
- Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
- Крейдлин Г.Е., Поливанова А.К. Дедуктивная правильность текста // *Логический анализ языка. Референция и проблемы текстообразования*. М.: Наука, 1988, С. 191 – 213.
- Крейдлин Г.Е., Шабат Г.Б. Теоремы и их свойства. М., 2008 (готовится к печати).
- Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М.: Наука, 1974.

Некоторые свойства
линейной структуры
именных и предложных групп
(Поверхностно-синтаксический анализ
русского предложения)

Введение

Анализ именных и предложных групп (ИГ и ПГ) – одна из наиболее актуальных проблем автоматического анализа текста. Практически любая прикладная задача, связанная с автоматическим анализом естественного текста, предполагает построение ИГ и ПГ.

Ниже рассматриваются некоторые свойства линейной структуры ИГ и ПГ, в частности – проективность и рекурсивность, характерные для организации линейной структуры русского предложения. Способ использования этих свойств в значительной мере определяет особенности лингвистического базиса системы поверхностно-синтаксического анализа русского предложения (ПСА), разрабатываемой в настоящее время в Институте лингвистики РГГУ¹ [Кобзарева и др. 2001, Кобзарева 2002, Ножов 2003, Кобзарева 2004, Кобзарева 2005, Баталина и др. 2006, Кобзарева 2006, Кобзарева 2007].

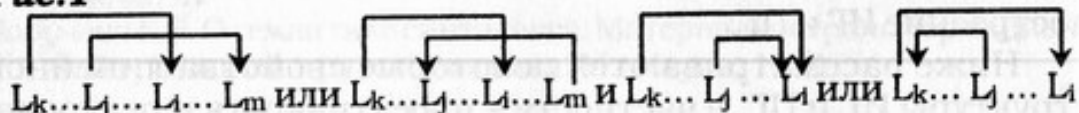
Задача ПСА, была поставлена давно, и существуют ставшие каноническими варианты ее решения для машинного перевода, описанные в [Мельчук 1964, Иорданская 1967, Кулагина 1979]. В них во всех большую роль играет порядок процедур анализа. Ниже обсуждаются возможности организации ПСА, отличной от описанных в [Мельчук 1964, Иорданская 1967, Кулагина 1979, Апресян 1989]. Система строится как много-ступенчатый комплекс модулей с выделенными в отдельный модуль алгоритмами сегментации [Кобзарева 2007]. Анализ на всех уровнях использует свойства сочинительной и подчинительной проективности и рекурсивности линейной структуры русского предложения (S) [Иорданская 1967, Падучева 1971, Кобзарева 2006, Кобзарева 2007]: фильтры для отсеивания ложных гипотез встроены непосредственно в процедуры анализа. Проективность рекурсивных структур подчинительных

и сочинительных [Кобзарева 2004, Кобзарева 2006, Кобзарева 2007] связей играет существенную роль и для построения динамических компонент анализа, и для упорядочения процедур анализа в целом.²

1. Понятие проективного фрагмента

Для организации анализа существенно, что проективность является свойством, производным от порядка слов, связанных отношениями подчинения или сочинения. Известно, что условие проективности графа по Теньеру (при изображении связей в виде дерева) соответствует в стрелочном изображении связей над линейной структурой предложения требованиям непересечения и необрамления [Иорданская 1967], т.е. не должно быть ситуаций типа (L_k – слово, k – его порядковый номер в предложении):

Рис. 1

Таким образом, если границами некоторого отрезка в предложении являются два слова L_k и L_i , связанные отношениями подчинения или сочинения ($L_k R L_i$ или $L_k C L_i$), то в этом отрезке (1) только слова-границы L_k и L_i могут иметь связи со словами, находящимися вне этого отрезка и (2) никакое слово внутри отрезка не может быть хозяином слова-границы. Отрезки, удовлетворяющие этим условиям, будем называть проективными фрагментами (ПФ).

Если внутри ПФ появляется слово, не являющееся непосредственным или опосредованным слугою слова-границы, то – в силу связности графа – оно будет иметь хозяина или слугу вне ПФ, что породит пересечение, или будет хозяином одного из слов-границ, т.е. возникнет обрамление. Таким образом, все слова внутри ПФ являются узлами ветки графа S с вершиною – одной из его границ.

2. Проективные фрагменты определительных именных групп и предложных групп

Объектом рассмотрения являются ПФ определительных именных групп (ИГ) и предложных групп (ПГ), а именно ПФ, границы которых задаются поверхностно-синтаксическими отношениями NRA , где N – существительное или его синтакси-

ческий аналог является хозяином А – полного прилагательного, причастия, местоименного прилагательного, порядкового числительного в необособленном согласованном определении в пре- или постпозиции или обособленном согласованном определении в препозиции и **PRN**, где Р – предлог. При рассмотрении особенностей ПФ этих связей нас будет занимать грамматически правильные для русского языка линейные конфигурации вне зависимости от вероятности их появления в текстах³.

Некоторые важные особенности линейной структуры определительных именных групп, а именно – место распространенного согласованного определения по отношению к определяемому слову, уже обсуждались в [Санников 1963], но это рассмотрение не обладает необходимой для анализа естественных текстов полнотой.

В рамках ПСА эти ПФ можно рассматривать с двух точек зрения.

1. Общий вопрос, определяющий порядок работы с текстом: на каком этапе анализа возможно и удобно с точки зрения общей стратегии ПСА строить эти связи?

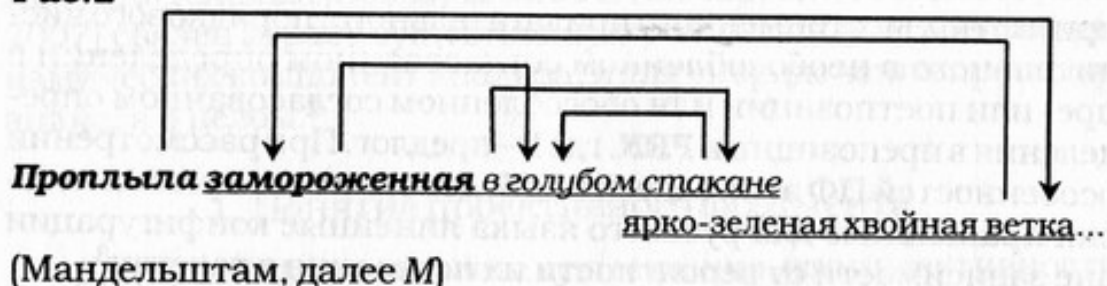
2. Группа вопросов, относящихся к собственно процедуре построения связей, задающих эти ПФ: какие факторы в линейной структуре текста необходимо учитывать при построении ПФ этих групп? Что при построении определяющих их связей порождает потенциальную неоднозначность дешифровки? Какова наилучшая процедура анализа?

3. Построение проективных фрагментов ИГ и ПГ в общей архитектуре системы

Ответ на вопрос о том, на каком этапе лучше строить ПФ определительных ИГ и ПГ, связан с ролевыми особенностями ИГ и ПГ в структуре S.

В тексте мы имеем дело с предикативными словами (или группами связанных слов, выступающими в этой роли) и словами (или, опять-таки, группами связанных между собою слов), выступающими в роли имен актантов этих предикативных слов. При этом в группы, выступающие в качестве имен актантов, могут в свою очередь входить предикативные слова со своими актантами и т.д. Линейная структура манифестирует многоуровневую рекурсивную структуру с предикативными словами и актантами разных уровней связи в графе (Рис.2), где имена актантов выражены чаще всего ветками графа, представленными ПФ именных и предложных групп (ПГ рассматриваются как функциональный синтаксический аналог ИГ):

Рис.2

Пример 1: (см. Рис.2) проективный фрагмент имени субъекта сказуемого **Проплыла** задается синтагматической связью ветка R замороженная, а в него вложен ПФ имени обстоятельства места, заданный связью в R стакане.

Пример 2:

...**раздутая** трюизмами и арифметическими выкладками болтовня о гармонической личности **лезла** отовсюду, как сорная трава. (М)

ПФ субъекта предикативной вершины **лезла** с границами, определенными связью болтовня R **раздутая**, где предикативная вершина согласованного определения **раздутая** распространена двумя сочиненными слугами-ИГ.

Пример 3:

Постигаемые умом, **не данные** зрению линии (Флоренский, далее Ф)

Самая «длинная» связь линии R постигаемые задает ПФ с двумя соподчиненными предикативными вершинами, каждая со своим слугою-ИГ.

Пример.4:

Восвещенной лампой комнате, по пояс обнаженный, он **стоял**, первые портреты в газетах, **растущих в богатой** осадками, **плачущей и кровоточащей** стране, выходили расплывчатыми. (Набоков, далее Н).

В простом предложении с вершиной **стоял** внутри ПГ – ее слуги – появляется предикативная вершина **освещенной**, а в причастном обороте с вершиной **растущих** внутри ИГ – ее слуги – три соподчиненные предикативные вершины, у одной из которых – **богатой** есть ИГ-слуга осадками.

Структура «матрешек» ПФ в примерах 1-4 иллюстрируют возможность рекурсивных вложений, где А – слуги вершин опоясывающих ИГ\ПГ имеют собственных слуг, представленных вложениями проективных фрагментов ИГ\ПГ следующего уровня связей. При этом количество уровней вложений теоретически не ограничено ничем, кроме возможностей оперативной памяти.

При построении ПСА будем исходить из того, что в подавляющем большинстве случаев связи NRA и PRN задают границы ПФ определительных ИГ\ПГ, а слова внутри этих фрагментов могут быть только непосредственными или опосредованными слугами слов-границ, т.е. узлами веток, исходящих из одной из границ. Например, построив ПФ ИГ в предложении Это была могучая по силе интеллектуального характера семья (М)⁴ (Рис.3), мы при дальнейшем анализе связей внутри сегмента можем сначала рассматривать три компоненты (это, была, и вершина ПФ, ограниченного связью семья R могучая), а затем хозяев ПГ=по силе и ИГ=интеллектуального характера искать только внутри ПФ с вершиной семья.

Рис.3

Или, например, в предложении Он мог увлечь чванную, лишенную чувства юмора натуру царя (М) модуль предсегментации строит:

Рис.4

А в модуле внутрисегментного анализа (ВА) внутри ПФ натуру R лишенную достраиваются связи (Рис.5) лишенную R чувства юмора (программная версия ВА, представленная в [Баталина и др. 2006])

Рис.5

Или, например, в предложении На вопрос он издавал странный грудного тембра неопределенный звук, извлеченный из трубы неумелым музыкантом (М) такая последовательность действий облегчает, в частности, поиск хозяина N_{род} (грудного) тембра в препозиции к хозяину звук (программная версия [Баталина и др. 2006]):

Рис. 6

Для определения границ простых-главных, придаточных предложений и деепричастных и прочих обособленных оборотов, т.е. на этапе сегментации предложения, важно уметь определить функции знаков препинания (ЗП) и сочинительных союзов (СС) [Кобзарева 2004, Кобзарева 2005]. Как границы сегментов ЗП и СС разграничивают зоны влияния предикативных вершин сегментов и не являются границами, если сочиняют слова – не вершины сегментов [Кобзарева 2006]. Так как при этом они могут сочинять актанты предикативных слов – вершин, то для анализа сочинения удобно иметь уже построенные ПФ соответствующих ИГ и ПГ. Поэтому после снятия морфологических и морфосинтаксических неоднозначностей модуль предсегментации [Кобзарева 2007] строит связи, определяющие границы ПФ, вершины которых являются предикативными вершинами или именами актантов и которые можно рассматривать как единицы линейной структуры при сегментации: ПФ определительных ИГ и ПГ, конструкций с именами собственными, числами, сложных сказуемых. Их удается строить, используя только морфологические характеристики слов и минимальную грамматическую информацию о грамматическом управлении [Кобзарева и др. 2001, Кобзарева 2007].

Эти связи, в частности, обсуждаемые здесь NRA и PRN, задают границы ПФ, выступающих как единицы текста при сегментации. Внутри этих ПФ при сегментации нам не нужно заглядывать, что часто существенно упрощает линейную структуру.

«Связав» А (построив синтагму NRA в искомым ситуациях), мы исключаем эти А и из числа А, претендующих при дальнейшем анализе на роль вершины сегмента – обособленного согласованного определения – и на роли сказуемого и подлежащего. Из зоны обозрения элиминируются знаки препинания и сочинительные союзы, предикативные слова, номинативы внутри ПФ, которые могли бы быть претендентами на роль подлежащих или сказуемых, существенно разрешается падежная омонимия существительных и омонимия управления предлогов.

На этом этапе не ставится задача построить связный подграф слов внутри ПФ: эта задача решается уже после сегментации в рамках модуля построения всех связей внутри сегмента, причем построенные к этому этапу ПФ используются при определении «зон влияния» хозяев синтагм.

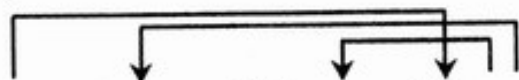
Обособленное согласованное определение с вершиной А (А-оборот) в препозиции к N-хозяину анализируется вместе с необособленными в отличие от обособленного согласованного определения в постпозиции. А-оборот в постпозиции строится, как другие сегменты, при сегментации, так как поиск его границ осложнен теми же проблемами, что и определение границ других сегментов: необходимо учитывать сочинение и \или ситуации разрыва А-оборота вложением других сегментов [Кобзарева 2004]. Например, в отрывке из Набокова А-оборот разорван вложением придаточного:

*...густые, очень темные брови, **составлявшие**, когда он хмурился или внимательно слушал, **одну сплошную черную черту**, но зато распахивающиеся, как легкие крылья, когда редкая улыбка обнажала на миг...*

Для ПФ ИГ в препозиции тоже необходимо, хотя это и встречается очень редко, учитывать возможность его разрыва вложением: *Летящий рысью **маленький**, как мальчик, **темный**, как мулат, **командир** алы-сириец, равняясь с Пилатом, что-то тонко крикнул и выхватил из ножен меч.* (Булгаков, далее Б).

Хотя, вообще говоря, фрагменты ИГ и ПГ могут быть и непроективны, случаи непроективности, встречающиеся, например, в поэтических текстах, такие как на Рис. 7 и 8, и чрезвычайно редкие в обычных прозаических текстах, в настоящей работе не рассматриваются.

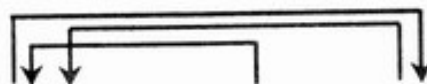
Рис. 7

Ужален небольшою \ Крылатой я змеєю (Державин)

или

Рис. 8

Дай им цену, за которую любили, \ Чтоб за ту же и оплакивали цену (Бродский)

4. Согласование N и А

Необходимым условием построения связи NRA является согласование N и А [Мельчук 1993]. Известно, что помимо нюансов согласования в конструкциях с числительными (два больших \ большие стола, большие \ больших пять мальчиков) и др., для Вин. необходимо учитывать одушевленность N – потенциального хозяина А (в частности, и для ситуаций с сочи-

нением, когда возможен случай отсутствия согласования по числу): Вин п. есть у двух форм А – формы, омонимичной Род. п. и омонимичной Им.п., так как у Нодуш м.р. ед. и Нодуш мн. совпадают формы Вин. и Род. (*вижу маленького мальчика \ маленьких девочек \ маленького мальчика и девочку \ маленького и большого мальчиков*), а у Ннеодуш м.р. в ед. ч. и Ннеодуш мн. совпадают Вин. и Им. (*вижу большой стол \ большие стол и стул \ большой и маленький столы \ маленькие чашки*).

Это существенно, например, при анализе цепочек $N_j A_k N_l$: если N_j и N_l – м.р., то в цепочке $N_j A_k N_l$ в ситуации *журнал_{им\вин} \ вин старый_{им\вин} \ вин мальчика_{род\вин} не занимал или девочек_{род\вин} \ вин маленьких_{род\вин} \ вин журналы_{им\вин} \ вин не занимали* для предупреждения построения ложных связей *мальчика_{род\вин} R старый_{им\вин} \ вин и журналы_{им\вин} \ вин R маленьких_{род\вин} \ вин*: А согласовано с Нодуш м.р. ед. и Нодуш мн. ч. тогда и только тогда, если в пересечение, кроме Вин, входит Род.п., а в пересечение падежей с Ннеодуш м.р. ед. и Ннеодуш мн. должен входить, кроме Вин, еще и Им.п.⁵

Ниже будут рассмотрены различные особенности линейной структуры, в силу которых согласование N и A является условием необходимым, но не достаточным для констатации связи N R A. В частности, для обычной структуры, когда потенциально распространенный A_k (один или цепочка соподчиненных) находится в препозиции к N_k – хозяину.

5. Рекурсивная структура ИГ и ПГ

Вершина ИГ (не «вырожденного» случая ИГ, когда у N нет А-слуг) может быть слугой предлога, при этом вся ИГ с вершиной – слугою предлога – оказывается внутри ПФ предложной группы. Внутри этой ИГ могут появиться ПФ как ПГ – слуг А, так и ИГ – слуг этого же А. Кроме того, появление любого слуги А провоцирует появление его слуг ИГ\ПГ. Появление каждой новой ИГ с А-слугою создает предпосылки появления новых вложений ИГ\ПГ – непосредственных или опосредованных слуг А. Так, у А может появиться слуга – инфинитив. Кроме того, появление каждого нового N_l внутри ПФ всегда означает возможность появления его слуг – N_j в слабоуправляемом Род.п. и, если N_l имеет валентности, в требуемых этими валентностями падежах.

Таким образом, при появлении А всегда вероятна матрица.

(1) *Близкое присутствие моря за окном томилло его, словно это огром-*

ное, липко-блестящее, лунной перепонкой стянутое пространство, которое он угадывал... (Н)

(2) Он вносит посторонние, чуждые этому духовному началу, черты (Ф)

(3) Много прохожих поглядывало с завистью на высокого гончара, который медленными шагами шел за своим товаром, заботливо окутывая глиняных своих щеголей ненавистным для них сеном (М)

Проблемы, инициируемые появлением «матрешки» – вложений ИГ и ПГ и ПГ в ИГ возникают, так как А – слуга ИГ в позиции к N – может иметь слуг (любых, так как появление любого слуги может инициировать появление слуг следующего уровня вложений).

Анализ рекурсивных структур ИГ и ПГ представляет собою некоторый комплекс проблем, которые удобно решать одновременно.

В каждом очередном вложении ИГ (без Р – хозяина или же слуги Р) с А – слугою потенциально содержится отпредикативная ветка графа, в линейной структуре которой могут появляться все новые и новые вложения ИГ и ПГ. В (4) Лежащий на ложе в грозовом полумраке прокуратор сам наливал себе вино в чашу... (Б) – два параллельных – на одном уровне вложения, а в предложении Набокова Измяв и отбросив последнюю газету, все высосав, все узнав, сжигаемый неотвязным зудом, желанием принять мне одному понятные меры, я сел за стол и начал писать способность А=сжигаемый управлять Тв.п. порождает вложение между ним и его хозяином N=я двух сочиненных ИГ, одно из которых – желание – может управлять инфинитивом, а появившийся инфинитив в свою очередь инициирует появление между ним и вершиной ПФ, ограниченного отношением я R сжигаемый двух вложенных ИГ – слуг этого инфинитива: мне одному и понятные меры. На этапе предсегментации будет построена матрешка ПФ:

Рис.9

6. Рекурсивная процедура анализа матрешек ИГ и ПГ

Если N является слугою предлога (Р), то возникает возможность вложений ИГ и ПГ между Р и N, его слугою.

Как обсуждалось в [Кобзарева 1004], сегментная структура русского предложения в письменном тексте, не являющемся записью устной речи или ее имитацией, проективна и рекурсивна. Как показано в [Кобзарева 2004, Кобзарева 2007], в ситуациях, когда мы анализируем «матрешку», где однотипные линейные структуры вложены друг в друга и отправной точкой построения каждой структуры является ее минимальная левая составляющая, анализ удобно вести справа налево, так как при этом мы начинаем анализ каждой матрешки с самого глубокого вложения.

При анализе ИГ и ПГ ситуация почти аналогична. Опорными элементами построения ИГ служат А, а исходными словами при построении ПГ – предлоги.

Необособленные согласованные А чаще всего находятся слева от N-хозяина, справа необособленными могут быть только нераспространенные А. Предлог обычно стоит слева от его слуги N⁶ (в постпозиции к существительному-слуге может появиться только предлог **ради (Бога ради)**). В силу сказанного, анализ ИГ и ПГ естественно начинать с поиска левой (по порядку следования в S) составляющей – А (А: полное прилагательное, причастие, местоименное прилагательное, порядковое числительное) и Р (предлог).

Структура ИГ и ПГ рекурсивна, и в принципе количество и глубина вложений заранее не определены. Оптимальной является процедура анализа, когда мы, двигаясь справа налево по тексту, анализируем последовательно справа налево все А и Р, находя для каждого очередного А и Р соответственно хозяина или слугу. При таком порядке анализа мы, если вложений несколько, анализируем каждую матрешку, начиная с самого глубокого вложения, и постепенно укрупняем строимый проективный фрагмент.

При итерации поиска для каждого очередного справа налево А или р соответственно хозяина или слуги используется один и тот же набор линейных конфигураций, разложенных для минимизации проверок на группы признаков ситуаций.

На Рис. 10 – условная схема фрагмента работы с предложением *Олицетворение пассивной и обреченной на всяческую пассивность мысли* (Ф) при построении ИГ и ПГ в ситуации, когда хозяин А находится справа.

Рис.10

Шаги анализа при поиске хозяина справа: 1. поиск хозяина $A=$ всяческую; 2. поиск слуги $P=$ на; 3. поиск хозяина $A=$ обреченной (на всяческую пассивность из рассмотрения уже исключается); 4. поиск хозяина $A=$ пассивной (обреченной на всяческую пассивность из рассмотрения при этом исключено). Каждый цикл анализа – итерация поиска для контекстной ситуации соответствующей базисной ситуации по соответствующим правилам.

В результате или строится соответствующая синтагма с учетом возможной неоднозначности, вытекающей или из морфологической неоднозначности, или из потенциальной неоднозначности линейной конфигурации, или констатируется, что у A есть или отсутствует N -хозяин справа, и при любом из этих результатов начинается поиск хозяина слева (если хозяин справа есть, возможна ситуация синтаксической омонимии).

Проективность фрагментов позволяет, как только ПФ построен, при анализе очередного следующего справа налево A или P исключить очередной построенный ПФ из рассмотрения, для ПГ – вместе с его границами, а для ИГ – все слова ПФ, кроме N -хозяина, тем самым уменьшив, и иногда существенно, зону анализа на очередном этапе.

7. Основные типы структур линейной конфигурации ПФ

Позиция в линейной структуре по отношению к потенциальному хозяину.

1. A необособленное в препозиции. Самая длинная связь с самым левым A потенциальной матрешки ограничивает фрагмент с несколькими соподчиненными и сочиненными между собою A – слугами одного и того же N : *Считалось, что это нелепая, истерическая, суеверная, сверхподозрительная, и чем-то привлекательная мать внушила сыну боязнь ада, которая терзала его всю жизнь* (N)

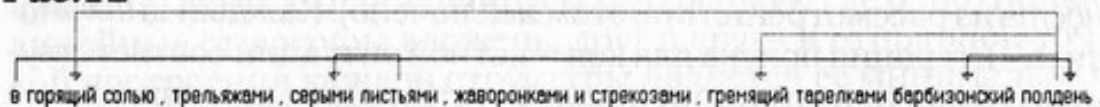
Рис. 11

При этом при каждой итерации процедуры анализа, т.е. при анализе каждого очередного A строится очередной ПФ, ограничивающий зону с собственными актантами, выраженными вложенными ПФ (Рис. 12).

Воздух, уксус и солнце уминались с зелеными тряпками в горячий солью, трельяжами, серыми листьями, жаворонками и стрекозами, гремящий тарелками барбизонский полдень (М).

Рис. 12

2. А в обособленном обороте в препозиции (Рис. 13, 14).

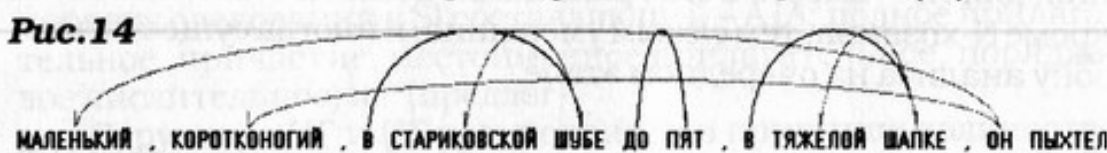
Неизбалованный такими желаниями, я отвечал умиленным согласием, и было решено, что он зайдет ко мне в гостиницу (Н)

Рис. 13

Маленький, коротконогий, в стариковской шубе до пят, в тяжелой шапке, он пытел, пока его не освободили от жарких бобров, и тогда сел на диван, протянув ножки, как ребенок (М)

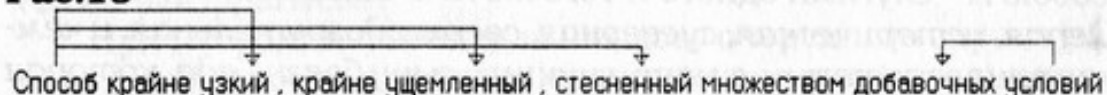
Рис. 14

3. Постпозиция без обособления: А стоит справа от Н (Рис. 15, 16).

Способ крайне узкий, крайне ущемленный, стесненный множеством добавочных условий, которыми определяется его возможность и границы применения (Ф)

Рис. 15

Он не слышал и, совершенно потерявшись, совершенно еще не сознавая происшедшего, а только стремясь отойти от чего-то стыдного, гнусного, нестерпимого, подвинулся к столику, где продавались билеты, вдруг повернул вспять и, очутившись у гардероба, протянул свой жетон (М)

Рис. 16

Процедура организована так, что могут быть построены ИГ и ПГ любых грамматически допустимых комбинаций исходных линейных конфигураций.

8. Некоторые проблемы поиска N-хозяина для A-согласованного определения в препозиции

Необходимое условие: справа от A есть N – потенциальный хозяин этого A.

Рассмотрим некоторые особенности анализа определительных конструкций с необособленным A в препозиции, когда справа от A найден N – потенциальный хозяин этого A: A ... N.

Один из распространенных вариантов такой ситуации (в силу регулярной омонимии Род. и Вин.): A и N – потенциальный хозяин – согласуются одновременно по Род. и Вин: **рисующего сына**. Между A и его потенциальным хозяином могут находиться N – слуги этого A, но, так как управление несильное, т.е. заполнение объектной валентности **рисующего** необязательно, то N может быть проинтерпретировано и как хозяин (вар. 1: **сына R рисующего**), и как слуга A (вар. 2: **рисующего R сына**).

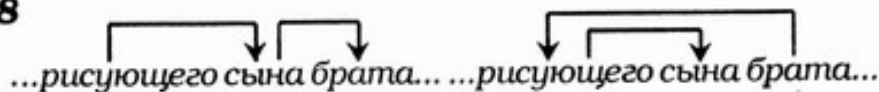
Если правее есть еще одно N подходящее на роль хозяина (в данном случае – в Вин. \ Род), для Вар. 1 возникает интерпретация (Рис. 17)

Рис. 17

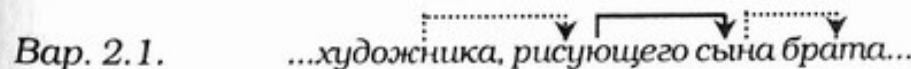
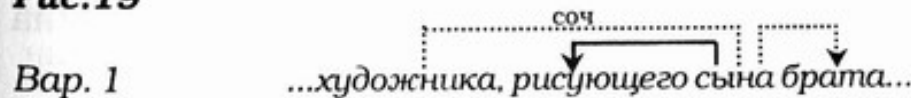
Вар. 2 позволяет построить два разных графа (Рис. 18):

Рис. 18

Если слева от A есть запятая, а левее этой запятой стоит еще одно N, согласующееся с A, то соответственно нужно зарезервировать возможность построения трех вариантов (Рис. 19)

Рис. 19

При этом для Вар. 1 и 3 анализ на данном этапе закончен, а для Вар. 2 нужно предусмотреть возможность появления линейной конфигурации, порождающей две интерпретации связей (Рис. 20):

Рис. 20

Вар. 2.2.

....художника, рисующего сына брата друга...

Вар. 2.3.

....художника, рисующего сына брата друга...

Вар. 2.2. предполагает очередной цикл поиска правее еще одного потенциального слуги \ хозяина А. Анализ будет закончен, как только окажется, что очередного такого N правее нет.

Мы видим, что при поиске хозяина справа от А неоднозначности может порождать (1) необязательность заполнения валентности А в совокупности с (2) возможностью совпадения падежей, по которым А и N согласуются, с падежами N, которыми А может управлять.

Неоднозначности такого типа могут возникать не только для Род \ Вин., но во всех случаях, когда падеж потенциального слуги А совпадает с падежом, общим у А и его потенциального хозяина. Во всех подобных случаях при анализе необходимо расширение контекста: *...любующимся сыном...: (...наблюдал за) отцом, любующимся сыном... \ (...наблюдал за) отцом, любующимся сыном братом...*

Эту и еще одну важную проблему анализа ИГ иллюстрирует предложение *Перед ним был дуб, почти засохший этим летом, усыпанный **изъеденными гусеницами** молодыми побегами куст сирени, старая, завалившаяся кое-где и поломанная зимними ветрами изгородь, поросшая мхом* (Л.Н.Толстой). В ПФ *усыпанный **изъеденными гусеницами** молодыми побегами куст* (Рис.21) есть вложенная «матрешка» ***изъеденными гусеницами** молодыми побегами*. В ней *гусеницами* подходит и на роль слуги, и на роль хозяина причастия *изъеденными*, и только наличие второго претендента на роль хозяина – *побегами* – позволяет нам утверждать, что первый претендент на самом деле не хозяин, а слуга⁷.

Рис. 21

УСЫПА́ННЫЙ ИЗЪЕДЕ́ННЫМИ ГУСЕ́НИЦАМИ МОЛО́ДЫМИ ПОБЕГА́МИ КУСТ

Это предложение интересно еще и классическим случаем неоднозначности при интерпретации интерпозиции обособленного оборота *почти засохший этим летом*, причем стоящего не непосредственно перед потенциальным хозяином справа, а перед довольно длинным ПФ ИГ. Это распространенное определение можно интерпретировать и как обособленное

определение к *дуб* (R *засохший*) и как необособленное или обособленное (запятая после *летом* может быть проинтерпретирована и как правая граница обособленного определительного оборота, и как оператор сочинения *засохший* и *усыпанный*) пространственное определение в препозиции к *куст* (R *засохший*). В последнем случае запятая после *дуб* сочиняет *дуб* и *куст* и, если считать, что определение *почти засохший этим летом* обособлено, является еще и левой его границей.

Управление А практически всегда несильное, но возможность появления у А слуг нужно учитывать всегда, так как ни для какого А нельзя утверждать, что у него не может появиться слабоуправляемый слуга.

9. Ограничение зоны поиска N – хозяина А и N – слуги Р

8.1. Так как на этом этапе мы ставим задачу построить связи, определяющие границы проективной матрицы, границы поиска хозяина А – те части речи и знаки препинания, которые не могут находиться внутри такого ПФ, так как их появление там потенциально ведет к нарушению проективности.

К таким «нарушителям» проективности относятся любые вершины сегментов – сказуемые: глаголы в личной форме, краткие А, деепричастия, А – вершины обособленных оборотов, подчинительные союзы, свободные⁸ N (полнозначные и местоимения) в неомонимичном Им.п. и т.д.

8.2. Если при таких границах поиска мы не находим N, согласующегося с А, нужно учесть ситуацию возможного вложения в ПФ сегмента – в настоящее время алгоритм учитывает возможность вложения обособленных оборотов с **как** (*Летящий рысью маленький, как мальчик, темный, как мулат, командир алы-сириец, равняясь с Пилатом, что-то тонко крикнул и выхватил из ножен меч (Б.)*) и **хотя** (*Но какое оскорбление – северная, хотя и грамотная, речь раввина (М)*)

8.3. Не является границей поиска хозяина запятая непосредственно перед N- хозяином необособленного А. В-первых, из-за возможного обособления в препозиции перед местоименным существительным (Рис.22):

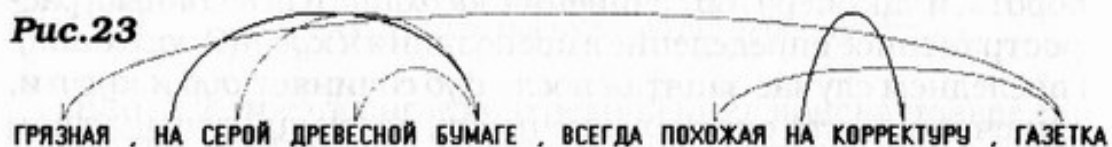
Изменяя и отбросив последнюю газету, все высосав, все узнав, сжигаемый неотвязным зудом, желанием принять мне одному понятные меры, я сел за стол и начал писать (Н)

Рис.22

Или же перед полнозначным существительным (Рис.23):
Грязная, на серой древесной бумаге, всегда похожая на корректуру, газетка...(М)

Рис.23

Но возможны и другие причины появления запятой непосредственно слева от N-вершины ИГ, например, у П.Флоренского:

Он вносит посторонние, чуждые этому духовному началу, черты.

Запятая непосредственно перед N может быть проинтерпретирована и как результат обособления уточняющего A=посторонние оборота.

10. Заключение

Рассмотрены линейные особенности проективных фрагментов ИГ и ПГ и механизмы их построения, работающие как фильтры проективности в процессе анализа, и некоторые свойства их линейной структуры, которые необходимо учитывать, чтобы строить ПФ ИГ и ПГ любых линейно-комбинаторных конфигураций.

Показано, что потенциально рекурсивные структуры ПФ ИГ и ПГ удобно строить, обрабатывая A и P в предложении справа налево, начиная с конца предложения. При этом анализ каждой матрешки проективных фрагментов начинается с самого глубокого вложения.

Рассмотренная модель использует сравнительно небольшой исходный набор возможных линейных конфигураций. Исключая при каждой очередной итерации процедуры анализа уже построенные ПФ, она дает возможность рассматривать самые разные их линейные комбинации, возникающие в тексте.

Такой способ организации анализа потенциально рекурсивных структур удобен в русском предложении при анализе синтаксических структур всех уровней (ср. [Кобзарева 2004])

Примечания

¹ Работа подготовлена при частичной поддержке гранта РФФИ №03-06-80434.

- 2 Система ориентирована на анализ любых неэллиптических русских предложений, не являющихся записью или имитацией устной речи.
- 3 В процессе отладки программных реализаций алгоритмов возник небольшой, но представительный корпус примеров из прозы Мандельштама, Набокова, Булгакова и др., подтверждающих необходимость рассмотрения излагаемых проблем для возможности работы с естественным текстом.
- 4 Приводятся в графическом виде примеры результатов анализа: с круглыми стрелками (кроме двух примеров со ссылкой на [Баталина и др. 2006]) – из частичной программной реализации системы [Ножов 2003], с квадратными ломаными стрелками связей – из дипломной работы студента ф-та Прикладной математики МАИ Пашковского П.В.
- 5 Можно считать, что у А есть Вин.одуш., совпадающий с Им., и Вин.неодуш., совпадающий с Род., но при любом представлении для Вин.п. нужна проверка одушевленности у потенциального хозяина.
- 6 Он может иметь слугу, общего с сочиненным с ним предлогом (до и после работы), или – при эллипсисе – не иметь слуги справа (*Вам с сиропом или без?*).
- 7 В ответ на вероятное возражение, что спасти в таких ситуациях может семантика, хочется отметить, что нельзя утверждать, что невозможен контекст, где *гусеницы м.б. изъеденными*.
- 8 Здесь важно, чтобы N в Им.п., которые не могут претендовать на роль подлежащего или сказуемого, были к этому моменту анализа уже обработаны, что в системе обеспечивают алгоритмы построения конструкций с именами собственными, числами и т.д.

Литература

- Апресян 1989 – Лингвистическое обеспечение системы Этап-2 / Апресян Ю.Д., Богуславский И.М., Иомдин Д.Л., Лазурский А.В., Перцов Н.В., Санников В.З., Цинман Л.Л. М.: Наука, 1989.
- Баталина А.М. и др. Опыт экспериментальной реализации алгоритмов поверхностно-синтаксического анализа / Баталина А.М., Епифанов М.Е., Кобзарева Т.Ю., Кушнарёва Е.В., Лахути Д.Г. // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии, Труды Международной конференции «Диалог 2006» (Бекасово, 31 мая – 4 июня 2006 г.) М.: Наука, 2006. С. 51-56.
- Иорданская Л.Н. Автоматический синтаксический анализ. 1961. Т.2. Межсегментный синтаксический анализ. Новосибирск: Наука, 1967.
- Кобзарева Т.Ю., Лахути Д.Г., Ножов И.М. Модель сегментации русского предложения // Труды Международной конференции «Диалог 2001». Аксаково, 2001. т.2. С.185-194.

- Кобзарева Т.Ю. Некоторые аспекты анализа сочинения при сегментации русского предложения // КИИ'2002. Труды восьмой национальной конференции по искусственному интеллекту с международным участием. М.: Физматлит, 2002. Т. 1. С. 192-198.
- Кобзарева Т.Ю. Принципы сегментационного анализа русского предложения // Московский лингвистический журнал М., 2004. Т. 8 №1. С. 31-80.
- Кобзарева Т.Ю. Омонимия и синонимия знаков препинания в русском тексте // Труды Международной конференции «Диалог'2005». М.: Наука, 2006. С. 233-237.
- Кобзарева Т.Ю. Рекурсивность и проективность сочинительных связей в русском тексте // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии Труды Международной конференции «Диалог 2006» (Бекасово, 31 мая – 4 июня 2006 г.). М.: Наука, 2006. С. 223-229.
- Кобзарева Т.Ю. Иерархия задач поверхностно-синтаксического анализа русского предложения // НТИ. Сер.2. 2007. № 1. С 23-35.
- Кулагина О.С. Исследования по машинному переводу. М.: Наука, 1979.
- Мельчук И.А. Автоматический синтаксический анализ. 1964. Том 1. Общие принципы. Внутрисегментный синтаксический анализ. Новосибирск. 1964.
- Мельчук И.А. Согласование, управление, конгруэнтность // ВЯ. 1993. №5. С. 17-57.
- Ножов И.М. Процессор синтаксической сегментации русского предложения. // НТИ. Сер. 2. 2003. № 11. С. 26-37.
- Падучева Е.В. О порядке слов в предложениях с сочинением: сочинительная проективность // НТИ. Сер. 2. 1971. №3. С. 14-18.
- Санников В.З. Место распространенного определения по отношению к определяемому слову в русской фразе // ВЯ. 1963. №1. С. 124-130.

Об использовании семантических отношений для описания изображений

Формальный аппарат, который используется в семантических исследованиях, часто основывается на отношениях вида R(A B). Такие отношения были предложены Н.Н. Леонтьевой для записи информации, содержащейся в тексте, например, **локализация (стена, картина) – картина находится (висит) на стене** [Леонтьева 1967], раньше, чем они стали использоваться в лингвистических моделях для представления семантики, в частности, основанных на глубинных падежах. Работа Филлмора, открывшая для западной лингвистики глубинные падежи [Fillmore 1968], появилась годом позже. Глубинные падежи Филлмора описывали падежную рамку глагола, например, **actor (John, break), theme (window, break) – John breaks the window**, т.е. семантическим действующим лицом глагола *break* является *John*, а объектом – *window*. Таким образом, семантические отношения (СО) могут представлять и отношения конкретных предметных областей, в которых им придается точный смысл, в частности, в области лингвистики, и разнообразные отношения, обозначенные словами, представляющими понятия, свойственные им в языке, при использовании для описания информации текста [Леонтьева 2006].

В данной статье рассматривается задача создания формализованных описаний содержания изображений с использованием СО, в частности, фотографий открытого пространства, например, пейзаж, городской вид, жанровая сцена на открытом воздухе, а также способы реализации этих отношений в тексте на русском языке в задаче автоматической генерации текстов. Статья продолжает тему, представленную в [Соколова, Болдасов 2006]. Описание изображения – ситуация наиболее тесной связи текста и предметного мира. Формализованное описание содержания изображения рассматривается как альтернатива текстовым описаниям, выполненным людьми, которыми могут сопровождаться изображения в коллекциях изображений.

1. Формализованное представление содержания изображения

Опыт показывает, что тексты описаний одного изображения, сделанные разными людьми, могут сильно различаться, даже если они представляют собой почти перечисление изображенных объектов, сравним, например, два описания одной фотографии, приведенные в [Добров и др. 2000]:

(1) *Ярко-синее небо, ветки с маленькими листочками, верхняя часть храма белого цвета с зеленым куполом.*

(2) *Башня с шатрового типа зеленым шпилем на фоне очень синего неба. Наверху что-то типа герба. Здание покрашено в розовый цвет с белой отделкой.*

Едва ли человек или тезаурус [Добров и др. 2000] или модель лингвистического анализа с перифразированием [Eteljanov et al. 2000] могут отождествить эти описания с одним и тем же изображением.

При интерпретации текстового описания картинки можно получить описание в терминах СО, например, для текста: *На фотографии изображен дом с тремя окнами. Рядом с домом – машина, может быть получено следующее описание:*

актант (фотография, изображать)

объект (дом, изображать)

количество (три, окно)

часть ((количество (три, окно)), дом))

рядом_с (машина, дом)

Достоинство этого представления состоит в том, что его легко получить и можно дальше интерпретировать, производя некоторые выводы [Леонтьева 2006]. Существенный недостаток состоит в том, что его можно получить только из текста, описывающего изображение, а не из самого изображения.

Можно было бы регламентировать процесс описания, но более интересной и радикальной является задача получения формализованного описания непосредственно из самого изображения. Такая возможность появляется, когда формализованное представление содержания изображения, пока только в идеале, получается как результат работы с изображением другой компьютерной системы, например, системы распознавания образов. В нашем случае это виртуальная, идеализированная система распознавания образов, обладающая знаниями, результат работы которой формулируется человеком. Назовем ее «распознаватель». Далее следует помнить, что мы забегаем вперед, и моделируя результат действий этого, пока

не существующего, распознавателя, пытаемся предвидеть, каким может быть формализованное представление содержания изображения, построенное им.

Распознаватель выделяет во внутрикомпьютерном представлении изображения – матрице пикселей, объекты и может фиксировать их взаимное расположение. Для распознавания объектов нужны знания. Это можно показать, в частности, на следующем примере. Каждый объект занимает некоторую поверхность фотографии, и те объекты, которые находятся ближе к наблюдателю, могут частично закрывать те, которые находятся дальше. Однако тот факт, что часть поверхности, занятая солнцем, закрывает на изображении участок неба, не означает, что солнце находится ближе к наблюдателю, чем небо. Таким образом, представление должно отражать не только особенности зрительного восприятия человека, но и его знания о мире. Далее рассматривается только зрительно воспринимаемая информация. Таковой не является, например, информация о том, что конкретного изображенного человека зовут Марк Шагал [Hollink et al. 2003], но эта информация может добавляться в представление из других источников знаний, например, из базы данных по художникам. В частности, в рассматриваемом материале – коллекции цветных фотографий, сделанных в начале прошлого века С.М. Прокудиным-Горским [Мир 1900-1917 в цвете], фотографиям часто сопутствует название населенного пункта или района, представленного на фотографии, род занятий изображенного человека и др. Для части этих фотографий студентами 4-го курса РГГУ были созданы текстовые описания и формализованные представления содержания изображений, которые послужили непосредственным материалом данного исследования.

В изображении распознаватель прежде всего распознает объекты и их свойства. Они описываются в виде XML представления, в котором все изображение представлено в виде дерева составляющих, а каждый объект представляется в виде узла этого дерева. От узла зависят его свойства и узлы, представляющие связанные с ним более мелкие объекты. Распознаватель устанавливает между объектами отношения двух типов: отношения **вложения** – вложение поверхности изображения, представляющей один объект (вложенный объект), в границы фрагмента изображения, представляющего другой объект (объемлющий объект), и **пространственные отношения** – ориентация объекта относительно границ изображения и других изображенных объектов. Распознаватель, как и наше зрение группирует признаки объектов, например, одинаковую направленность, цвет, и т.п., собирая их в единый фрагмент

изображения, соответствующий образу объекта. Кроме того, распознаватель группирует объекты так, как это сделал бы описывающий содержание фотографии человек. Формируются групповые объекты двух типов – <группа> однородных объектов, образующих общий фрагмент поверхности фотографии, например, семья, позирующая перед объективом, и <план>, объединяющий объекты, находящиеся приблизительно на равном расстоянии от наблюдателя, т.е. приблизительно на одной горизонтальной линии фона, хотя и не образующие общей поверхности, например: *На фотографии изображен ясный зимний день. [На первом плане мы видим детей, которые играют в снежки на большой лужайке.] (план 1) [На заднем плане – лес.] (план 2).*

Чтобы записать знания о постоянных свойствах и отношениях между объектами, а также избежать произвола в языковом выражении объектов и отношений, предполагается наличие специального ресурса – онтологии, содержащей, в частности, информацию об объектах и их назывании на русском и, возможно, других, языках. В онтологиях описываются совокупности понятий (концептуализации), представленные словами языка (значения) или понятиями конкретной области знания, между которыми устанавливаются отношения, свойственные данной совокупности понятий. Например, для онтологии лексических значений это отношения синонимии, гипо-гиперонимии, меронимии, и др., см., например, крупнейшую лексико-семантическую базу английского языка WordNet [Miller 1995].

Задача описания содержания фотографий открытого пространства не связана с узкой предметной областью, поэтому онтология должна содержать в основном понятия представленные значениями слов общеязыкового пласта лексики, но при этом она ограничена представлением конкретного аспекта восприятия мира – зрительного восприятия. Само понятие в онтологии может обозначаться словом и описываться как зрительный образ с указанием специальных сведений в терминах распознавания образов – характеристики контуров, текстуры, цвета и т.п. Кроме того, должны указываться зрительные признаки объекта, которые частично присутствуют в лингвистических описаниях, например, «вытянутый в длину пространственный объект – часть земли» (с текстурой земли, асфальта – *дорога*, с текстурой воды – *река, канал*). Зрительные признаки не обеспечивают решения задачи распознавания объекта, например, дорога на изображении может выглядеть как часть фона внизу фотографии, где ее протяженность не видна, но они определяют семантические типы объектов, которые формируются семантикой культуры и языка и отобража-

ются в языке. Мы не будем обсуждать возможности автоматического распознавания объектов на изображении в терминах этих двух видов признаков, считая, что для нашей задачи объекты опознаются человеком.

Композиция изображения описывается отношением вложения. Оно устанавливается между объектом <фото> и структурными элементами <план>, <группа>, а также между <объект>ами. Отношение вложения между объектами семантически неоднородно, поэтому в тексте оно выражается по-разному, в зависимости от семантики узлов объектов. В частности, и *окна* находятся на фрагменте поверхности фотографии, занятой *домом*, и *солнце* находится на поверхности, занятой *небом*. Но мы говорим *на небе находится солнце*, и не говорим **на доме находятся окна*. Семантическое различие интерпретации отношения вложения в данном случае состоит в том, что *солнце* является самостоятельным объектом по отношению к *небу*, хотя и связано с ним ассоциативно, а *окна* являются частью *дома* по определению. Таким образом, при отображении в текст отношения вложения должны быть интерпретированы с помощью онтологии.

На рис. 1 показан пример формализованного представления, в котором **окно вложено** в понятие **дом**, а понятия **небо** и **солнце** представлены как одноуровневые объекты. Между ними установлено отношение локализации, которое также является интерпретацией отношения вложения. Пространственные отношения представления помещены в специально созданную для этого отдельную составляющую <СО>.:

Рис. 1. Формализованное представление содержания изображения, которое может быть выражено, например, следующим текстом: «На первом плане мы видим дом. За ним – синее небо и солнце»

```
<фото id=«фото1»>
  <план id=«план1»>
    <объект понятие=«дом» id=«house1»>
      <объект понятие=«окно» id=«window1» />
    </объект>
  </план>
  <план id=«план2»>
    <объект понятие=«небо» id=«sky1»>
      <свойство понятие=«синий» параметр=«цвет» />
    </объект>
    <объект понятие=«солнце» id=«sun1» />
  </план>
  <СО>
    <СО type=«локализация» domain=«sky1» range=«sun1» />
  </СО>
</фото>
```

2. Выражение формализованного представления изображения средствами русского языка

Теперь рассмотрим возможности выражения формализованных описаний содержания изображений в виде текстов на русском языке. Прежде всего надо определить последовательность изложения, т.е. порядок упоминания объектов в тексте. Мы принимаем принцип планирования текста «от общего к частному», характерный для текстов типа отчет [Иорданская 1992]. Таким образом, структура текста определяется композицией изображения или структурой самого формализованного представления, просматриваемого в определенном порядке – от самого общего понятия <фото> до самых мелких деталей объектов. Стратегия «от общего к частному» рассматривается как нейтральная. В конкретных задачах могут использоваться другие стратегии. В частности, если пользователь заинтересован в конкретном объекте, могут описываться свойства и окружение только этого объекта. Дробность описаний в тексте зависит от конкретной задачи и характера изображения.

Относительно каждого объекта мы можем знать его онтологические свойства и отношения с другими объектами, а также зрительные свойства этого объекта на изображении – цвет, текстура, форма и др. Сопоставление объекту его языкового выражения основывается на образе объекта, представленном словом русского языка с учетом ограничений или признаков понятия. Ограничения неформально описываются в словарях, например, в словарных статьях «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка» [Новый объяснительный словарь 1997], в котором понятие ДОМ 1 может быть выражено одним из следующих слов: *дом, здание, строение, постройка, корпус*, с учетом следующих признаков:

- размер, например, *здание* – большое;
- материал; например, *здание* – каменное, а *постройка* – деревянная;
- функциональность, например, *дом* – жилой, *постройка* – хозяйственная;
- изолированность, например, *постройка* – изолированная, *корпус* – один из ряда;
- время, например, *корпус* – современный.

Итак, каждый объект, представленный на изображении, может быть назван существительным русского языка или целой именной группой, включающей вложенные объекты. Но для построения предложений текста нужны не только существительные, но и глаголы – будущие сказуемые. В нашем слу-

чае они должны получаться в результате интерпретации отношений между объектами. Ниже мы подробно рассматриваем эти отношения.

Текст описания открытого пространства может начинаться с общей характеристики изображенного места, представленной следующими типами:

1. обобщения изображенных объектов до типа местности, например, *На картинке изображен горный пейзаж (городской вид)*; *Это фотография городской улицы*;

2. состояния погоды: *На картинке показан летний день после грозы*. Глагол *показан* употребляется только для представления состояния погоды.

3. указания точного названия местности, например, *На фотографии запечатлены Елисейские поля*;

4. указания места съемки: *Фотография сделана с возвышенного места, вероятно, крыши дома, (из окна высотного дома, с дома)*;

5. общей художественной характеристики изображения: *Фотография сделана в теплых желто-зеленых тонах*, эта характеристика может комбинироваться с другими: *Фотография в темных тонах, сделана с моста*.

Перечисленные возможности связаны с обобщением состава объектов или использованием дополнительной, не зрительной информации. Возможность формализованных построений таких обобщений – тема отдельного исследования.

Рассмотрим возможности прямого, без обобщений, выражения отношений из рассмотренного материала средствами русского языка.

2.1. Выражение отношения «вложение»

Рассмотрим сначала отношение вложения между понятиями с семантикой «носитель информации» и <объект>. Семантику «носитель информации» имеет само понятие <фото> и структурные элементы описания <план>. Текст описания содержания фотографии обычно начинается с отношения между объектом <фото> и представленными на ней объектами <объект>, прямо или косвенно вложенными в него. Поскольку фотография – это единственное, что дано человеку или системе генерации перед созданием текста, оно находится в фокусе внимания автора и является темой первого предложения. Тема может быть выражена подлежащим или обстоятельством места, помещенным в начальную позицию. Обстоятельство выражается предлож-

ной группой с предлогом «на». Выбор предлога определяется тем, что <фото> и <план> концептуализируются как плоскости. В русском языке роль объекта, концептуализированного как плоскость, и являющегося местоположением другого объекта, выражается предлогом «на», аналогичная роль объекта, не воспринимающегося как плоскость, выражается предлогом «в»¹. Этот признак не является чисто лексическим, а зависит от семантики употребления слова, в частности, *на небе солнце* (небо – плоское) vs. *в небе (летит) самолет* (небо не плоское).

Рассмотрим реализацию отношения **вложение (объект, фото)**. В нашем маленьком корпусе описаний не встретилось выражение понятия <фото> подлежащим, например, *Фотография изображает (объекты)*, а только тематизацией обстоятельства места: *На фотографии изображены (объекты)*. Отношение вложения между фотографией и объектом не выражается глаголами *запечатлен, показан*, которые используются только для характеристики содержания фотографии в целом (см. выше). Не встретилось также *представлен*, хотя интуитивно кажется возможным. Рассматриваемое отношение выражается в наших примерах тремя способами:

а) пассивной формой глагола изображения (*изображен*), подлежащим которого является изображенный объект, а обстоятельством места – <фото>. С учетом тематизации понятия <фото> используется предложение с инверсией подлежащего: *На фотографии изображены (объекты)*. Эта форма является наиболее употребительной;

б) глаголом зрительного восприятия с позиции наблюдателя с обстоятельством места в обобщенно-личном предложении: *На фотографии мы видим (объекты)*.

в) нулевой связкой, семантика которой соответствует семантике реализаций **а)** и **б)**. У этого способа есть ограничение: в качестве изображаемого называется объект, представляющий большую часть фона изображения, например, *На фотографии пересечение двух больших городских улиц*; *На картине река, уходящая вдаль*; или перечисленные объекты покрывают все пространство изображения, например, *На фотографии часть тротуара вдоль глухой стены*. В последнем случае часть тротуара и нижняя часть глухой стены составляют весь фон фотографии.

Отношение вложения между изображением и структурными элементами **вложение (план, фото)** в наших описаниях не реализуется, хотя, в принципе, это возможно, например, *На фотографии мы можем выделить два плана*.

Отношение **вложение (объект, план)** выражается более разнообразно, чем отношение **вложение (объект, фото)**. Понятие <план> при реализации также тематизируется и выражается обстоятельством места. Может использоваться способ **а)** и способы **б)** и **в)**:

а) На переднем плане изображен мостик;

б) На заднем плане мы видим забор.

в) На дальнем плане лес; На переднем плане – подземный переход. В отличие от отношения с <фото>, ограничений на тип объекта нет.

Кроме **а), б)** и **в)** используются и другие способы:

г) безличная форма с модальным словом *можно*, в которой роль модального слова состоит в обезличивании глагола: На переднем плане можно увидеть поле, на нем – дорогу.

д) краткое страдательное причастие глагола зрительного восприятия *виден*, *различим*: На заднем плане видны жилые постройки и небольшая полоска синего неба. Этот способ используется исключительно с «задним планом» или выражающими его наречиями или словосочетаниями, например, *вдали*, *на горизонте*, *вдалеке*. Изображенными объектами в связи с уменьшением масштаба в этом случае могут высокие, большие или капитальные, а также пространственные объекты – дом, лес, труба, строительный кран, горы, площадь, забор и др.

е) глагол *находится*: На переднем плане фотографии находится река. Глагол *находится* отражает другую общую перспективу: автор текста смотрит на фотографию не снаружи, а изнутри, как бы находясь внутри изображения. В этом случае он может ориентировать изображенные объекты относительно изображенного пространства, в частности, структурных объектов, хотя и мнимых. Заметим, что для реализации отношения с <фото> глагол *находится* не употребляется.

ж) связка, выраженная знаком тире (–) с <планом> в качестве подлежащего: *Передний план – речная отмель*. Здесь нулевая связка имеет другую семантику, чем в случае в), а именно, идентификация (есть). Выполняются следующие ограничения: весь план занят данным объектом; объект – часть земли.

Отношение вложения между двумя изображенными объектами **вложение (объект, объект)** представляется формой зависимого существительного в составе именной группы, например, *ступеньки крыльца, крыльцо с пятью ступеньками*. Напомним, что речь идет о двух предметных понятиях – объектах, а не об абстрактных понятиях, которые имеют другую семантику и источник, например:

- совокупность – букет цветов, комплекс зданий, толпа людей (количество объектов);
- форма – треугольник неба, полоска неба (форма объекта).

В контексте двух объектов генитивная конструкция, если рассматривать язык как средство коммуникации, представляет собой оператор, который придает объекту, представленному главным существительным именной группы, роль атрибута по отношению к объекту, представленному зависимым существительным в родительном падеже. В [Соколова, 2003] это отношение мы назвали «атрибут-объект». В наших примерах это: *крыша дома, крона дерева, шесть паромщика* и др. Иногда добавляется предлог, например, *пуговица от пальто*.

Обратная ситуация представлена тоже сочетанием двух предметных понятий, представляющих собой объемлющий и вложенный в него объекты. Она выражается именной группой, в которой объекту, представленному зависимым существительным, придается роль атрибута объекта, представленного главным существительным. Это отношение интерпретируется нами как отношение «объект-атрибут», например, *дом с тремя окнами, человек в кепке*. В отличие от языковой реализации отношения «атрибут-объект», языковая реализация отношения «объект-атрибут» разнообразна и чувствительна к семантике связываемых объектов [Соколова 2003]. Семантика объектов определяет и способ реализации этого отношения в виде предложной группы или с помощью глагола:

з) вложение (часть_объекта, объект) - в виде предложной группы с предлогом «с» или глаголом: *дом с тремя окнами, дом имеет три окна*. Таким же способом реализуется композитное отношение **вложение(вложение (объект 1, рука), человек)**, причем рука интерпретируется как место и не плоскость, например, *Человек с сумкой в руке*, где сумка – объект, или *Человек держит в руке сумку*.

и) вложение (одежда, человек) в виде предложной группы с предлогом «в»: *человек в кепке, на человеке надета кепка*. Если перечисленная одежда в основном закрывает тело одетого существа, то употребляется сочетание *быть одетым в*: *Человек одет в пальто и кепку, Человек одет в пальто*. **Человек одет в кепку* – некорректно.

Каков источник появления в тексте глаголов *иметь* и *быть одетым* в рассмотренных случаях? Возможной интерпретацией является такая: зрительное отношение вложения между двумя объектами интерпретируется на основе знаний о мире как функциональная локализация. Функциональная обознача-

ет дополнительную к местному отношению функциональную связь между двумя понятиями: одежда согревает, украшает, скрывает и т.д., часть объекта выполняет в нем определенную функцию. Эти отношения, с учетом семантики обоих связанных объектов, можно обобщить как функциональную локализацию (функ-лок):

функ-лок (X, Y), где X - часть объекта или ее разновидности – одежда, неотъемлемая часть, и др., а Y – целый объект.

Другой вид отношения между вложенным и объемлющим понятиями образуется между объектом и его свойством: **вложение (свойство, объект)**. Наиболее прямым выражением этого отношения является соединение имени объекта со значением свойства, например, *синее небо*, или сочетанием значения свойства с названием параметра, например, *небо синего цвета*. Однако эти отношения также могут реализоваться глаголами, например, *крыша, покрыта железом и окрашена в зеленый цвет*. Для выяснения, какой глагол нужно употребить, можно использовать следующий тест: Задать вопрос: *Как приобретено объектом это свойство?* И ответить на него. В ответе будет содержаться нужный глагол, например:

– Как крыша стала железной? – Ее покрыли железом. – *Крыша покрыта железом.*

– Как крыша стала зеленой? – Ее покрасили в зеленый цвет. – *Крыша окрашена в зеленый цвет.*

– Как небо стало синим? – Небо всегда имеет синий, голубой, белый, розовый, ..., черный цвет. *Небо имеет синий цвет / небо синее.*

2.2. Выражение пространственных отношений

Мы различаем два вида пространственных отношений – отношение локализации и отношения ориентации. Отношение локализации является интерпретацией отношения вложения: в тех случаях, когда связанные отношением вложения объекты не образуют атрибутно-объектных или функционально-локативных пар, они находятся в отношении локализации. Образы объектов локализованной пары частично пересекаются или один вложен в другой на изображении. Отношение локализации формулируется на основе наших знаний о свойствах объектов. Отношение **локализация (объект, объект)** реализуется в соответствии со сказанным выше предложной группой с предлогом «на» или «в» в зависимости от семантических признаков узлов. Поверхность земли всегда представляет плоскую поверхность, например, *На берегу большое количество церквей, старинных сооружений, деревьев.* Другие понятия,

содержащие плоскости, на которых могут находиться люди и другие объекты, также употребляются с предлогом «на» – *На балконе, на лавке, борту пароходика*, не плоские – с предлогом «в», например, *в лодке*.

Кроме нейтральных глаголов типа *находится, есть* и нулевой связки в наших описаниях два объекта, связанных отношением локализации, соединяются и другими глаголами местоположения, учитывающими дополнительные признаки семантики слов:

простирается (забор), *поднимается* (холм), *раскинулся* (городок), *проходит* (дорога), *расположен* (труба, часовня, баня, пристань), *лежат* (бревна), *покрыт/порос* (холм/берег/небо травой/кустами/лесом/облаками), *сидит* (мужчина крыльцо), *стоят* (люди, стога, ели и сосны, лавка, мужчина), *плывет* (пароходик), *отражается* (небо в реке), *ограждено* (здание забором).

Отношения ориентации уточняют композицию фотографии, описанную отношением вложения. При этом уточняется местоположение изображенного на фотографии объекта относительно частей фотографии или относительно других изображенных объектов.

Отношение ориентации связывает объект с частью изображения, например, **л_часть (объект, фото)** – объект находится на левой стороне фотографии. Части фотографии – это понятия, представляющие части поверхности фотографии: **п_часть, в_часть, н_часть, центр**, а также границы фотографии: **п_край, л_край, в_край и н_край**, а также углы: **лв_угол, лв_угол, пв_угол, пн_угол** – соответственно, правая часть, верхняя, и п.д., а также левый верхний угол, и т.д. В тексте они обычно выглядят как словосочетание, например, *В верхней части фотографии мы видим радугу*, или соответствующими наречиями – *вверху, внизу, справа, слева*. Интересно, что, хотя части изображения являются так же, как и сама фотография изображениями, т.е. поверхностями с представленными на них объектами, в тексте мы их выражаем отлично от объектов типа <фото> или <план>. С этими объектами всегда используется способ реализации с предлогом «в». Очевидно, что они концептуализируются языком не как плоскости. Они выражаются следующими способами:

в) нулевой связкой, например, *В верхней части изображения небо сероватого цвета*.

г) обобщенно-личным предложением с модальным словом *можем*: – *В левой части фотографии мы можем видеть людей, стоящих на набережной*.

Также отношение ориентации может содержать указание на ориентацию одного изображенного объекта относительно другого изображенного объекта с точки зрения наблюдателя. Они выражаются с помощью нулевой связки и предлога, выражающего ориентацию, например:

позади (лес, река) – *За рекой лес.*

впереди (открытое пространство, школа) – *Перед школой открытое пространство.*

слева (памятник, здание) – *Слева от здания (высокий белый) памятник.*

справа (стройматериалы, здание) – *Справа от здания стройматериалы.*

около (лодка, берег) – *У берега лодка. Рядом со школой лежат какие-то бревна.*

Несколько «одиночных» отношений ориентации могут быть заменены одним отношением **вокруг**, например, на фотографии изображены несколько (не менее трех) объектов примерно на одинаковом расстоянии от другого и между собой:

впереди (столб, дом), впереди (кусты, дом),

слева (клумба, дом) → вокруг ((столб, кусты, клумба), дом)

Это несмотря на то, что заднюю и правую части дома мы видеть не можем. Например:

Вокруг дома размещены клумба с цветами, фонарный столб, небольшие кусты.

Мы рассмотрели особенности формализованного описания содержания изображения и выделили типы понятий – объектов и отношений, которые могут быть выражены на естественном языке в связном текстовом описании содержания изображений, а также рассмотрели способы их выражения на русском языке. Эта ситуация является обратной по отношению к обычному толкованию и описанию значений лексических единиц в словарях. Построение работающей модели генератора текстов, описывающих изображения, позволит формализовать определенные аспекты лингвистических толкований значений слов, обозначающих воспринимаемые зрением объекты и некоторые условия употребления слов, связанных со зрительным восприятием.

Примечания

¹ В английском языке выбор делается между тремя возможностями – *at, on, in*.

Литература

- Добров Б.В. и др. Постановка эксперимента по индексированию корпуса изображений с помощью специализированного тезауруса / Добров Б.В., Сидоров А.В., Юдина Т.В., Лукашевич Н.В., Салий А.Д. // Электронные библиотеки: перспективные методы и технологии, электронные коллекции: Вторая всероссийская научная конференция, Протвино, 2000.
- Иорданская Л.В. Коммуникативная структура и ее использование в системе текстовой генерации // Международный форум по информатизации и документации. 1992. Т. 17, №2. С. 15-28.
- Леонтьева Н.Н. Об одном способе представления смысла текста // Труды 3-й Всесоюзной конференции по Информационно-поисковым системам и автоматизированной обработке научно-технической информации, Т. 2. М., 1967. С. 192-204.
- Леонтьева Н.Н. Автоматическое понимание текста: системы, модели, ресурсы. М.: Академия, 2006.
- Мир 1900-1917 в цвете. Все фотографии С.М. Прокудина-Горского, восстановлены в цвете www.prokudin-gorsky.ru.
- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. ред. Ю.Д. Апресяна. Вып. 1. М.: Языки рус. культуры, 1997.
- Соколова Е.Г. Семантические свойства имен для генерации запросов к базе данных // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции «Диалог'2003». Протвино, 2003. С. 640-647.
- Соколова Е.Г. Болдасов М.В. Принципы построения семантических аннотаций содержания изображений // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международной конференции «Диалог'2006» (Бекасово, 31 мая – 4 июня 2006). М.: Изд-во РГГУ, 2006. С. 474-480.
- Fillmore, Charles J. The Case for Case. // *Universals in Linguistic Theory / Bach and Harms (Ed.)*. New York: Holt, Rinehart, and Winston. 1968. P. 1-88.
- Emeljanov G. V. Tree grammars in the problems of searching for images by their verbal descriptions / Emeljanov G. V., Krechetova T. V., Kurashova E. P. // *Pattern recognition and image analysis*. 2000. Vol. 10, №4. P. 520-526.
- Hollink L., Shreiber G., Wielemaker J., Wielinga B. Semantic annotation of image collections // *Knowledge Capture 2003. Proceedings Knowledge Markup and Semantic Annotation Workshop, Florida, USA, October 2003 / Handschuh S., Koivunen M., Dieng R., Staab S., eds*. P. 41-48. Также: <http://www.cs.vu.nl/~guus/papers/Hollink03b.pdf>
- Miller G.A. WordNet: a lexical database for English // *Communications of the ACM*. 1995. 38(11). P. 39-41. Также: <http://www.acm.org/pubs/articles/journals/cacm/1995-38-11/p39-miller/p39-miller.pdf>. WordNet: <http://wordnet.princeton.edu/>.

О построении курса «Морфология» для специальности «Теоретическая и прикладная лингвистика»

Программа и формы контроля знаний

Предисловие

Образовательное значение и задачи курса

Курс «Морфология», или «Общая морфология» традиционно входит в учебные планы теоретической подготовки специалистов в области лингвистики.¹ В совокупности курсы фонетики, морфологии, синтаксиса и семантики, предметом которых является собственно языковая система, составляют ядро теоретического цикла, поскольку они формируют понятийный аппарат, используемый всеми другими лингвистическими дисциплинами: лексикографией, историей языка, социолингвистикой, психолингвистикой, лингвостилистикой и др. Будучи на первый взгляд узкоспециальной областью лингвистики, морфология занимает особое место в контексте всего гуманитарного образования. Именно в процессе изучения морфологии студенты вплотную сталкиваются с феноменом языкового знака, знакомятся с его структурой, типами, свойствами, функциями. Осознание знаковой природы языка способствует пониманию глубоких содержательных связей лингвистики с теми науками, которые в своих целях и под своим углом зрения изучают знаковые системы – с философией, семиотикой, культурологией, литературоведением. Еще одна важная задача курса – продемонстрировать многообразие конкретных реализаций в языках мира тех общих принципов, которые характеризуют язык как естественную семиотическую систему, присущую человеку.

Методические особенности курса

Лекционная часть. Названные задачи в значительной мере определили методику и композицию курса, который читается автором с 2001 года в Институте лингвистики РГГУ. В качестве ключевого для данного курса выбрано понятие язы-

ковой знак, через которое раскрываются основные понятия морфологии: *морфема, словоформа, грамматическая категория, лексема, парадигма, словоизменение, словообразование*. В качестве иллюстрации базовых понятий морфологии мы стремились использовать материал самых разных, с генетической, типологической и географической точек зрения, языков мира. Курс рассчитан на 28 часов лекционных и 28 часов практических занятий.

При изучении теоретической части курса в качестве обязательного чтения студентам предлагаются прежде всего главы книги «Курс общей морфологии» И. А. Мельчука. Эта пятитомная монография имеет, разумеется, совершенно иной формат, чем привычное учебное пособие. По существу это «энциклопедия» современной морфологии. В ней обсуждается практически весь спектр теоретических проблем морфологии, содержится подробное описание и критический анализ различных подходов к их решению, приводятся многочисленные, разнообразные и тщательно откомментированные примеры как из хорошо изученных, так и из «экзотических» языков, дается подробная библиография, включающая работы общетеоретического характера и работы, посвященные частным проблемам. В обязательном порядке студенты знакомятся с теми разделами книги, которые непосредственно касаются вопросов, включенных в программу учебного курса. Вместе с тем организация и способ подачи материала в монографии Мельчука дают им возможность при желании самостоятельно расширить свое представление о морфологии не только в плане общей теории, но и в плане объяснения морфологических особенностей конкретных языков.

Практическая часть. Основная цель лабораторных занятий – обучить студентов технике морфологического анализа, поэтому значительное место в практикуме отводится решению «лингвистических задач». В этих задачах студентам предлагается описать в терминах изучаемой теории специально подобранные примеры из какого-то конкретного (в том числе и неизвестного им) языка. Дидактический материал такого рода вообще довольно давно используется в процессе обучения лингвистов. В частности, одним из первых учебных пособий по морфологии, в котором представлен большой корпус лингвистических задач, является вышедший впервые в 1946 году и с тех пор неоднократно переиздававшийся классический учебник Ю. Найды (E. Nida, Morphology). К сожалению, из-за отсутствия необходимых сборников задач и методических

разработок в отечественных центрах подготовки лингвистов к этому материалу обращаются крайне редко. Исключением в этом отношении является Отделение теоретической и прикладной лингвистики Филологического факультета МГУ и Институт лингвистики РГГУ, где регулярно готовится специальный материал для школьных Олимпиад по лингвистике и математике, которые с 1965 года проводились в МГУ, а с 1988 года проводятся совместно МГУ и РГГУ. В качестве источника при подготовке практических заданий для данного курса использовались в основном задачи, предлагавшиеся школьникам на этих Олимпиадах. Однако, поскольку олимпиадные задачи в принципе рассчитаны на другую аудиторию и другие цели, для студентов готовятся определенным образом переработанные их варианты. Особенно существенно изменяется часть «Задание»).

Формы контроля

Основной формой промежуточного контроля является письменная работа, в которую наряду с теоретическими вопросами включаются лингвистические задачи по изучаемой теме. В конце курса студентам предлагается открытый тест, состоящий из 5-10 теоретических вопросов по разным темам программы. Образцы лингвистических задач и вопросы, предлагаемые в итоговых тестах, приводятся во второй части предлагаемой публикации.

Часть I. Программа курса «Морфология»

Тема 1. Предмет морфологии. Место морфологического компонента в модели естественного языка.

Соотношение понятий *слово, словосочетание, предложение* в современной лингвистике. Слово как центральный объект изучения морфологии. Неоднозначность понимания термина *слово* и попытки ее разрешения: содержание терминов *словоформа, лексема, вокабула*.

Понятие языковой *знак* – устойчивое соответствие между элементами звуковой и ментальной субстанций языка. Морфология – наука о структуре и свойствах языковых знаков.

Словосочетание и предложение – объекты, не имеющие знаковой природы; основания для непризнания словосочетания и предложения языковыми знаками: открытость класса, отсутствие жестких ограничений на сочетаемость. Представление словосочетаний и предложений в языковой модели.

Вопрос об универсальности морфологического компонента в моделях конкретных языков – существуют ли языки без морфологии?

Тема 2. Языковые знаки. Общие положения

2.1. Противопоставление *односторонние vs. двусторонние* объекты языковой модели.

Типы односторонних объектов:

- *фон, просодема* – языковые объекты, интерпретируемые в звуковую субстанцию языка;
- *сема* – языковой объект, интерпретируемый в ментальную субстанцию языка;
- *языковая операция* – операция, применяемая к языковым объектам; основные типы языковых операций, актуальных для морфологического компонента – *чередование, повтор, конверсия*.

Языковой знак (ЯЗ) – один из типов двусторонних объектов языковой модели. Формализм для представления языковых знаков (по И. А. Мельчуку): *языковой знак* – объект вида $\langle 'Y', X, \Sigma \rangle$, где *'Y* – *означаемое*, *X* – *означающее*, Σ – *синтактика* (*сочетаемость*) пары $\langle 'Y', X \rangle$.

Означаемое ЯЗ; соотношение понятий *означающее и смысл*; *означаемые* в разных языках.

Означающее ЯЗ: типы означающих: *означающие-сущности* (*сегментные* – *цепочки фонов*; *супрасегментные* – *комплексы просодем*), *означающие-операции*.

Синтактика ЯЗ: примеры синтактик: *позиционный класс морфа, часть речи, грамматический род, модель управления, тип склонения/спряжения, информация о чередованиях в означающем языковых знаков*.

2.2. Противопоставление *элементарные vs. неэлементарные* языковые знаки. Эвристическая процедура, позволяющая установить элементарность/неэлементарность ЯЗ: «квадрат Гринберга». *Уникальные языковые знаки. Связанные языковые знаки*.

Понятие *представимость* одних языковых знаков через другие. *Метаоперация языкового объединения* в языковой модели: *объединение означаемых ЯЗ + объединение означающих ЯЗ* (*объединение сегментных означающих, сегментного и супрасегментного означающего, сегментного означающего и применяемой к нему операции: чередования, повтора или конверсии*) + *объединение синтактик ЯЗ*. Понятие *квазипредставимость* языковых знаков: *квазипредставимость по*

означаемому – понятие *мегаморф* (= слово – вешалка); квази-представимость по означаемому – понятие *фразема*; *морфоиды* – компоненты фраземы.

Элементарный языковой знак – языковой знак, не представимый через другие языковые знаки. Классификация элементарных языковых знаков по характеру означающего:

- сегментные – *морф* (означающее – цепочка фонов);
- несегментные, в том числе:
 - супрасегментные – *супрафикс* (означающее – просодема);
 - операционные – *апофония* (означающее – операция чередования);
 - редупликация* (означающее – операция повтора)
 - конверсия* (означающее – операция конверсии).

Нулевой знак – знак, означающее которого не имеет ни сущностного, ни операционного соответствия: <Y, Λ, Σ>.

Пустой знак – знак, означаемое которого не имеет соответствия в семантическом представлении (=в представлении ментальной субстанции языка): <Λ', X, Σ>.

Морфема как множество находящихся в отношении дополнительного распределения морфов (*алломорфы* одной морфемы). Возможные соотношения между означающими алломорфов. Понятия *представляющий морф*, *супплетивные морфы*.

2.3. Словоформа как один из типов языкового знака. Противопоставления *словоформа vs. морф* и *словоформа vs. словосочетание*.

Эвристические критерии выделения словоформ:

- *автономность сильная* – способность образовывать полное высказывание (высказывание, которое может быть выделено двумя абсолютными паузами);
- *автономность слабая*: а) *отделимость* (другим, сильно автономным, языковым знаком); б) *непереместимость* (компонентов словоформы); в) *широкая сочетаемость* словоформы с другими словоформами в предложениях конкретного языка;
- *цельнооформленность*: наличие в словоформе единственного из возможных альтернативных наборов словоизменительных аффиксов (окончаний);
- *фонетическая выделенность*: акцентуационная – наличие одного ударения; сингармоническая; наличие особых чередований на границах словоформы (*внешние сандхи*), отличных от чередований на границах морфов внутри словоформы (*внутренние сандхи*) и под.; понятие *пограничный сигнал*;
- словоформа – «*синтаксический остров*» (утрата некоторыми компонентами словоформы присущей им в независимом ста-

тусе способности присоединять другие словоформы);

- словоформа – «анафорический остров» (невозможность замены части словоформы анафорическим местоимением);
- внутренняя согласованность системы словоформ (наличие парадигматического сходства между словоформами данного языка): фонетическая, морфологическая и синтаксическая согласованность системы словоформ.

Неабсолютный характер перечисленных критериев. Трудные случаи выделения словоформ.

2.4. Клитики – просодически несамостоятельные словоформы. Позиционные типы клитик:

- проклитики – клитики, присоединяющиеся к непосредственно следующим за ними просодически самостоятельным словоформам;
- энклитики – клитики, присоединяющиеся к непосредственно предшествующим им просодически самостоятельным словоформам.

Клитика как обязательный или необязательный вариант просодически самостоятельной словоформы. Типы языковых знаков, имеющие тенденцию к реализации в виде клитик: личные местоимения, артикли, вспомогательные глаголы, предлоги, союзы, частицы. Особенности порядка расположения клитик: особый порядок, жесткий порядок.

Тема 3. Элементарные языковые знаки в составе словоформы

3.1. Морфы в составе словоформы. Противопоставление *корни vs. аффиксы*. Эвристические соображения, лежащие в основе этого противопоставления:

- со стороны означаемого: корни как обозначения более конкретных, автономных понятий;
- со стороны означающего: корни как более длинные морфы;
- со стороны синтактики: корни как потенциально самостоятельные (необходимые и достаточные для образования словоформы) единицы; единицы, ответственные за большинство внешних синтактик словоформы;
- по объему класса: множество корней по объему значительно превосходит множество аффиксов;
- типологическая универсальность класса корней (не существует языков без корней, но существуют языки без аффиксов).

Относительный характер перечисленных критериев (примеры).

3.2. Позиционные типы аффиксов. Классификация аффиксов (по И. А. Мельчуку) с точки зрения их способности а) разрывать (линейно) корень, б) быть разорванными корнем:

- *конфиксы* – аффиксы, которые не разрывают корень и сами не разрываются корнем;
- *циркумфиксы* – аффиксы, которые не разрывают корень, но разрываются корнем;
- *инфиксы* – аффиксы, которые разрывают корень, но сами не разрываются корнем;
- *трансфиксы* – аффиксы, которые разрывают корень и сами разрываются корнем.

Иерархия этих четырех типов аффиксов с точки зрения их распространенности в естественных языках (конфиксы > циркумфиксы > инфиксы > трансфиксы).

Классификация конфиксов:

- *интерфиксы* – конфиксы, за которыми и перед которыми в словоформе обязательно присутствует корень;
- *суффиксы* – конфиксы, которые не являются интерфиксами и перед которыми в словоформе обязательно присутствует корень;
- *префиксы* – конфиксы, которые не являются интерфиксами и за которыми в словоформе обязательно следует корень.

Лингвистические универсалии Дж. Гринберга, связанные с суффиксами и префиксами:

- если в языке есть префиксы, то в нем, как правило, есть и суффиксы;
- если в языке есть и префиксы, и суффиксы, то суффиксов в нем, как правило, больше.

Порядок расположения суффиксов и префиксов в словоформе. «Жесткие» ограничения на место префикса/суффикса в цепочке аналогичных конфиксов. Принятый в лингвистических описаниях способ указания обычного места конфикса в словоформе (... -3 -2 -1 0 +1 +2 +3 ...). Возможная длина цепочек префиксов и суффиксов в естественных языках.

Некоторые общие закономерности, связывающие расположения конфиксов в словоформе и их значения:

- словообразовательные конфиксы располагаются, как правило, ближе к корню, чем словоизменительные;
- семантические словоизменительные конфиксы располагаются, как правило, ближе к корню, чем синтаксические.

Прочие типы аффиксов (циркумфиксы, инфиксы, трансфиксы) – теория, история, типология.

3.3. Композиты (сложные слова) – соединение двух или более корней в пределах одной словоформы. Композиты с прозрачной, с синхронической точки зрения, семантической связью корней *vs.* композиты с непрозрачной для современного носителя языка семантической структурой. Модифицируемый и модифицирующий корни в композитах.

Структурные особенности композитов с прозрачной семантической связью корней:

- части речи компонентов сложения: в языках представлены практически все теоретически мыслимые сочетания;
- форма корней в композитах: корень сохраняет форму, представленную в независимых образованиях, *vs.* корень выступает в измененной форме, чаще всего в усеченной;
- порядок следования корней: допустимы оба теоретически возможных порядка: модифицирующий корень → модифицируемый корень; модифицируемый корень → модифицирующий корень;
- наличие / отсутствие интерфикса.

Семантическая классификация композитов. Особый вклад древнеиндийской грамматической традиции в изучение композитов. Семантические отношения между корнями, входящими в состав композита:

- координативное, или сочинительное, (др.-инд. название – *двандва*);
- актантное, или дополнительное (др.-инд. – *татпуруша*);
- атрибутивное, или определительное, (др.-инд. – *кармадхарайя*).

Особенности синтактики композитов:

- эндоцентрические конструкции: синтактика композита = синтактике модифицируемого компонента);
- экзоцентрические конструкции: синтактика композита не совпадает с синтактикой составляющих (др.-инд. *бахуврихи*).

3.4. Понятие инкорпорация. Работа Э. Сепира «Проблема именной инкорпорации в языках американских индейцев» (1911 г.), положившая начало теоретическому осмыслению этого явления. Инкорпорация как особый способ образования композитов: включение в состав глагольной словоформы одного или нескольких корней (или основ), представляющих подчиненные ей в предложении словоформы таким образом, что полученная в результате словоформа-композит (*инкорпо-*

ративный комплекс) также является глагольной словоформой. *Инкорпорирующие языки* – языки, для которых особенно характерно наличие инкорпоративных комплексов (наряду, как правило, с другими типами композитов): палеоазиатские языки (чукотский, корякский, алюторский и др.), некоторые языки американских индейцев (в частности языки ирокезской группы), некоторые языки австралийских аборигенов.

Структурные особенности инкорпоративных комплексов. Синтаксические роли инкорпорированных корней (основ): прямое дополнение (наиболее распространенный случай), подлежащее, косвенное дополнение, обстоятельство. Количество модифицирующих корней в инкорпоративном комплексе: один (наиболее распространенный случай); возможность инкорпорации нескольких корней.

Параллельное существование в инкорпорирующих языках инкорпоративных комплексов и близких к ним по смыслу словосочетаний (ср. усл. *вод(а)-пьет* и *пьет воду*). Факторы, определяющие выбор способа оформления одного и того же синтаксического отношения посредством инкорпоративного комплекса или посредством словосочетания: семантические (референциальный статус зависимой словоформы; постоянность описываемой экстралингвистической ситуации), синтаксические (синтаксическая роль зависимой словоформы – подлежащее, дополнение и под.).

3.5. Несколько замечаний о знаках-операциях

Апофония. Происхождение апофоний: некогда контекстно обусловленные чередования, утратившие в ходе исторического развития языка такого рода обусловленность.

Редупликация. Понятие *иконичность* языкового знака: *иконический* знак – языковой знак, структура означающего которого в той или иной степени ассоциируется с его означаемым. Редупликации как знаки, обладающие большой степенью иконичности. Типы значений, чаще всего выражаемые с помощью редупликации: ‘множественность’, ‘повторяемость действия’, ‘длительность действия’, ‘интенсивность действия или качества’ и под.

Конверсия. Классификация конверсий (по И. А. Мельчуку):

- *категориальная* (изменяющая часть речи);
- *рекция* (изменяющая грамматический род или модель управления);
- *парадигматическая* (изменяющая тип склонения или спряжения);
- *смешанная* (например, рекционная + парадигматическая).

Тема 4. Языковые значения, которые могут выражаться средствами морфологии.

4.1. Лексические vs. грамматические значения. Базовые различия этих двух типов значений:

- сходство инвентарей лексических значений разных языков / своеобразие инвентарей грамматических значений;
- открытость и изменчивость инвентаря лексических значений / закрытость и консервативность инвентаря грамматических значений;
- более непосредственная связь с внеязыковой действительностью лексических значений / большая абстрактность грамматических;
- слабая структурированность лексических значений / четкая структурированность грамматических.

4.2. Семантические (непосредственно отражаемые в представлении смысла высказывания) vs. **синтаксические** (отражаемые в представлении смысла опосредованно, через синтаксические отношения) языковые значения.

4.3. Словоизменительные vs словообразовательные грамматические значения.

Словоизменительная грамматическая категория (СГК) данного языка как содержащий не менее двух элементов ряд взаимоисключающих друг друга в одной словоформе грамматических значений, обладающий свойствами:

- 1) обязательности присутствия одного из этих грамматических значений в означаемых словоформ (из определенного класса);
- 2) регулярности внешнего выражения элементов данного ряда.

Словоизменительное грамматическое значение (=граммема) – элемент определенной словоизменительной грамматической категории.

Словообразовательное грамматическое значение (=дериватема) – грамматическое значение, не являющееся граммемой данного языка.

Наиболее общие различия в свойствах граммем и дериватем:

- большая абстрактность граммем / большая конкретность дериватем;
- широкая сочетаемость граммем / ограниченная сочетаемость дериватем;
- стандартность способов выражения граммем / нестандартность способов выражения дериватем;

- более близкое расположение к корню аффиксов, выражающих дериватемы, / более удаленное – аффиксов, выражающих граммемы;
- существенность грамем / несущественность дериватем для синтаксических правил.
- неспособность аффиксов, выражающих граммемы, в отличие от аффиксов, выражающих дериватемы, изменять часть речи исходной основы.

Кумулятивное выражение грамем – вхождение более одной граммы в означаемое одного аффикса (например, окончания русских существительных содержат грамму СГК «падеж» и грамму категории «число»).

Аналитическая форма как особый объект морфологии: словосочетание, в котором одна словоформа представляет лексическое значение, а остальные только уточняющие его словоизменительные грамматические значения. Критерии, позволяющие различать аналитические формы и свободные словосочетания.

4.5. Основные типы словоизменительных грамматических категорий.

4.5.1. Семантические СГК. Общие положения. Две точки зрения на *высказывание*:

- действие, состоящее в передаче информации от одного участника коммуникации (*Говорящего*) к другому ее участнику, или участникам (*Адресату, или Слушающему*): высказывание – *речевой акт* (=языковой факт); *Говорящий, Адресат* – участники речевого акта;
- описание определенного фрагмента внеязыковой действительности: высказывание – *сообщаемый факт* со своими, не обязательно совпадающими с *Говорящим* и *Адресатом*, участниками.

Шифтеры – языковые знаки, значение которых содержит отсылку к участникам, времени, месту определенного речевого акта (например, Я, ЗДЕСЬ, СЕЙЧАС). *Шифтерные* (содержащие в своих граммах отсылку к параметрам речевого акта) и *нешифтерные* (не содержащие такой отсылки) СГК.

Примеры семантических СГК:

- категории существительных, выражающие *пространственные значения*: *дейксис, локализация, ориентация I, ориентация II*;
- категории глагола, выражающие *временные значения*: *абсолютное время, относительное время*;

- категории, выражающие количественные (в широком смысле) значения: число (существительных), степень сравнения (прилагательных), прогрессив (глагола);
- категории, выражающие качественные значения: вежливость, определенность, модальность, посессивность, принадлежность.

4.5.2. Синтаксические СГК. Общие положения: понятие синтаксическая зависимость; понятие синтаксическая структура предложения.

Типы синтаксической информации, выражаемой синтаксическими категориями: роль синтаксической вершины предложения, роль синтаксического хозяина, роль синтаксически зависимого элемента.

Примеры синтаксических СГК:

- категории, маркирующие роль синтаксической вершины: глагольная категория *финитность*, именная категория *предикативность*;
- категории, маркирующие роль синтаксического хозяина: именная категория *состояние*, понятие *изафет*;
- категории, маркирующие роль синтаксически зависимого элемента: *управляемый падеж существительного*; процедура «выделения падежей» Колмогорова-Успенского-Зализняка; примерный универсальный инвентарь падежей.

4.5.3. Лингвистическая теория *маркированности* языковых элементов в морфологии.

Разработка теории маркированности для фонологического компонента языковой модели в рамках Пражской лингвистической школы в 30-х годах XX-го века (в частности в работах Н. С. Трубецкого применительно к фонологии и Р. О. Якобсона – для морфологии).

Основные различия в свойствах немаркированных/маркированных элементов.

1. Различия в синхронических свойствах:

- поведение в позиции нейтрализации (представлен, как правило, немаркированный элемент морфологической оппозиции);
- возможность нулевого формального выражения (обычно у немаркированного элемента);
- регулярность выражения (меньшая степень регулярности выражения для немаркированного элемента);
- частотность в текстах (выше для немаркированного элемента);
- дистрибуция (шире для немаркированного элемента);

- воспринимаемость (более легкая для немаркированного элемента);

2. *Различия в диахронических свойствах:*

- усвоение при изучении языка детьми или иностранцами (более быстрое для немаркированного элемента);
- утрата при различных речевых расстройствах (более поздняя для немаркированного элемента);
- время появления в языке (более раннее для немаркированного элемента);
- время исчезновения (более позднее для немаркированного элемента);
- возможность быть заимствованным в другой язык (большая для немаркированного элемента);
- склонность к пиджинизации и креолизации (большая у немаркированных элементов).

Примеры граммем, наиболее часто выступающих в языках как немаркированные: 'именительный падеж существительного', 'единственное число существительного', 'настоящее время глагола', 'финитная форма глагола', 'положительная степень прилагательного'.

Тема 5. Лексема, парадигма, вокабула

5.1. Лексема. Вспомогательные понятия. *Лекса* – словоформа или аналитическая форма. *Лексемное значение* – компонент означаемого лексы, включающий лексические значения и словообразовательные грамматические значения (дериватемы) и не включающий словоизменительных грамматических значений (граммем).

Лексема – множество лекс, содержащее все лексы с одинаковым лексемным значением.

5.2. *Парадигма (парадигматическая схема)* – полный набор всех возможных комбинаций граммем, характеризующих лексемы определенного класса (например, парадигма русских существительных).

Конкретная парадигма – соответствие между парадигматической схемой определенного класса лексем и множеством лекс конкретной лексемы из данного класса (парадигма существительного «город»).

Стандартная парадигма – конкретная парадигма, в которой каждой комбинации граммем, предусмотренной для лексем данного класса, соответствует ровно одна лекса.

Нестандартные парадигмы – конкретные парадигмы, в которых: либо 1) каким-то из возможных комбинаций граммем

соответствует более одной лексы – *вариативные парадигмы*; либо 2) каким-то из возможных комбинаций граммем не соответствует ни одна лекса – *дефектные парадигмы*, либо 3) одновременно имеют место обе описанные ситуации – *нестандартность смешанного типа*. Типы дефектности парадигмы: *семантически мотивированная* (например, частое отсутствие форм мн. числа у «неисчисляемых» существительных, ср. русск. «молоко»); *случайная* (например, отсутствие формы Род. мн. у русского существительного «мечта» – *мечт).

5.3. Вокабула (словарная статья) – множество близких по значению лексем, лексы которых имеют тождественные означающие.

Полисемия как семантическое отношение между лексемами, входящими в одну вокабулу.

Омонимия – отсутствие, по крайней мере с синхронической точки зрения, семантического сходства между лексемами при наличии тождества означающих, образующих их лекс. Омонимичные лексемы как представители разных вокабул. Расплывчатость границы между полисемией и омонимией.

5.4. Основа, окончание.

Основа словоформы – языковой знак, компонент словоформы, который не включает ее словоизменительных аффиксов.

Окончание словоформы – аффикс (совокупность аффиксов), который выражает словоизменительные грамматические значения (граммемы) данной словоформы.

Стандартное соотношение между основами словоформ одной лексемы: тождество их основ. Нестандартное соотношение основ в пределах лексемы: в некоторых случаях в одну лексему могут быть включены словоформы с разными основами (русск. человек ~ люди) – *супплетивизм основ*. Источники возникновения супплетивизма в языке: фонетические изменения; лексическая конвергенция.

5.5. Морфологическая структура основы. Типы основ:

- *простая основа* – основа, единственным компонентом которой является корневой морф;
- *производная основа* – основа, образованная от некоторой другой (*исходной, производящей*) основы путем присоединения того или иного языкового знака.

Словообразование (=основообразование) – описание возможных способов образования производных основ (= возможных словообразовательных моделей).

Тема 6. Классификация лексем, базирующаяся на синтактиках их основ

6.1. Противопоставление *внутренние* vs *внешние* синтактики основы.

Внутренние синтактики основы – синтактики, обеспечивающие построение правильных словоформ с данной основой.

Внешние синтактики основы – синтактики обеспечивающие построение правильных словосочетаний со словоформами, содержащими данную основу.

6.2. Примеры классов лексем, учитывающих внутренние синтактики основ.

Тип словоизменения – множество лексем, характеризующихся одинаковым набором окончаний.

Акцентный тип – множество лексем, словоформы которых (соответствующие друг другу по комбинации граммем) имеют одинаковую просодическую характеристику. *Схема ударения* – способ распределения ударения между основой и окончанием в словоформах одной лексемы (частный случай акцентного типа).

6.3. Примеры классов лексем, учитывающих внешние синтактики основ.

6.3.1. Противопоставление *частей речи* как универсальное, присущее в том или ином варианте всем языкам, противопоставление лексем. Разные подходы к выделению частей речи в лингвистической теории:

- *семантический* – по сходству называемых внеязыковых объектов (предмет, действие, качество/свойство, число и под.);
- *синтаксический* – по сходству возможных синтаксических ролей (подлежащее, дополнение, сказуемое, определение и под.);
- *морфологический* – по сходству парадигматических схем; использование для обозначения такого рода классов термина *грамматический разряд* (вместо термина *часть речи*).

Основные части речи из универсального инвентаря: существительное (N), глагол (V), прилагательное (Adj), местоимение (Pron), числительное (Num), наречие (Adv), предлог (Prep), союз (Conj), артикль (Art).

6.3.2. Понятие *согласовательный класс* – множество лексем существительных, словоформы которых, имеющие одинаковый состав граммем, требуют одного и того же набора синтаксически связанных с ними словоформ прилагательных, местоимений, глаголов.

Грамматический род и именной класс как основные разновидности согласовательного класса.

Основные критерии для признания согласовательного класса в конкретном языке *грамматическим родом* существительного:

- небольшое число классов (2-4);
- связь с биологическим полом;
- немотивированное распределение по классам у объектов, для которых признак пола нерелевантен;
- отсутствие показателя класса в самом существительном;
- нетривиальное соотношение классов с типами склонения;
- неиспользование изменения класса для выражения словоизменительных и словообразовательных значений.

Основные критерии для признания согласовательного класса *именным классом*:

- большое число классов (5-20, иногда более);
- отсутствие прозрачной связи с биологическим полом;
- наличие очевидного семантического распределения по классам;
- наличие, как правило, специального некумулятивного показателя класса в самом существительном;
- отсутствие корреляции со склонением существительных;
- регулярное использование изменения класса (конверсии) для выражения словоизменительного значения (числа) и словообразовательных значений;
- наличие также некумулятивных классовых показателей в зависимых словоформах.

Ареалы, языковые семьи, для которых характерно наличие родов или именных классов: противопоставление по родам характерно в частности для многих индоевропейских языков (русский, немецкий, французский, испанский и др.), для семитских языков (арабский, иврит); именные классы представлены, например, в языках семьи банту (Африка), в нахско-дагестанских языках (Кавказ), в папуасских языках (Новая Гвинея).

Часть II. Формы контроля знаний по курсу «Морфология»

Образцы задач для практических занятий и контрольных работ

Задача 1.

(Составлена на основе задачи А. Н. Журина: *Журинский А.М. Лингвистика в задачах. М.: Индрик, 1995. С. 48*)

Условие

Даны словоформы туркменского языка (в упрощенной транскрипции МФА) и их переводы, расположенные в другом порядке:

baglarıñizda, baglarımız, bagıñda, bagım, bagımда, bagda, bagımız, baglarıñ, bagıñiz, baglar

сады, в саду, наш сад, наши сады, в твоём саду, твои сады, в ваших садах, ваш сад, мой сад, в моём саду

Задание

1. Установите, какой перевод соответствует каждой из словоформ;

2. Предложите элементарные знаки для представления туркменских словоформ; опишите их означаемые, означающие и синтактики;

3. Опишите структуру туркменской словоформы.

Задача 2.

(Составлена на основе задачи Е. Н. Савиной: *Алпатов В.М., Вентцель Р.Д. и др. Лингвистические задачи. М.: Просвещение, 1983. С. 19*)

Условие

Даны венгерские словоформы (в транскрипции МФА) с переводами на русский язык.

ha:boru:	война	køru:t	кольцевая дорога
ha:boru:ro:l	о войне	kørgø:l	о кольце
byn	вина	ba:tor	смелый
byntelen	безвинный	ba:torʃa:gro:l	о смелости
bynro:l	о вине	ba:tortalan	несмелый
u:t	дорога	føld	земля, поле
u:tro:l	о дороге	føldtelen	безземельный
kesery	горький	burgona	картофель
keseryʃe:g	горечь	burgonaføld	картофельное поле
keseryʃo:	горькая соль	ʃøte:t	темный
kør	кольцо	ʃøte:tʃe:g	темнота

Задание

1. Предложите элементарные знаки для представления венгерских словоформ; опишите их означаемые, означающие и синтактики.

2. Укажите, какие из приведенных словоформ можно рассматривать как (в определенном отношении) «неправильные», объясните, чем они отличаются от других словоформ, представленных в задаче.

3. Какими фонетическими средствами маркируются (как правило) границы венгерской словоформы.

4. Какие из перечисленных словоформ являются словоформами-композиатами? Охарактеризуйте исчерпывающим образом структурный тип каждой из этих словоформ.

Задача 3.

(Составлена на основе задачи А. Н. Журинского: *Журинский А.М. Лингвистика в задачах*. М.: Индрик, 1995. С. 53)

Условие

Даны фразы на языке курия (банту, Кения) в упрощенной транскрипции МФА с переводами на русский язык:

1.	agatotʃo kagokegetʃa egete	– Зайчик режет палку
2.	agatʃutʃu gakogotegerera	– Птенчик слушает тебя
3.	akaboe gakugutiga	– Шакальчик оставляет тебя
4.	ekeboe gikugitiga egekone	– Шакал оставляет банан
5.	igitʃutʃu kigukibukia egekondo	– Птенец будит обезьяну
6.	egekondo kegokegonga ekegogo	– Обезьяна хвалит гитару
7.	egetotʃo gikuguturia	– Заяц спасает тебя
8.	agakondo gakogetegerera ekegogo	?
9.	ekeboe kegokogonga	?
10.	?	– Шакальчик спасает гитару
11.	?	– Палочка будит обезьяну
12.	?	– Птенец оставляет тебя

Задание

1. Предложите элементарные знаки для описания словоформ языка курия; опишите их означаемые, означающие и синтактики.

2. Какие части речи можно выделить в курия, ориентируясь на материал задачи?

3. Что вы можете сказать о словоизменительных грамматических категориях и синтактиках в курия?

4. Опишите структуру словоформ разных частей речи.

5. Какими фонетическими средствами маркируются границы словоформы в языке курия?

6. Заполните пропуски.

Вопросы для итогового теста

1. Перечислите *односторонние* объекты языковой модели.
2. Перечислите не менее 6 типов морфологических синтактик.
3. Опишите формализм для представления языкового знака, используемый в модели «Смысл-Текст».
4. Перечислите 5 основных классов элементарных языковых знаков (различаемых по характеру означающего). Приведите примеры.

5. Что понимается под *представимостью* языкового знака через другие языковые знаки. Поясните на примерах.
6. Что понимается под *квазипредставимостью* языкового знака? Опишите основные типы квазипредставимости знака. Приведите примеры.
7. Перечислите основные критерии выделения словоформы.
8. Дайте определение понятия *клитика*. Назовите два основных позиционных типа клитик. Приведите примеры.
9. Перечислите не менее 5 типов языковых знаков, имеющих тенденцию реализовываться в виде клитик. Приведите примеры.
10. Приведите классификацию аффиксов, учитывающую их способность разрывать корень или быть разорванным корнем. Укажите относительную частотность выделенных классов. Приведите примеры.
11. Назовите два основных типа конфиксов. Сформулируйте общие закономерности расположения конфиксов по отношению к корню.
12. Перечислите 5 базовых различий между *корнями* и *аффиксами*.
13. Дайте определение *компози́та*. Объясните, что такое композиты в *сильном* и *слабом* смысле. В каких формах может выступать корень в составе композита? Укажите возможные порядки следования корней в композитах. Приведите примеры.
14. Перечислите 3 основных типа семантических отношений между корнями в композитах. Укажите традиционные (санскритские) названия этих типов. Приведите примеры.
15. Что характеризует *инкорпорацию* как особый тип композитов. Какую синтаксическую роль чаще всего выполняет модифицирующий корень по отношению к модифицируемому в инкорпоративном комплексе.
16. Что понимается под *иконичностью* редупликации. Охарактеризуйте семантический инвариант редупликации. Назовите (не менее 6) типов значений, для выражения которых в языках часто используется редупликация.
17. Дайте определение *конверсии* как особого типа элементарного языкового знака. Перечислите основные типы конверсий. Приведите примеры.
18. Назовите 4 базовых различия между *лексическими* и *грамматическими* значениями.
19. Дайте определение понятия *словоизменительная грамматическая категория*. Приведите примеры словоизменительных грамматических категорий из известных вам языков.
20. Дайте определение понятия *дериватема*. Приведите примеры дериватем.
21. Перечислите 4 базовых различия между *граммемами* и *дериватемами*.
22. Дайте определение *нулевого знака*. Перечислите требования, которыми предлагается обусловить введение в описание нулевых знаков.
23. Дайте определение *пустого знака*. Приведите примеры.

24. Объясните понятие *речевой акт (языковой факт)*, назовите основных его участников.
25. Объясните, что такое *сообщаемый факт* и его участники.
26. Дайте определение грамматической категории *Дейксис*. Приведите возможные в конкретных языках наборы ее граммем.
27. Дайте определение грамматической категории *Локализация*, укажите универсальный инвентарь ее граммем.
28. Дайте определение грамматической категории *Ориентация I*, приведите универсальный инвентарь ее граммем.
29. Дайте определение грамматической категории *Абсолютное время*. Приведите универсальный инвентарь ее граммем. Укажите возможные в конкретных языках наборы граммем этой категории.
30. Дайте определение грамматической категории *Относительное время*, приведите универсальный инвентарь ее граммем.
31. Назовите не менее 3 *синтаксических словоизменительных грамматических категорий*. Укажите для каждой из них возможные в конкретных языках наборы граммем.
32. Перечислите не менее 5 *семантических словоизменительных грамматических категорий*. Укажите для каждой из них возможные в конкретных языках наборы граммем.
33. Дайте определение грамматической категории *Финитность*. Перечислите основные *нефинитные* формы.
34. Дайте определение грамматической категории *Предикативность*, перечислите ее граммемы.
35. Перечислите не менее 5 различий в синхронических свойствах между *маркированными* и *немаркированными* языковыми элементами.
36. Перечислите не менее 4 различий в диахронических свойствах *маркированных* и *немаркированных* языковых элементов.
37. Объясните соотношение понятий *лекса*, *словоформа*, *аналитическая форма*.
38. Дайте определение понятий *лексема* и *вокабула*. Приведите примеры.
39. Дайте определение понятия *парадигма*. Приведите примеры.
40. Дайте определение понятия *дефектная парадигма*. Перечислите основные типы дефектных парадигм. Приведите примеры.
41. Перечислите 3 основных подхода к выделению *частей речи*. Укажите (кратко), в чем суть каждого из них.
42. Дайте определение *согласовательного класса*. Перечислите признаки, которые дают основания квалифицировать согласовательный класс как *грамматический род*. Укажите, в каких ареалах, в каких языковых семьях распространены грамматические роды.
43. Дайте определение *согласовательного класса*. Перечислите признаки, которые дают основания квалифицировать согласовательный класс как *именной класс*. Назовите, в каких ареалах, в каких языковых семьях распространены именные классы.

Примеры итоговых тестов

Тест 1

1. Перечислите *односторонние* объекты языковой модели.
2. Приведите классификацию аффиксов, учитывающую их способность разрывать корень или быть разорванным корнем. Укажите относительную частотность выделенных классов. Приведите примеры.
3. Определите понятие *дефектная парадигма*. Перечислите основные типы дефектных парадигм. Приведите примеры.
4. Объясните понятие *речевой акт* (*языковой факт*), назовите основных его участников.
5. Перечислите признаки, которые дают основания квалифицировать согласовательный класс как *грамматический род*. Укажите, в каких ареалах, в каких языковых семьях распространены грамматические роды.

Тест 2

1. Опишите формализм для представления языкового знака, используемый в модели «Смысл-Текст».
2. Перечислите основные критерии выделения словоформы.
3. Дайте определение *комполита*. Объясните, что такое комполиты в *сильном* и *слабом* смысле. В каких формах может выступать корень в составе комполита? Укажите возможные порядки следования корней в комполитах. Приведите примеры.
4. Дайте определение *пустого знака* и *нулевого знака*. Приведите примеры.
5. Дайте определение грамматической категории *Ориентация II*, перечислите универсальный инвентарь ее граммем.

Примечания

- ¹ См., к примеру, варианты программы этого курса, в разные годы вводившиеся на филологическом факультете МГУ им. М.В.Ломоносова: Плунгян В.А. Морфология // Программы и учебный план Отделения теоретической и прикладной лингвистики. М., 1996. С. 16-22; Он же. Общая морфология // Программы и учебный план Отделения теоретической и прикладной лингвистики. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: МГУ, 2002. С. 14-24

Основная литература

- Зализняк А. А. Русское именное словоизменение: с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. Ч. 1. М.: Языки рус. культуры, 2002. С. 19-100.
- Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. I. М.: Языки рус. культуры, 1997. Гл. II-IV. С. 107-239 (к теме 2); гл. V. С. 240-319 (к теме 4); гл. VI, С. 320-349 (к теме 5).
- Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. II. М.: Языки рус. культуры, 1998. Гл. I-III, С. 7-371 (к теме 4).
- Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. III. М.: Языки рус. культуры, 2000. Ч. IV. Гл. I-II, С. 159-296 (к теме 6).
- Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. IV. М.: Языки рус. культуры, 2001. Гл. I. С. 9-36 (к теме 2); гл. II-IV, С. 38-367 (к теме 3).

Дополнительная литература

- Задачи по лингвистике / Алексеев М. Е., Беликов В. И., Евграфова С. М., Журинский А. Н., Муравенко Е. В. Ч. 1. М.: РГГУ, 1991.
- Гринберг Дж. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Новое в лингвистике. Вып. V, М.: Прогресс, 1970. С. 114-162.
- 200 задач по языковедению и математике / Алпатов В. М., Вентцель Р. Д. и др. М.: МГУ, 1972.
- Журинский А. Н. Лингвистика в задачах. М.: Индрик, 1995.
- Зализняк А. А. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях. I // Зализняк А. А. Русское именное словоизменение: с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки рус. культуры, 2002. С. 613-647.
- Лингвистические задачи / Алпатов В. М., Вентцель Р. Д. и др. М.: Просвещение, 1983.
- Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990 (и последующие переиздания).
- Плунгян В. А. Общая морфология: введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
- Реформатский А. А. Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 1996.
- Сепир Э. Проблема именной инкорпорации в языках американских индейцев // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс-Универс, 1993. С. 355-385.
- Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М.: Изд-во лит-ры на иностранных языках, 1959.
- Якобсон Р. О. О структуре русского глагола // Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 210-221.
- Якобсон Р. О. Нулевой знак // Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 222-230.
- Matthews P. H. Morphology. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

Nida E .A. Morphology: The descriptive analysis of words. Ann Arbor: the University of Michigan Press. 1946 (и последующие переиздания).
Spencer A. Morphological Theory. An Introduction to Word Structure in Generative Grammar. London: Basil Blackwell, 1991.

Моделирование языка при автоматическом переводе (в рамках сущностного подхода к лингвистическому описанию)

Программа спецкурса для студентов-лингвистов

Предисловие

Данный курс может рассматриваться как продолжение и углубление курса «Проблемы и методы автоматического перевода», программа которого уже была опубликована (см. Московский лингвистический журнал, 2003, Том 7, №1. С. 125-154). Если в том курсе ставится задача возможно более широко охватить различные лингвистические подходы и формализмы, применяемые при создании систем автоматического перевода, рассматривая эти подходы и формализмы в их исторической перспективе и в сопоставлении друг с другом, то здесь более подробно и содержательно изучаются методы решения основных проблем автоматического перевода в рамках одного из разработанных в этих целях подходов – так наз. **сущностного подхода** к лингвистическому описанию. Данный подход целесообразно выделить в качестве предмета самостоятельного изучения, поскольку он составляет лингвофилософскую основу таких важных понятий и инструментов современной лингвистики, как система зависимостей, аппарат валентностей, компонентный принцип описания семантики и т.п. В то же время он позволяет непосредственно интерпретировать и эффективно использовать в лингвистическом описании отношения наследования, механизмы умолчаний и другие средства, выработанные в рамках объектно-ориентированного подхода в искусственном интеллекте и программировании и может рассматриваться как его принципиальный аналог применительно к лингвистике.

Подчеркнем, что содержание данного курса и курса «Проблемы и методы автоматического перевода» практически не пересекается, так что в принципе каждый из них может читаться независимо от другого. От слушателей данного курса ожидается только, что они уже знакомы с основными лингвистическими понятиями (в частности, владеют навыками построения представлений синтаксической структуры предложения

в терминах составляющих и зависимостей), а также знакомы с общим строением классической теории порождающих грамматик Н.Хомского и модели «Смысл \leftrightarrow Текст» И.А.Мельчука и А.К.Жолковского.

Курс рассчитан на 66 часов учебного времени и включает четыре основных части:

1) Общая модель языковой действительности и разграничение реляционного и сущностного подходов к описанию языка в целях АП;

2) Моделирование морфологических и морфолого-синтаксических аспектов языка при сущностном подходе к его описанию в целях АП;

3) Моделирование синтаксических и семантико-синтаксических аспектов языка при сущностном подходе его описанию в целях АП;

4) Моделирование семантики при сущностном подходе к описанию языка в целях АП.

Соответственно, он может читаться либо как единый годичный курс с зачетом после изучения первых двух его частей и с экзаменом в конце года, либо как два взаимосвязанных семестровых курса:

(1) Сущностный подход к языку и моделирование морфологических и морфолого-синтаксических аспектов языковой системы при АП;

(2) Моделирование семантико-синтаксических и семантических аспектов языковой системы при АП в рамках сущностного подхода к языку, каждый из которых завершается экзаменом. В таком варианте он читался, в частности, для студентов III-го курса ФТиПЛ РГГУ в 1994-1995 и 1997-1998 учебных годах).

В результате усвоения данного курса студенты должны, с одной стороны, получить понятие о лингвофилософских основаниях выделения сущностного подхода и о месте, которое он занимает среди различных направлений традиционного и современного языкознания с учетом общих представлений о языке и языковой деятельности, и, с другой стороны, усвоить конкретный понятийный аппарат данного подхода, изучить содержательные лингвистические критерии, выработанные в его рамках для определения общих и частных лингвистических оппозиций и категорий, в терминах которых может задаваться при этом подходе конкретно-лингвистическая информация различных уровней, и приобрести навыки организации и записи такой информации с помощью ряда конкретных формализмов, разработанных для этих целей в отечественных исследованиях по автоматическому переводу.

Соответственно, лекционные занятия в составе данного курса должны систематически сопровождаться семинарскими занятиями, на которых студенты тренируются в практическом применении сведений, полученных ими из лекций. Поэтому курс должен читаться в относительно немногочисленных группах – желательно не более 10 слушателей.

При оценке знаний студентов по данному курсу также необходимо учитывать как его теоретические, так и практические аспекты, включая в каждый экзаменационный билет один вопрос по теории рассмотренных лингвистических моделей и один вопрос по практическому описанию тех или иных языковых явлений в терминах изученных формализмов.

Программа

Часть 1. Общая модель языковой действительности и разграничение реляционного и сущностного подходов к описанию языка в целях АП

Тема 1. Стратификационные модели естественного языка в теории автоматического перевода

Стратификационная лингвистическая теория С.М. Лэма. Четыре уровня описания и три типа единиц, выделяемых на каждом уровне. Внутри- и межуровневые связи единиц разных типов. Порядок обработки текстов входного и выходного языков при моделировании перевода на основе данной модели.

Модель «Смысл \Leftrightarrow Текст». Понятие уровня представления текста и его отличие от аналогичного понятия стратификационной лингвистики С.М. Лэма. Основные уровни модели. Принципы дифференциации основных уровней на поверхностный и глубокий подуровни. Особенности реализации этих принципов применительно к морфологическому, синтаксическому и семантическому уровням.

Глубинно-синтаксический уровень представления текста в модели «Смысл \Leftrightarrow Текст». Особенности его лексики и синтаксиса. Соотношение глубоких и базовых синтаксических структур. Уровень базовых синтаксических структур как уровень языка-посредника при автоматическом переводе; достоинства и недостатки такого определения языка-посредника.

Уровень семантического представления текста в модели «Смысл \Leftrightarrow Текст». Его отличия от уровня семемных структур в стратификационной модели С.М. Лэма.

Компоненты описания языка в модели «Смысл \Leftrightarrow Текст». Словарь как полноправный и даже центральный компонент такого описания. Два возможных подхода к реализации этого принципа. Связь тезиса о центральной роли словаря в лингвистическом описании с рядом современных направлений в программировании и в исследованиях по искусственному интеллекту.

Лингвистические уровни, выделяемые в хомскианской теории языка. Их отличие от уровней стратификационных моделей.

Определение характера отношений между языковыми уровнями в работах Пражской лингвистической школы.

Тема 2. Основные функции языкового знака и общая модель лингвистической компетенции.

Принципиальное противопоставление языковой компетенции и языковой деятельности. Стабильность и вариативность той и другой. Проблема независимых оснований для модели языковой компетенции.

Определение модели языковой компетенции как многомерного лингвистического пространства, оси которого формируются логико-семиотическими функциями языкового знака. Основные из этих функций: обозначение, членение, обобщение. Их принципиальная несводимость друг к другу. Распределение лингвистических уровней по трем осям пространства языковой компетенции, соответствующим указанным функциям языкового знака.

Уровни оси обозначения. Соссюрианское понятие значимости и план собственно знаковой структуры языка. Соотношение плана собственно знаковой структуры с планами выражения и содержания. Интерпретация с точки зрения этого соотношения свойства асимметричного дуализма языкового знака и связанных с ним противопоставлений (вокабула vs. лексема, омонимия vs. смысловая неопределенность, синонимия vs. вариантность и др.). Степень нелинейности языковых структур в разных планах оси обозначения.

Основные уровни (ярусы) оси членения, выделяемые в рамках каждого из трех планов оси обозначения. Соотношение между собой ярусов, относящихся к разным языковым планам. Ярусы, выделяемые с учетом межплановых соотношений включаемых в них единиц, Уровни классических стратификационных моделей, соотносящиеся с осью членения.

Уровни оси обобщения в их отношении к планам оси обозначения. Теоретико-множественное объединение и пересече-

чение как два основных источника лингвистического обобщения. Глубинные и поверхностные подуровни модели «Смысл \Leftrightarrow Текст», с точки зрения оси обобщения.

Проблемы метрики языкового пространства. «Непараллельность» его основных осей и «несимметричность» переходов по каждой из них.

Тема 3. Моделирование языковой деятельности человека на базе трехмерного пространства языковой компетенции.

Языковая деятельность (языковое функционирование) как движение в пространстве языковой компетенции. Принципиальная множественность видов и моделей языкового функционирования.

Понятие языкового «центра». Лингвистическая избыточность, обусловленная частичным дублированием информации, относящейся к «центру» языка, в разных планах оси обозначения. Возможности варьирования видов и моделей языкового функционирования, связанные с этой избыточностью.

Три базовых модели анализа/синтеза, определяемые выбором основного для них плана оси обозначения. Специфика синтеза текста на основе плана выражения. Синтез на основе плана содержания и взаимодействие языка и мышления. Достоинства и недостатки анализа на основе плана содержания; опыт применения таких моделей анализа в прикладных системах обработки текстов. План собственно знаковой структуры как основа и анализа и синтеза при функционировании языка в режиме «текст-текст».

Варьирование направления движения по осям обобщения и членения как еще один источник множественности видов и моделей языкового функционирования. Обобщение/конкретизация и агрегация/сегментация при создании формализованных лингвистических описаний (моделирующем процессы первичного овладения языком), с одной стороны, и при обработке текстов на основе уже созданных лингвистических описаний (моделирующей понимание/порождение текстов на уже усвоенном языке), с другой.

«Анализ через синтез» и «синтез через анализ», с точки зрения осей обозначения, членения и обобщения.

Моделирование языковой компетенции в ориентации на конкретную задачу как «сужение» универсального лингвистического пространства применительно к этой задаче.

Тема 4. Общая формальная модель переводческой деятельности человека и проблемы автоматического перевода.

Перевод как языковая деятельность типа «текст–текст». Три вида собственно переводческих операций: поиск переводных эквивалентов для элементарных единиц перевода, формирование переводных эквивалентов для неэлементарных единиц перевода, межъязыковые преобразования.

Уровень осуществления собственно переводческих операций, с точки зрения оси обозначения. Виды языкового функционирования при переводе, связанные с движением относительно этой оси, и их моделирование в системах автоматического перевода. Возможности варьирования при переводе требуемой «глубины» анализа переводимого текста.

Обобщение / конкретизация в процессе перевода. Неполнота смысловых соответствий между оригиналом и переводом, ее возможные причины и основные пути ее преодоления. Три вида перефразирования при переводе: до-переводческое, после-переводческое и межъязыковое. Синтез и анализ при построении текста перевода. Редактирование текста перевода как необходимый компонент адекватной модели переводческой деятельности.

Уровни осуществления собственно переводческих операций, с точки зрения оси членения (проблема единиц перевода). Минимальные единицы автоматического перевода. Переводческая идиоматика и методы ее описания. Максимальные единицы автоматического перевода. Возможности и пределы их «минимизации» с учетом характера маркировки в языке структурных связей соответствующего уровня (яруса).

Основные типы знаний, необходимые в формализованном описании языка, моделирующем лингвистическую компетенцию человека, для поддержки автоматического перевода как модели его переводческой деятельности.

Тема 5. Реляционный и сущностный подход к организации лингвистических знаний при их формализованном описании.

Оппозиция «часть–целое» в языке и противопоставление реляционных и сущностных подходов к организации лингвистического описания. Соотношение обобщения и членения языковых единиц при описании синтагматических аспектов различных языковых уровней в рамках подходов того и другого типа. Преимущества и недостатки реляционного и сущностного способов лингвистического обобщения.

Понимание синтагматических отношений как свойств связываемых ими лингвистических сущностей. Роль эксплицитных и имплицитных повторов в организации синтагматической системы языка. Отображение языковой синтагматики в терминах валентностей лингвистических сущностей как основной механизм ее моделирования при сущностном подходе. Статус понятий валентности и валентностной модели управления применительно к различным планам оси обозначения. Валентности собственно знакового плана языка на различных уровнях (ярусах) членения.

Словарь и грамматика в реляционных и сущностных описаниях. Возможности и проблемы их согласования друг с другом и оптимизации их соотношения при расширении и корректировке лингвистического описания в целом.

Механизмы наследования и их роль в организации лингвистических описаний сущностного типа. Основные виды наследования, действующие на оси обобщения и на оси членения. Языковой «центр» и проблемы наследования «по оси обозначения».

Относительная трудоемкость реляционных и сущностных описаний в зависимости от их ориентации на максимально полный учет информации о каждой из охватываемых описанием словарных единиц (при возможной неполноте их инвентаря) или на максимально полное перечисление самих имеющих в языке словарных единиц (при возможной неполноте информации об отдельных единицах).

Общие принципы обработки текстов на основе формализованных лингвистических описаний, организованных в рамках сущностного подхода. Сущностный подход как естественная основа для интерпретации задач обработки текста как «задач удовлетворения ограничений».

Часть 2. Средства и методы моделирования морфологических и морфолого-синтаксических аспектов языковой системы при сущностном подходе к ее описанию

Тема 6. Разграничение морфологии и синтаксиса при их моделировании в целях автоматического перевода.

Ярусы морфологии и синтаксиса в рамках общей модели языковой компетенции и языковой деятельности человека. «Содержательные» и «формальные» критерии их разграничения. Место аналитического формообразования, с точки зрения этих критериев.

Проблема разграничения уровней оси членения (ярусов) в собственно знаковом плане естественного языка. Минимальные, максимальные и промежуточные единицы лингвистического яруса. Принцип гомогенности каждого лингвистического яруса относительно допустимых в его пределах лингвистических сущностей, отношений и процессов.

Рекурсивный критерий установления принадлежности языковых единиц к определенному ярусу лингвистического описания на основании принципа его гомогенности. Понятие безусловных сущностей яруса и специфических для него отношений и процессов. Общая схема установления принадлежности конкретной лингвистической сущности к сфере распространения того или иного яруса. Принципиальная возможность «пересечения» сфер распространения смежных ярусов при определении состава входящих в них лингвистических сущностей на основе данного критерия.

Конкретизация общей схемы рекурсивного критерия разграничения лингвистических ярусов применительно к ярусам морфологии и синтаксиса. Слово как единица, пограничная между данными двумя ярусами. Постулат о принципиальной конечности безусловно морфологических сущностей и потенциальной бесконечности синтаксических. Возможности его интерпретации в синтагматическом и в парадигматическом смыслах. Специфически морфологические и специфически синтаксические отношения и процессы, с точки зрения этого постулата.

Проблема разграничения слова и фразеологического сочетания слов. Некоторые возможности моделирования фразеологических словосочетаний, не допускающих внутренних перестановок, одновременно как морфологических и синтаксических сущностей.

Тема 7. Моделирование морфологических знаний и процедур при сущностном подходе к лингвистическому описанию.

Возможности применения понятия валентности при моделировании морфологических и морфонологических (морфографических) аспектов языковой системы в рамках сущностного подхода. Проблема активных и пассивных валентностей этих ярусов.

Морфонологические (морфографические) чередования и их описание в валентностных терминах. Словарь и грамматика графико-морфологических лингвистических сущностей.

Интерпретация общих словоизменительных категорий в терминах морфологических валентностей лексических основ.

Морфологические валентности аффиксов. Стандартная и нестандартная сочетаемость морфологических сущностей в валентностном описании морфологии.

Проблема лингвистической классификации словоизменительных категорий в свете требований компактности их представления в машинной форме. Соотношение этих требований с требованиями лингвистической адекватности описания.

Синтагматическая информация, релевантная для моделирования словоизменения. Организация этой информации в словаре и грамматике формализованного лингвистического описания с использованием механизмов наследования. Суммирующее наследование и наследование по умолчанию как основные из используемых здесь механизмов.

Морфологический анализ при сущностном подходе к описанию морфологии. Основные типы процедур такого анализа: сегментация анализируемой цепочки единиц выражения на ее минимальные подцепочки, допускающие собственно знаковую интерпретацию; переход к ее представлению на уровне морфологического яруса собственно знакового плана языка; верификация формируемых вариантов этого представления с учетом сочетаемости включаемых в них сущностей в пределах данного яруса. Неоднозначность сегментации и интерпретации графико-морфологических объектов и возможности ее устранения на морфологическом уровне.

Морфологический синтез при сущностном подходе к описанию морфологии. Словарь А.А.Зализняка как основа такого описания для русского языка. Лексико-морфологическая избыточность русского языка и определяемые ею отношения наследования морфологической информации от графико-морфологических сущностей, выделяемых в составе русских лексем, к самим лексемам. Графико-морфологическая грамматика русского языка, опирающаяся на инвентари конечных и начальных компонентов русских лексем. Использование этой грамматики для обработки лексем, отсутствующих в словаре, и для оптимизации общего объема словаря.

Тема 8. Моделирование морфолого-синтаксических аспектов языка на различных этапах автоматического перевода при сущностном подходе к лингвистическому описанию.

Морфолого-синтаксический ярус лингвистического описания как уровень, охватывающий область интерференции морфологии и синтаксиса. Основные виды морфолого-синтаксических сущностей.

Распространение аппарата морфологических валентностей на описание морфолого-синтаксической синтагматики как средство повышения устойчивости и надежности морфологических моделей. Устранение неоднозначности сегментации и интерпретации морфологических и графико-морфологических сущностей средствами данного аппарата. Механизм вытесняющего наследования и его использование при формировании морфологических представлений для морфолого-синтаксических аналогов словоформ.

Языки формальных лингвистических операторов/предикатов для описания морфолого-синтаксических явлений в процедурных терминах. Организация процедурных знаний, представленных в терминах таких языков, при сущностном подходе к лингвистическому описанию. Использование процедурных знаний морфолого-синтаксического уровня в целях анализа. Основные типы операторов (предикатов), служащих для снятия неоднозначности анализируемых единиц по их по линейному контексту. Примеры процедур данного типа.

Возможности и ограничения моделирования на морфолого-синтаксическом уровне процедур межъязыкового перехода. Линейная структура текста как объект перевода. Основные типы операторов (предикатов), требуемые для записи межъязыковых процедур морфолого-синтаксического уровня, и примеры самих процедур.

Языковая избыточность, связанная с линейной структурой текста, как основа для морфолого-синтаксического синтеза по неполной и/или неточной входной информации. Возможности такого синтеза для русского языка.

Часть 3. Средства и методы моделирования синтаксических и семантико-синтаксических аспектов языковой системы при сущностном подходе к лингвистическому описанию

Тема 9. Структуры зависимостей как основной вид представления языковой синтагматики при сущностном подходе к ее описанию. Лингвистические основания расстановки стрелок зависимостей.

Отношение <синтаксис–семантика> и его отличия от отношения <морфология–синтаксис> в трехмерной модели языковой компетенции. Двусторонний – «семантико-синтаксический» – характер конкретных синтагматических отношений синтаксического яруса в плане собственно знаковой структуры

языка. Синтаксические и семантические отношения как обобщение семантико-синтаксических отношений данного яруса.

Представление семантико-синтаксических отношений в терминах зависимостей и составляющих как проявление различия между сущностным и реляционным подходами к языковой синтагматике. Эндоцентрические и экзоцентрические конструкции при том и другом подходе. Требование древовидности структуры зависимостей для эндоцентрических конструкций.

Основные критерии расстановки и ориентации семантико-синтаксических зависимостей в представлении эндоцентрических конструкций. Критерии свертывания/развертывания словосочетаний, связанных стрелками зависимостей. Критерий семантической неотделимости. Критерий морфологического согласования. Критерий морфолого-синтаксического управления. Критерий семантического управления. Критерий структурной аналогии. Критерий автономной семантической интерпретируемости. Критерий трансформационной неотделимости. Критерий трансформационного подобия. Критерий максимальной проективности.

Применение имеющихся критериев расстановки и ориентации связей семантико-синтаксических зависимостей к материалу конкретных языков.

Представление в терминах зависимостей основных видов экзоцентрических конструкций. Сочинительные, спецификативные, анафорические зависимости. Структуры зависимостей для эллиптических конструкций.

Объединение различных типов зависимостей в составе единого графа и проблема его древовидности.

Тема 10. Зависимости и валентности.

Семантико-синтаксические валентности языковых сущностей как обобщение собственно знаковых зависимостей между текстовыми инстанциями этих сущностей путем разбиения множества таких зависимостей на классы эквивалентности. Основные принципы классификации текстовых зависимостей в этих целях. Требование однократной реализации валентностей в тексте. Условия допустимых нарушений этого требования. Трансформационный критерий классификации зависимостей. Критерий классификации зависимостей на базе компонентного анализа семантики связываемых ими сущностей.

Проблема актантов (комплементов) и сирконстантов (адьюнктов). Связь этой проблемы с ориентированностью от-

ношений зависимости в синтаксической структуре и с необходимостью выбора в качестве носителя актантной валентности на такое отношение только одной из двух связываемых им сущностей. Роль противопоставления актантов и сирконстантов в коммуникативной организации предложения и текста.

Понятие контр-актантной валентности. Противопоставление актантных и контр-актантных валентностей в его соотношении с противопоставлением актантов и сирконстантов. Синтаксические и семантические аспекты этого соотношения. Принципиальная конечность инвентаря и актантных и контр-актантных валентностей, сопоставляемых одному носителю.

Прямая и косвенная реализация валентностей. Понятие контекстного валентностного наследования.

Энциклопедическая информация и возможности ее представления в валентностных терминах. Понятие ассоциативных валентностей.

Внутрифразовые и межфразовые валентности.

Вероятностные и статистические сведения о языковой синтагматике при ее описании в терминах семантико-синтаксических валентностей.

Тема 11. Принципы организации семантико-синтаксических знаний о языковой синтагматике при сущностном подходе к ее описанию.

Основные виды лингвистических знаний, представляющие семантико-синтаксические аспекты языковой синтагматике при сущностном подходе к лингвистическому описанию.

Знания об отдельной валентности: семантическая интерпретация валентности; семантические требования к лингвистическим сущностям, способным заполнять эту валентность в тексте; варианты ее текстовой реализации.

Знания об отдельном варианте реализации валентности: направление текстовой зависимости, реализующей эту валентность, при данном варианте ее реализации; требования к аналитическому оформителю текстовой сущности, заполняющей эту валентность; требования к самой этой сущности; позиционные сведения. Три вида требований к заполнению валентностей: морфологосинтаксические, семантические, лексические. Виды позиционных сведений о варианте реализации валентности: позиционное соотношение сущности, заполняющей валентность, и ее аналитического оформителя друг с другом и с сущностью – носителем валентности; требо-

вания к текстовым сущностям, допустимых между ними; допустимость какой-либо из этих сущностей в качестве источника разрешенной непроективности.

Знания о соотношении между собой единиц, заполняющих отдельные валентности данной лингвистической сущности и/или сущностей, связанных с ней в структуре, в тех или иных вариантах реализации этих валентностей.

Формальные виды требований к описываемым лингвистическим сущностям: разрешения, запреты, исключения из запретов. Оценочная информация в составе таких требований.

Организация грамматических знаний семантико-синтаксического типа в виде иерархии статей грамматических лингвистических сущностей, связанных друг с другом и с лексическими сущностями отношениями наследования, Грамматические сущности, выделяемые в рамках оси обобщения (= классифицирующие грамматические признаки). Суммирующее наследование и наследование по умолчанию как основные механизмы наследования, действующие на этой оси. Грамматические сущности, выделяемые с учетом отношений членения в ярусах морфологии и синтаксиса (resp., морфологические и валентностные категории). Механизмы взаимодействия между наследником и наследодателем при их соотношении по оси членения.

Знания о семантико-синтаксических аспектах языковой синтагматики в статьях лексических сущностей. Собственно лексемы и идиоматические сочетания лексем: нестандартные механизмы наследования.

Тема 12. Семантико-синтаксические описания сущностного типа и их использование на различных этапах обработки текстов в целях автоматического перевода.

Проблема отбора знаний о языковой синтагматике, включаемых в конкретное лингвистическое описание, и увязки формального аппарата их представления в этом описании с характером осуществляемых на его основе процедур обработки текстов.

Формальные средства для записи синтагматической информации семантико-синтаксического типа в лингвистических описаниях, ориентированных на задачи анализа. Представление синтагматических отношений, устанавливаемых при анализе между лингвистическими сущностями анализируемого текста, как свойств этих сущностей – реализаций

их валентностей. Основные реляционные признаки (функции), используемые в этих целях. Представление синтагматической структуры как списка лингвистических сущностей с их реляционными признаками.

Возможности моделирования процедур выявления и обработки синтагматических структур семантико-синтаксического уровня операторными и предикатными средствами. Основные типы требуемых операторов (предикатов) и примеры процедурных описаний, записанных в их терминах. Универсальные алгоритмы анализа структур зависимостей на основе валентностного представления семантико-синтаксической синтагматики. Проблема интеграции универсальных процедур анализа с локальными операторными (предикатными) процедурами.

Структуры зависимостей и структуры составляющих на этапе межъязыкового перехода. Проблема «предпереводческого анализа» и «предпереводческого перефразирования». Основные типы межъязыковых знаний семантико-синтаксического уровня и их организация при сущностном подходе к лингвистическому описанию. Семантико-синтаксические условия выбора и формирования переводных эквивалентов для выделенных в переводимом тексте сущностей и отношений (структурных и позиционных).

Процедурные средства представления межъязыковых знаний семантико-синтаксического типа. Их соотношение с аналогичными средствами морфолого-синтаксического уровня. Возможности моделирования межъязыкового перехода «по умолчанию» на основе неполных сведений о семантико-синтаксической организации переводимого текста. Примеры записи соответствующих процедур.

Представление входной информации семантико-синтаксического уровня для целей синтеза при сущностном подходе к лингвистическому описанию. Этапы и проблематика синтеза при таком подходе.

Организация семантико-синтаксических знаний и процедур их использования в модели русского синтеза, реализующей данный подход. Возможности учета в этих целях словообразовательной структуры лексем. Формальный аппарат для их записи в этой модели. Примеры словарных и грамматических описаний, представленных в его терминах. Языковая избыточность и механизмы умолчаний синтаксического и семантико-синтаксического уровней. Механизм «семантико-синтаксического согласования» как средство снятия смысловой вариативности, связанной с не эксплицированными во вход-

ном представлении текста аспектами его содержания, по их «следам» (возможно, множественным) в его составе. Механизм «лексико-семантического согласования» и его использование при синтезе для моделирования «конкретизирующего перевода» в случаях семантической неопределенности (нерасчлененности) единиц оригинала. Соотношение этого механизма с понятиями лексических и энциклопедических функций

Часть 4. Средства и методы моделирования семантики при сущностном подходе к лингвистическому описанию

Тема 13. Общие требования к семантическому описанию при компонентном подходе к семантике

Компонентный подход к семантике и основные требования к аппарату семантического описания лингвистических сущностей. Постулат о «непрерывности семантической записи» и принцип членимости значений лингвистических сущностей. Принципы парадигматической и синтагматической системности семантических свойств лингвистической сущности. Семантические признаки, семантические падежи и семантические компоненты. Смысловая парадигматика и синтагматика лингвистической сущности в их соотношении друг с другом.

Основные типы семантической информации о лингвистической сущности: толкование, правила его контекстуальных модификаций, набор семантических классов, в которые входит данная лингвистическая сущность, семантическая интерпретация ее валентностей, семантические требования, предъявляемые ею к их заполнению. Взаимосвязь этих типов информации между собой.

Понятие идеальной системы элементарных семантических единиц. Требования к системе таких единиц: конечность инвентаря элементарных единиц, различных по своему сигнификативному содержанию, при бесконечности их комбинаторных возможностей; содержательность и полнота этого инвентаря; его минимальность; соотносимость элементарных семантических единиц с соответствующими им единицами естественного языка.

Принципы выделения элементарных семантических сущностей (семантических элементов). Индивидуализирующие и классифицирующие семантические элементы. Категориальные и энциклопедические семантические элементы.

Принципы выделения элементарных синтагматических семантических отношений. Ориентированные и неориентированные семантические отношения.

Соотношение семантических сущностей и синтагматических семантических отношений в идеальной системе элементарных семантических единиц.

Тема 14. Язык формальных толкований лингвистических сущностей.

Язык формальных толкований (ЯФТ) как средство представления парадигматических и синтагматических аспектов лингвистической семантики при сущностном подходе к лингвистическому описанию.

Словарь языка формальных толкований. Средства записи референциальных индексов и энциклопедических семантических сущностей. Категориальные семантические сущности и их валентности. Определение синтагматических семантических отношений как производных семантических единиц – «дериватов» категориальных семантических сущностей по соответствующим их валентностям. Парадигматические отношения включения и выводимости, определенные на множестве категориальных семантических сущностей и их дериватов. Основные категориальные семантические сущности языка формальных толкований. Сравнение их инвентаря с аналогичными инвентарями других семантических языков.

Коммуникативная организация элементарных синтагматических сочетаний семантических сущностей и отношений в формальном толковании. Понятие семантической коммуникативной организации такого сочетания. Три базовых коммуникативных режима: нексус, юнкция, реляция. Противопоставление нексуса и юнкции в естественно-языковом синтаксисе. «Синтаксические» лексические функции как естественно-языковой аналог режима реляции. Возможность рекурсивного комбинирования базовых коммуникативных режимов. Средства представления коммуникативных режимов в языке формальных толкований.

Понятие правильной семантической формулы и ее формальное определение. Механизмы наследования валентностей семантических формул, основанные на отношениях членения («от части к целому»). Парадигматические отношения между семантическими формулами: равнозначность, включение, выводимость, юнктивная деривация. Наследование свойств семантических формул на основе этих отношений.

Тема 15. Возможности использования языка формальных толкований для описания семантики в связи с задачами автоматического перевода.

Словарные и контекстуальные толкования языковых сущностей. Проблема омонимии и полисемии в формализованном описании лексики.

Толкования и семантическое представление текста.

Толкования и языковая парадигматика. Отношения синонимии, конверсности, семантической близости, логического следования. Понятия родо-видовых и валентностных лексико-семантических классов. Правила выведения признаков тех и других классов из толкований языковых сущностей.

Толкования и «семантическая грамматика». Наследование парадигматических и валентностных свойств языковых сущностей по семантическим основаниям. Основные типы грамматических сведений в словарных статьях категориальных семантических сущностей. Семантические требования к заполнению валентностей как один из видов этих сведений. Примеры толкований и семантических требований к валентностям конкретных лексических единиц.

Использование языка формальных толкований в сложных случаях структурного анализа, восстановления эллипсиса, перефразирования. Проблема контекстного валентностного наследования и связанного с ним семантического согласования «разноуровневых» актантов в предикатно-актантных конструкциях. Примеры описаний соответствующих явлений средствами рассматриваемого языка.

Семантические и прагматические явления, представляющие трудности для описания в терминах языка формальных толкований. Возможности дополнения этого языка процедурными средствами.

Литература

- Апресян Ю.Д. и др. Лингвистическое обеспечение системы ЭТАП-2. М.: Наука, 1989 (к теме 1); с. 43-45 (к теме 4); с. 40-59, 224-235 (к теме 8); с. 266-275 (к теме 11); с. 29-33 (к теме 12).
- Апресян Ю.Д. Толкование лексических значений как проблема теоретической семантики // Изв. АН СССР. Сер. лит.-ры и языка, 1969, Т. XXVIII, Вып. 1. С. 11-24 (к теме 14).
- Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967 (к теме 14).

- Арсентьева Н.Г. От семантических свойств слова – к поверхностно-синтаксическим: постановка задачи и результат машинного эксперимента // Научно-техническая информация. Сер.2. 1976. №9. С. 25-32 (к теме 15).
- Богуславский И. Исследования по синтаксической семантике. М.: Наука, 1985 (ко всему курсу).
- Вардуль И.Ф. Основы описательной лингвистики. М., 1977 (к теме 2).
- Вежбицка А. Семантические универсалии и «примитивное мышление». Толкование эмоциональных концептов // Вежбицка А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. С.291-319, 3288-341 (к теме 13).
- Есперсен О. Философия грамматики. М., 1957 (к теме 14).
- Железняков М.И., Невлева Т.Н., Новицкая И.М., Смирнова Л.Н., Цейтин Г.С.. Опыт построения модели типа «Текст -> действительность» с использованием ассоциативных сетей // Машинный фонд русского языка: предпроектные исследования. М., 1988. С.140-167 (к теме 9).
- Жолковский А.К., Мельчук И.А., Шаляпина З.М. Экспериментальный фрагмент англо-русского толково-комбинаторного словаря в процессе перевода. М., 1971 (к теме 4).
- Жолковский А.К., Мельчук И.А. К построению действующей модели языка «Смысл \leftrightarrow Текст» // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 11. М., 1969. С.5-35 (к теме 5); с. 5-35 (к теме 13).
- Жолковский А.К., Мельчук И.А. О семантическом синтезе // Проблемы кибернетики. Вып. 19. М., 1967. С.177-238 (к теме 12); с.177-238 (к теме 14).
- Засорина Л.Н., Берков В.П. Понятие валентности в языке // Вестник Ленинградского университета. Сер. истории, языка и литературы. Л., 1961. Вып. 2. № 8. С. 133-139 (к теме 5).
- Канович М.И., Шаляпина З.М. Аппарат R-отсылок как универсальное средство синтаксического синтеза (на опыте разработки системы русского синтеза RussLan) // Диалог 2006: Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции. М.: Изд-во РГГУ, 2006. С. 207-213 (к теме 12).
- Канович М.И., Шаляпина З.М. Лингвистическая избыточность как фактор организации лексико-морфологической базы в модели русского словоизменительного синтеза // ДИАЛОГ'95: Труды Международного семинара по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Казань, 1995. С. 133-139 (к теме 7).
- Канович М.И., Шаляпина З.М. Русский морфологический и морфолого-синтаксический синтез по неполной и/или неточной входной информации // Русский язык как иностранный: лингвистические проблемы. М.: ИКАР, 1997. С. 137-147 (к теме 8).
- Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Часть 2. М., 1965. С. 85-90 (к теме 2).
- Кацнельсон С.Д. О грамматической категории // Вестник Ленинградского университета. Сер. истории, языка и литературы. Л., 1948, № 2 (к теме 5).

- Кибрик А.Е. Критерии определения направления синтаксической связи в синтагме // Структурно-математические методы моделирования языка. Часть 1. Киев, 1970. С. 60-61 (к теме 9).
- Кибрик А.Е. О соотношении понятий синтаксического подчинения с понятиями согласования, управления и примыкания // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М.: МГУ, 1977. С. 161-179 (к теме 9).
- Козинский И.Ш. Некоторые грамматические универсалии в подсистемах выражения субъектно-объектных отношений. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1979 (к теме 3).
- Костыркин А.К. Применение технологий ограничений в синтаксическом анализе предложения // ДИАЛОГ 2000: Труды международного семинара по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 2. Прикладные проблемы. Протвино, 2000. С. 199-208 (к теме 5).
- Кулагина О.С. Исследования по машинному переводу. М.: Наука, 1979 (к теме 4).
- Лемб С.М. Стратификационная лингвистика как основа машинного перевода // Научно-техническая информация. 1964. № 10. С. 33-42 (к теме 1).
- Леонтьева Н.Н., Волковыская Е.В., Копылова О.В., Молчанова Т.В., Штернова О.А. Словарь энциклопедических функций и его роль в автоматическом индексировании // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1978. № 7. С. 23-29 (к теме 12).
- Леонтьева Н.Н. Автоматическое понимание текстов: системы, модели, ресурсы: Учеб. пособие для студ. лингв. фак. вузов. М.: Академия, 2006. 304 с (ко всему курсу).
- Мартемьянов Ю.С. К описанию текста: язык валентно-юнктивных эмфазных отношений // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 13. М.: МГПИИЯ им. М.Тореза, 1970 (к теме 14).
- Марчук Ю.Н. Проблемы машинного перевода. М.: Наука, 1983. С. 106-109 (к теме 8).
- Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М., 1978 (к теме 3).
- Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл \leftrightarrow Текст». М.: Наука, 1974. 314 с (ко всему курсу).
- Мельчук И.А. Уровни представления языковых высказываний и общее строение модели «Смысл \leftrightarrow Текст» // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск: НГУ, 1972 (к теме 1).
- Мишулич Л.И., Червоненкис А.Я. Специализированная диалоговая система // Вопросы разработки прикладных систем. Новосибирск, 1979. С. 111-129 (к теме 3).
- Модина Л.С., Шаляпина З.М. Графико-морфологическая грамматика японского языка в действующей модели анализа японских письменных текстов // Языки Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки: Материалы III Межд. конф. М.: МГУ, ИСАА, СПб.: СПбГУ, 1995. С. 120-123 (к теме 7).
- Модина Л.С., Шаляпина З.М. Лексико-грамматическая классификация японских лингвистических сущностей и ее функции в моде-

- ли японско-русского автоматического перевода ЯРАП // Языки Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки: Материалы IV Межд. конф. М.: МГУ, ИСАА, СПб.: СПбГУ, 1997 (к теме 12).
- Модина Л.С., Шалыпина З.М. Межъязыковые операции в модели японско-русского автоматического перевода ЯРАП // Электронные библиотеки и базы данных по истории Евразии в средние века. Вып. 7. М.: ИВ РАН, 1999. С. 172-231 (к теме 8).
- Модина Л.С., Шалыпина З.М. Принципы анализа японских текстов при моделировании японской лексико-морфологической системы // Диалог 1996: Труды международного семинара по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 1996. С. 169-174 (к теме 7).
- Модина Л.С., Шалыпина З.М. Принципы организации лингвистических знаний в объектно-ориентированной модели лексико-морфологической системы японского языка // Диалог 1995: Труды Международного семинара по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Казань, 1995. С. 198-205 (к теме 5); с. 198-205 (к теме 7).
- Нагао М., Цудзиси Дз., Накамура Дз. Машинный перевод с японского языка на английский // ТИИЭР. Труды Института инженеров по электротехнике и радиоэлектронике. 1986. Т. 74, №7. С. 114-118 (к теме 15).
- Нариньяни А.С. Формальная модель: общая схема и выбор адекватных средств // Препринт №107 ВЦ СО АН СССР. Сер. «Экспериментальная разработка формальной модели русского языка». Вып. 1. Новосибирск, 1978. 29 с (к теме 3).
- Падучева Е.В. Некоторые проблемы моделирования соответствия между текстом и смыслом в языке // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1975. №6. С. 548-559 (к теме 1).
- Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. М., 1974 (к теме 9).
- Попов Э.В. Общение с ЭВМ на естественном языке. М., 1982 (к теме 3).
- Пумпянский А.Л. Информационная роль порядка слов в научной и технической литературе. М.: Наука, 1974 (к теме 4).
- Ревзин И.И. Современная структурная лингвистика. Проблемы и методы. М.: Наука, 1977 (к теме 9).
- Севбо И.П. Графическое представление синтаксических структур и стилистическая диагностика. Киев: Наукова думка, 1981 (к теме 9).
- Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 31-273 (к теме 2).
- Танака Х., Мидзогути Ф. Система машинного перевода, учитывающая семантику // Дзёхо сери. 1985. Т.26, № 1. С. 1191-1196 (к теме 15).
- Шалыпина З.М. Три функции языкового знака и проблемы их отражения в лингвистическом описании // Проблемы функциональной грамматики. М.: Наука, 1985. С. 103-120 (к теме 2).
- Шалыпина З.М. и др. Об англо-русском многоаспектном словаре с грамматическим обеспечением // Вопросы информационной теории и практики. Сб. № 27. М: Советское радио, 1975. С. 64-87 (к теме 11).

З. М. Шаляпина

- Шаляпина З.М., Канович М.И., Костыркин А.В., Модина Л.С.* Лексико-синтаксическая информация в словаре для автоматического перевода (В рамках сущностного подхода к лингвистическому описанию) // Словарь в современном мире. Материалы Третьей международной школы-семинара. Иваново, 2000. С.117-121 (к теме 11).
- Шаляпина З.М., Канович М.И., Модина Л.С.* Экспериментальный комплекс ЯРАП как инструмент сопоставительных лингвистических исследований // Общее и восточное языкознание. Сб. науч. тр. М.: Современный писатель, 1999. С.64-79 (к теме 8).
- Шаляпина З.М.* Автоматический перевод как моделирование переводческой деятельности человека // Международный форум по информации и документации. 1980. Т.5, № 26. С.16-20 (к теме 4).
- Шаляпина З.М.* Англо-русский многоаспектный автоматический словарь (АРМАС) // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 17. М.: МГПИИЯ, 1974. С. 7-67 (к теме 11).
- Шаляпина З.М.* Грамматика и ее соотношение со словарем при словоцентрическом подходе к языку (на опыте формализованного лингвистического описания) // Вопросы языкознания, 1991. №5. С. 42-54 (к теме 5).
- Шаляпина З.М.* К проблеме коммуникативной организации текста и ее отражения в семантической записи // Вычислительная лингвистика. М.: Наука, 1976. С. 53-80 (к теме 14).
- Шаляпина З.М.* К проблеме моделирования языковой компетенции и языковой деятельности человека в рамках общей модели языковой действительности // Референция и проблемы текстообразования. М., 1988. С. 214-232 (ко всему курсу).
- Шаляпина З.М.* Межфразовые связи как способ реализации лексических валентностей // Аспекты изучения текста. М., 1981. С. 80-87 (к теме 10).
- Шаляпина З.М.* Многофункциональность аппарата лексических функций и некоторые возможности его применения и развития // Восток – Запад: Вторая международная конференция по модели «Смысл ↔ Текст». М.: Языки слав. культуры, 2005. С.447-457 (к теме 12).
- Шаляпина З.М.* О двух типах кореферентности валентностей в предикатно-актантных конструкциях // Типология конструкций с предикатными актантами. Л.: Наука, 1985. С. 46-50 (к теме 15).
- Шаляпина З.М.* О морфолого-синтаксическом статусе некоторых японских грамматических единиц (в связи с общими проблемами разграничения морфологии и синтаксиса в естественном языке // Актуальные проблемы японского языкознания. М.: Наука, 1986. С.69-103 (к теме 6).
- Шаляпина З.М.* Об одном возможном подходе к задаче анализа японских текстов при их автоматической обработке // Проблемы компьютерной лингвистики. Минск., 1997. С. 110-144 (к теме 8); с. 110-144 (к теме 12).
- Шаляпина З.М.* Об одном подходе к выделению фразеологических

- единиц в связи с задачами автоматической обработки текстов // Фразагеография в машинном фонде русского языка. М.: Наука, 1990. С. 188-195 (к теме 6).
- Шаляпина З.М. Об одном способе формализации понятия лингвистической нормативности в целях автоматической обработки текстов // Формальное представление лингвистической информации. Новосибирск, 1982. С. 20-37 (к теме 10).
- Шаляпина З.М. Об одном формализме для записи толкований слов и словосочетаний // Обработка текста и когнитивные технологии. Вып. 1. М., Пуцдино, 1997. С. 73-110 (к теме 14).
- Шаляпина З.М. Оппозиция «часть-целое» и сущностный подход к моделированию языковой компетенции // Роман Якобсон: тексты, документы, ис следования. М.: РГГУ, 1999. С. 541-551 (ко всему курсу).
- Шаляпина З.М. Семантико-синтаксический анализ в системе англо-русского автоматического перевода (АРАП). М., 1974. 58 с. (Публ. проблемной группы по экспериментальной и прикладной лингвистике, вып. 47) (к теме 12).
- Шаляпина З.М. Семантические элементы как основа лексикографического описания: общие принципы и формальный аппарат // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 15. М., 1972. С. 54-98 (к теме 13).
- Шаляпина З.М. Синтаксис и семантика в системе англо-русского автоматического перевода АРАП // Актуальные вопросы практической реализации систем автоматического перевода. Часть 1. М.: МГУ, 1982. С. 184-204 (к теме 9).
- Шаляпина З.М. Словарь как единая форма организации формализованного лингвистического описания // Proceedings of the Fourteenth International Congress of Linguists. Berlin: Akademie-Verlag, 1991. P. 1244-1247 (к теме 5).
- Шаляпина З.М. Текст как объект автоматического перевода // Текст и перевод. М.: Наука, 1988. С. 113-129 (к теме 4).
- Шаляпина З.М. Формальный язык для записи толкований слов и словосочетаний // Проблемы кибернетики. Вып. 36. М.: 1979. С. 247-278 (к теме 14).
- Allerton D.J. Valency and the English Verb. L.: Academic Press, 1982 (к теме 10).
- Bever T.G., Katz J.J., Langedoen D.T. An integrated theory of linguistic ability. Hassocs (Sx.), 1977 (к теме 1).
- Chomsky N. Aspects of the theory of syntax. N.Y., 1965 (к теме 2).
- Danes F. On Linguistic Strata (Levels) // Travaux linguistiques de Prague. 4. Prague, 1971. P. 127-143 (к теме 1).
- Helbig G. Zum Status der Valenz und der semantischen Kasus // Deutsch als Fremdsprache, Leipzig, 1979. H.2. S.65-78 (к теме 10).
- Helwig P. Dependency unification grammar // Proceedings of COLING 1986. Bonn, 1986. P. 195-198 (к теме 10).
- Chauché J. Les systèmes ATEF et GETA // T.A. Informations. 1975. №2. P.21-39 (к теме 8).
- Jäppinen H., Lehtola A., Valkonen K. Functional Structures for Parsing

- Dependency Constraints // Proceedings of COLING 1986. Bonn, 1986. P. 461-463 (к теме 9).
- Ružicka R. Three aspects of valence // Valence, semantic case and grammatical relations. Amsterdam: John Benjamins, 1978. P. 47-53 (к теме 10).
- Sakamoto Y., Ishikawa T., Satoh M. Concept and Structure of Semantic Markers for Machine Translation in Mu-Project // Proceedings of COLING 1986. P. 13-19 (к теме 14).
- Schmidt P. Valency Theory in a Stratificational MT-System // Proceedings of COLING 1986. Bonn, 1986. P. 307-312 (к теме 10).
- Sgall P. Zur Frage der Ebenen im Sprachsystem // Travaux linguistiques de Prague. 1. Prague, 1966. P. 95-106 (к теме 1).
- Sgall P. Cases in a stratificational description // Prague Studies in Mathematical Linguistics. 3. Praha, 1972. P. 201-211 (к теме 13).
- Somers H.L. On the validity of the complement-adjunct distinction in valency grammar // Linguistics. 1984. Vol. 22. №4. P.507-530 (к теме 10).
- Somers H.L. The need for MT-oriented versions of Case and Valency in MT // Proceedings of COLING 1986. Bonn, 1986. P. 118-123 (к теме 10).
- Starosta S., Nomura H. Lexicase Parsing: A Lexicon-driven Approach to Syntactic Analysis // Proceedings of COLING 1986. Bonn, 1986. P. 127-132 (к теме 5).
- Trnka B. On the linguistic sign and the multilevel organization of language // Travaux linguistiques de Prague. 1. L'École de Prague d'aujourd'hui. Prague: Academia, 1966. P.33-40 (к теме 1).
- Vater H. On the possibility of distinguishing between complements and adjuncts // Valence, semantic case and grammatical relations. Amsterdam: John Benjamins, 1978. P. 21-45 (к теме 10).
- Wierzbicka A. Semantic primitives // Linguistische Forschungen, Band 22. Frankfurt, 1972. 235 p (к теме 13).
- Yokoyama Sh., Hanakata K. Conceptual Lexicon Using an Object-Oriented Language // Proceedings of COLING 1986. Bonn, 1986. P. 226-228 (к теме 11).
- Zernik U., Dyer M. Disambiguation and Language Acquisition through the Phrasal Lexicon // Proceedings of COLING 1986. Bonn, 1986. P. 247-252 (к теме 5).

Пиктский памятник «30 бруде» в свете общих проблем ранней эпиграфики

Почти двухвековое изучение истории и языка народа, известного под условным обозначением «пикты», как это ни странно, дало поразительно мало общепризнанных интерпретаций дошедших до нас более, чем скудных сведений, в том, что касается их языка и этнической принадлежности. Относится это и к более общим проблемам (были пикты индоевропейцами или нет), и к частностям (прочтения отдельных текстов, записанных огамическим или латинским письмом). Как мы уже отмечали [Михайлова 2000], принципиальная невозможность надежной реконструкции языка и культуры пиктов осознавалась практически всеми, кто в той или иной степени затрагивал данную проблематику. Более того, сам Р.А.С.Макалистер, который еще в 1940 г. решился дать положительное прочтение пиктских надписей [Macalister 1940], сам же позднее называл проблему пиктов «кошмаром британской этнологии» [Macalister 1996, p. 47].

Ввиду недостаточности археологических и языковых данных о пиктах, и при почти полном (к нашему удивлению) отсутствии надежных антропологических описаний имеющихся погребений, этно-лингвистическая атрибуция пиктов действительно во многом определяется либо изначальной убежденностью исследователя, либо тем конкретным материалом, с которым он предпочитает работать в первую очередь. Так, анализ топонимики дает скорее бриттские данные, имена королей и знаменитые загадочные «пиктские символы» – обычно ставят всех в тупик, а их звериный орнамент напоминает скифо-сарматский. Невольная предубежденность, как нам кажется, в данном случае вполне объяснима, однако мы полагаем, что ее влияние не должно распространяться за рамки собственно интерпретации имеющихся данных. Понятным также является и невольное нежелание «замечать» материал, в концепцию исследователя не укладывающийся. Однако, как мы с удивлением обнаружили, при работе с «пиктским мате-

риалом» нередко случаи его достраивания, пренебрежения существенными деталями или даже их искажения, – как мы полагаем также невольные, – но при этом все же странные и досадные. Приведем несколько примеров.

Так, в книге Энтони Джексона, посвященной описанию, анализу и систематизации пиктских символов, содержится раздел «Огам и язык пиктов» [Jackson 1984, p. 174-200]. Основная идея автора состоит в том, что огамические знаки пиктов, в отличие от гойдельского огама, должны были передавать не звуки, организованные в слова, а числа календаря, причем – календаря лунного. Естественно, поэтому исходным числом у него получается число 28, а количество штрихов в каждой надписи должно быть кратно семи. Расположение штрихов, таким образом, соответствует уже не традиционному огамическому буквенному коду (для которого, отметим, маркированным является число 5), но некоей особой нумерологической символике. Джексон тщательно анализирует и детально расписывает 36 надписей, естественно, принимая во внимание, что многие из них значительно повреждены, иными словами – у многих оказывается отбитым верх, и ответить на вопрос, сколько именно знаков было на камне изначально, часто просто невозможно, ввиду темноты самого текста сохранившейся надписи. Но именно это дает Джексону право и основание с легкостью достроить надпись до нужного ему числа штрихов-символов. Не менее свободно обращается он и со словоделением надписи, хотя именно в пиктском огаме, в отличие от традиционного ирландского, кроме часто условных и не всегда надежных пробелов между «словами», обычно уже ставились точки-маркеры.

Концепции Э.Джексона не принято принимать всерьез, о чем свидетельствует и скандально-полемический тон, которым написана его книга. Однако, такое же пренебрежение к практическому материалу мы встречали и в работах гораздо более серьезных исследователей языка пиктских надписей. Так, в свое время В.П.Калыгиным нам был предоставлен во временное пользование отпечаток статьи К.Форсайт, лично подаренный ею. Работа посвящена анализу пиктской огамической надписи, нанесенной на круглый плоский камень-кольцо, обнаруженный во время раскопок 1970 г. в погребении на Оркнейских островах (см. рис. 1а). Огам написан вдоль кольцевой оси и, по предположению К.Форсайт, должен читаться против часовой стрелки. При таком чтении «расшифровывается» древнеир-

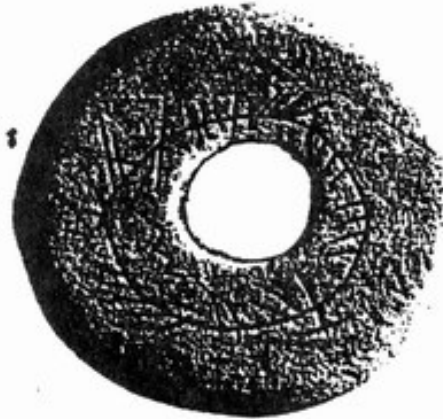

рис. 1а

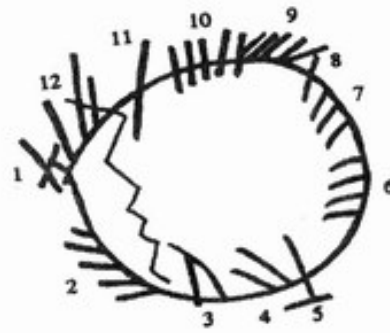

рис. 1б

ландский текст BENDDACT ANIM L «благословение имени эЛЬ». Все исследование выполнено очень основательно, даны параллели из близких по содержанию надписей, характерных для древнеирландской монастырской традиции, фоном к работе выступает не менее тщательно описанный археологический материал. Лежащая в основе концепции Форсайт идея, что надпись должна читаться против часовой стрелки, аргументируется ею особо, что вполне естественно, так как хорошо известно, что «счастливым» направлением в древне-кельтской традиции (да и не только в ней) было направление по часовой стрелке. Как она пишет, «в ирландском языке *dessel* означает направление "по солнцу" или "направо", а также имеет вторичное значение "удача, благоприятное положение", причем аналогичное значение наблюдается и в других кельтских языках» [Forsyth 1995, p.683]. Возможное чтение в противоположную сторону объясняется ею довольно сложным образом: по ее мнению, каменное кольцо-амулет не было положено поверх трупа, но покойный носил его еще при жизни в качестве оберега надписью, видимо, наружу. При этом текст «для него» виртуально прочитывался по часовой стрелке, как если бы он был прочерчен, например, на стекле или прозрачной пластмассе. В принципе, такое странное объяснение кажется все же возможным, однако взгляд на саму надпись ясно показывает, что это не так: на камне очень отчетливо видна прочерченная резчиком круговая ось (см. рис. 1б), характер штриха которой, более глубокий в начале и мелкий к концу, ясно показывает, что движение совершалось именно по часовой стрелке. Более того, то же можно сказать и о самих огамических знаках. Характер их расположения на оси ясно показывает, что резчик разместил их не очень точно, и к концу у него осталось свободное место (по интерпретации К. Форсайт это должен был бы быть

To Victor from Katherine
Actually, I'm rather doubtful myself.
Any ideas?

28 November 1999

Glasgow

рис. 2

неоправданный пробел между 1-м и 2-м знаками, т.е. между В и Е).

Однако, будучи честны по отношению к Форсайт, отметим, что на подаренном ею В.П.Калыгину оттиске помещена очень интересная посвятельная надпись (см. рис. 2). Надпись выполнена латинским курсивом, язык надписи – предположительно английский. Восстанавливается следующий текст: «To Victor from Kath [нрзб., предположительно – Katherine]. Actually, I am rather doubtful myself. Any ideas?». Что для нас особенно важно, надпись датирована 28 ноября 1999 г., Glasgow, причем аутентичность надписи и датировки подтверждаются нашими сведениями о том, что в ноябре 1999 г. В.П.Калыгин действительно находился в Шотландии. Сомнения, которые испытывала К.Форсайт в конце 1999 г., предстают особенно значимыми на фоне того, что в 1997 г. в своей книге «Язык в стране пиктов», снабженной задиристым подзаголовком The case against 'non-Indo-European' Pictish, она достаточно уверенно пишет об этой же надписи – «этот текст следует читать задом наперед» [Forsyth 1997, p. 36].

Аналогичное пренебрежение к чисто палеографической работе с материалом, как нам кажется, встречается и при анализе известной латинской надписи на так называемом «Дростеновом камне» (Drosten Stone) (см. рис.3). Надпись выполнена латинским полу-курсивом, разделена на четыре строки, датируется IX в. и находится в хорошем состоянии. Общепринятым считается следующее ее прочтение: (1)DROST-EN (2)IPEUORET (3)ETTFOR (4)CUS. На эту надпись в свое время опирался еще Р.Макалистер в своих попытках реконструкции пиктского «словаря», и слово ipe в данном случае переводимое им предположительно как «племянник, сын сестры» было для него очень важным. Он предлагал следующее членение тек-

ста – DROSTEN IPEUOR ETETTFOR CUS, и в целом надпись трактуется им следующим образом: «Дроста – его племяннику – ему Эттету – ему крест» (надпись действительно выполнена на основании креста). Данное членение текста на слова кажется нам все же странным, поскольку при этом возникают «перебивки» через строку, совершенно неоправданные и вызывающие особое удивление на фоне того, что на камне совершенно отчетливо видны разделители-маркеры в виде групп из трех равноудаленных точек. Причем эти маркеры присутствуют и в прориси, сделанной самим же Макалистером (см. [Macalister 1940, p. 195])!

«Прочтения» Макалистера и его «финская теория» происхождения языка пиктов в настоящее время почти не имеют последователей, однако предположительная апеллятивная природа слова IPE отмечалась и в классической работе К. Джексона, который видел в нем слово не-кельтского и, более того, не-индоевропейского происхождения [Jackson 1955, p. 140]. Тем не менее, совершенно новая и смелая интерпретация этой надписи была предложена современным шотландским исследователем Т. Кланси, который предположил, что это слово следует расчленить и прочесть P как R, что в целом приводит его к следующему прочтению: DROSTEN I RE UORET ETT FORCUS – «Дростен во время (ирл.!) Ворета и Форкуса» [Clancy 1993]. Более того, такое прочтение дает ему основание датировать надпись временем правления пиктского короля Вурада сына Баргота, который, согласно «Пиктской хронике», правил с 839 до 842 г. Не говоря уже о том, что такое прочтение, как отчасти пони-

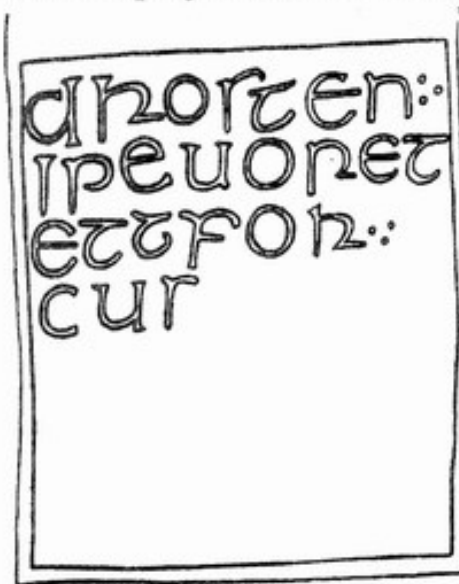

рис. 3

мает и сам автор, с большим трудом согласуется с реконструируемыми им же самим именными парадигмами пиктского языка, оно не представляется разумным именно по причине наличия в надписи все тех же разделительных маркеров, которые Т.Кланси почему-то просто предпочитает не замечать! Иными словами, вся его серьезная аргументация и все его интересные рассуждения лингвистического и исторического характера рассыпаются в прах, стоит лишь взглянуть на саму надпись!

Мы смеем предположить, что аналогичное нежелание вчитываться в сам текст, смотреть прежде всего на оригинал, руководило и рядом исследователей, анализировавших знаменитый список «30 бруде» из так называемой «Пиктской хроники».

Этот памятник предположительно был составлен в конце VI – начале VII в., как полагал Э.МакНил – в монастыре в Абернети (Abernethy [MacNeill 1940, p. 15]). Оригинал, естественно не сохранился, и в настоящее время мы располагаем несколькими списками, различающимися по объему (некоторые – крайне фрагментарны). Реконструируемый текст «Пиктской хроники» был написан в основном на латыни и содержал список королей, начиная с мифического предка Круитни (Cruithne, кстати – ирландское обозначение пиктов), и кончая вполне исторической фигурой – королем Кеннетом сыном Альпина, который в 871 г. отказался от титула *rex pictorum*, положив тем самым начало рождению уже собственно Шотландии. Отдельные фрагменты списков пиктских королей встречаются также и в ирландской обработке (в осн. в «Желтой книге Лекана» и в «Книге Баллимота XIV-XV вв).

Собственно перечни пиктских королей, которые и принято называть «Пиктской хроникой», дошедшие в нескольких списках (основных – 7), принято делить на три раздела (или – секции), не равноценные с точки зрения исторической (см. об этом подробнее – [Wainwright 1955, p. 16-18]). Раздел 1 открывается упоминанием о правлении эпонимического предка Круитни, следом за которым правили его семь сыновей, на смену которым пришли еще 6 или 7 также мифических правителей. Раздел 2, который содержится только в трех рукописях и который как раз и является объектом нашего интереса, представляет собой список из «30 бруде», которые правили в общей сложности 150 лет. За этим списком в данных рукописях следует уже собственно исторический перечень пиктских королей, находящий верифицирующие параллели и в ирландских хрониках (в основном – «Ульстерских анналах»). В рукописях, в которых нет списка 30 бруде, «исторический» перечень следует обычно непосредственно сразу за мифическими предками и загадочных «30 бруде» в них просто как бы вообще не существует. С точки зрения хронологической, говоря очень условно, время правления 30 бруде попадает примерно на период с сер. VII в. до конца V в. до н.э., что в итоге помещает время правления мифического Круитне уже в начало 2 тыс. до н.э. Но, естественно, не следует это понимать буквально.

Список «бруде» интересен и как историографический фе-

номен, и как материал для лингвистического анализа, т.к. содержащиеся в нем пиктские имена поразительно необъяснимы и имеют подозрительную «неиндоевропейскую» окраску. Можно также вспомнить, что Бруде – было именем пиктского короля, который по свидетельству Бэды Достопочтенного в конце VI в. принял от св. Колума Килле христианство, говоря с ним при этом через переводчика (об этом пишет также и Адамнан и практически нет ни одной работы о языке пиктов, в которой не упоминался бы этот знаменательный и показательный, навязший в зубах эпизод!). Однако, сейчас мы хотели бы остановиться лишь на самом принципе организации этого списка и, описав существующие его интерпретации, предложить нашу, строящуюся на неожиданной ирландской параллели. Собственно говоря, всего лишь ради двух слов, которые мы назовем в конце, мы и пускаемся в столь пространные рассуждения.

Итак, список «30 бруде» организован довольно странным образом: он состоит из 15-ти пар имен «бруде» ('вождей, королей?'), причем каждое второе имя снабжено префиксом *ur-*, например: *brude Pant, brude Urpant, brude Leo, brude Urleo, Brude Gant, Brude Urgant, Brude Cal, Brude Urcal...* Надо отметить, что обозначенный в рукописи список 30 бруде, как и принято его называть, на самом деле состоит из 28 (29?) имен и, соответственно, 14, а не 15 пар (одна «пара» считается выпущенной при переписывании). Время правления этих королей – 150 лет, т.е. на каждого приходится в среднем 5 лет правления.

Такое странное расположение имен, естественно, всегда привлекало к себе внимание, и уже в 1940 г. Э.МакНил предположил, что «эта дубликация возникла, видимо, в результате удвоения прежнего списка из 15 королей, поскольку список завершается словами: *regnauerunt cl. annis ut diximus*. Список мог стать результатом деятельности наивного историка, для которого срок в 150 лет казался слишком длинным и он предположил, что их было вдвое больше и каждый правил в среднем пять лет, а не десять» [Macneill 1940, p. 12]. Значение префикса *ur-* он еще никак не объясняет, однако его главная идея – королей было не 30, а 15 – считается в настоящее время общепринятой.

Именно так рассматривается список бруде и в вышедшей недавно книге П.Дунбавина «Пикты и древние бритты», однако более чем настоятельное желание автора непременно увидеть в реликтах пиктского языка финно-угорский субстрат, приводит его к следующему объяснению: «Префикс *ur-* заставляет

вспомнить финское *uros* 'муж', а также *urho* 'герой' и *urhea* 'храбрый'; список в целом должен читаться следующим образом: *Бруде Гест, Бруде Герой-Гест, Бруде Понт, Бруде Герой-Понт* и т.д.» [Dunbavin 1998, p. 34].

Данная интерпретация, особенно на фоне системы доказательств в книге Дунбавина, наверное, не должна рассматриваться как серьезная. В настоящее время общепринятой является интерпретация, предложенная в 1983 г. Дж.Куком [Koch 1983] и принятая, что для нас важно, А.А.Королевым [Калыгин, Королев 1989, p. 200]. Согласно этой теории префикс *ur-* восходит к **weg-* 'после, на, через' (ср. ирл. *for*), и список «бруде» в целом должен быть перекомпанован следующим образом: *ur gest brude, pont brude, ur pont brude, leo brude* etc. – «после Геста короля Понт король, после Понта короля Лео король...». Имена собственные при этом, однако, предстают как неизменные, в чем Кук видел проявление ранней апокопы и упрощения падежной парадигмы.

Тот ху. 28. xv. fivaid xxiii.
 Totcolguta ch. lxxv. denleam. c.
 olfricta. lx. iudid gaed hiecha
 ch. i. Totgura ch. xl. Vurgvst
 xxx. **B**undebont. uq. xxx. hu
 de regnaimo libina r allnia
 p centi. l. anoz qaa. xl. vna
 nis regu. i. hute pnt. b. urpar
 b. leab. leo. b. meo. b. gant b
 urgant. b. guch. b. urguith. b
 fecir. b. urfecir. b. cal. b. urcal. b
 cuit. b. urcut. b. fec. b. urfer. b
 ru. b. eru. b. gant. a. urgart. b. and
 b. uruid. b. iup. b. x. urup. b. grid
 burgrid. b. mud. b. uruid.

Glgrid. c. l. ai. reg. tharam
 c. moileo. xv. deoaimd
 xl. amiod. anis. arwis. vii. beo
 oia. l. hieidhmad. v. acotric. fi
 tm. xl. v. anbucl. xxx. amiofr
 xl. deo. artuicis. xx. diti. l. ru. c
 Taktiaithioe. A quo gartuam. in
 regna. vere. y. a. reg. b. rech. ai.
 bucha. vii. v. ipig. uanec. xxx
 ai. reg. samuadchama. iii. ai.

рис. 4

Данная интерпретация выглядит очень убедительной, однако сам текст перечня королей, если взглянуть в него пристально, заставляет все же в ней усомниться. В так наз. рукописи А, наиболее полной версии «Пиктской хроники» он дословно, если «вчитаться» в факсимильное воспроизведение соответствующей страницы (см рис. 4), выглядит следующим образом:

i. brude pant. b. urpant / b. leab.
 leo (?). b. uleo. b. gant b / urgant. b. gui-
 th. b. urguith. b / fecir. b. urfecir. b. cal.
 b. urcal. b / cuit. b. urcut. b. fec. b. ur-
 fec. b / ru. b. eru. b. gart. brugart. b.
 cinid / burcinid. b. iup. bruriup. b. grid /
 b. irgrid. b. mud. b. urmud [Wainwright
 1955, p. 96].

Т.е. сам характер словоделения, точки-маркеры, а также в целом расположение имен в списке и сам факт, что слово *brude* открывает его, а не замыкает, показывает, что концепция Дж. Кука не соответствует, по крайней мере – позиции фиксатора

данного текста (отчасти, отметим это понимал и он сам, полагая, что изначальный текст списка мог быть устным «распевом»). Но уместно ли говорить о том, что «было на самом деле», если речь идет о мифических правителях?

Означает ли это, что мы склонны вернуться к идее, что этих правителей-бруде было все-таки 30 (28)? Наверное, нет. Идея увидеть в нем нечто совершенное новое была подсказана нам совершенно случайно, когда в тексте русского перевода саги «Видение Фингена» мы вдруг наткнулись на сходную пару имен: «...пал [...] от руки Голла и Ирголла»¹. В примечании к этому месту С.В.Шкунаевым сказано скупно: «Голл и Ирголл – вожди фоморов» [Шкунаев 1991: 266].

Мы не склонны, конечно, прямо отождествлять пиктов с фоморами, легендарным населением Ирландии, обитавшем, согласно преданию, на острове до его заселения другими племенами, но не содержится ли в списке их правителей аналогичный намек на достаточно распространенный архаический институт *парного правления*?

Примечания

¹ В оригинале: *dorochair [...] for Goll 7 Irgull* [AF, p. 330].

Литература

- Калыгин В.П., Королев А.А. Введение в кельтскую филологию. М., 1989.
- Михайлова Т.А. К проблеме реконструкции языка пиктов (предварительные замечания) // Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия. Доклады и тезисы международной конференции. М., РГГУ, 2000.
- Шкунаев 1991 – Предания и мифы средневековой Ирландии / Пер. и прим. С.В.Шкунаева. М., 1991.
- AF – *Airne Fingein* / Ed. J.Vendryes. Dublin, 1953.
- Clancy T. The Drosten Stone: a new reading // *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland*. Vol. 123, 1993.
- Dunbavin P. *Picts and Ancient Britons. An Exploration of Pictish Origins*. Oxford, 1998.
- Forsyth K. The Ogam-inscribed spindle-whorl from Buckoy: evidence for the Irish language in pre-Viking Orkney? // *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland*. Vol. 125, 1995.
- Forsyth K. *Language in Pictland. The case against 'non-Indo-European Pictish'*. Utrecht, 1997.

T. A. Михайлова

Jackson K. The Pictish Language // The Problem of the Picts. New York, 1955.

Jackson A. The Symbol stones of Scotland. Orkney Press, 1984.

Koch J. The loss of final syllables in Brittonic // BBCS, vol. 30, 1983.

Macalister R.A.S. The Inscriptions and Language of the Picts // Essays and Studies presented to Professor Eoin MacNeill. Dublin, 1940.

Macalister R.A.S. The Archaeology of Ireland. London, 1996 (1949).

MacNeill E. The language of the Picts // Yorkshire Celtic Studies. Vol. II. 1940.

Wainwright F.T. The Picts and the problem // The Problem of the Picts. New York, 1955.

Об анализе новеллы А.Алле
в восьмой главе («Lector in Fabula»)
книги Умберто Эко
«The Role of the Reader»

В середине 1990-х годов (более точную дату уже не помню) в «Институте Открытое Общество» (который мы тогда чаще называли просто «Фондом Сороса») мне предложили перевести на русский язык с английского книгу Умберто Эко «The Role of the Reader» [Есо 1979b]. От дополнительного заработка отказаться было трудно, и я согласился, надеясь, что «малой кровью» совмещу приятное с полезным: расширю свои познания в семиотике. Но чем больше я втягивался в эту работу, тем больше возникало проблем. На преодоление их ушло много времени. Русский перевод был опубликован лишь в 2005 году [Эко 2005].

Работа над этим переводом стала для меня своего рода школой. В книге Эко было много такого, чего я до того не знал или знал весьма приблизительно – и в таком же положении оказалось бы, по-моему, большинство российских читателей этой книги. Поэтому, по завершении перевода, я написал довольно длинное, листа на четыре, «Предисловие переводчика», которое, как я думал, должно было помочь будущим читателям лучше понять и оценить книгу Эко. Но когда дело дошло до издания, выяснилось, что Умберто Эко запрещает сопровождать переводы своих книг чужими предисловиями или послесловиями. Мое «Предисловие переводчика» осталось неопубликованным. В основу данной статьи положена часть этого злополучного «Предисловия», которое, может быть, когда-нибудь увидит свет и в полном виде.

«The Role of the Reader» – это своего рода антология произведений У. Эко, написанных с 1959 по 1978 год. Книга состоит из «Введения» и восьми глав. Главы с первой по шестую были первоначально написаны автором на итальянском языке и еще до выхода в свет «The Role of the Reader» стали (иногда с теми или иными изменениями) главами в итальянских книгах У. Эко [Есо 1962; 1964; 1971; 1978; первая из этих книг переведена на русский, см. Эко 2004а; 2006]. На английский язык эти итальянские тексты были переведены разными людьми и в разное время, но при включении в «The Role of the Reader» они были

большей частью «пересмотрены» («revised», правда, не сказано кем именно: самим автором или кем-либо другим). Главы седьмую, посвященную семиотике Чарльза Пирса, и восьмую под названием «Lector in Fabula»¹, а также «Введение» автор написал изначально на английском языке или по крайней мере подготовил к изданию сначала в англоязычной версии. Пока книга «The Role of the Reader» подготавливалась к изданию в США, автор написал другую книгу – на итальянском – и назвал ее «Lector in fabula» [Eco 1979 a], а одна из глав в ней называется «Il ruolo del lettore» – «Роль читателя».² В книгу «Lector in fabula» вошли в несколько переработанном виде последние две главы (т.е. седьмая и восьмая), а также значительно расширенное «Введение» из «The Role of the Reader». Примечательно то, что в итальянской книге это «Введение» не только перестало быть «Введением», а вообще оказалось рассыпанным – в главах с третьей по седьмую, а также в главах девятой и десятой. Нечто подобное произошло и с восьмой главой английского варианта (см. далее). Зато новой книге предпослано новое небольшое «Введение» («Introduzione») [Eco 1979a, p.5-11] и добавлены еще кое-какие материалы. Но в целом итальянская книга «Lector in fabula» процентов на восемьдесят, если не больше, состоит из текстов, имеющих и в американском издании. С другой стороны, значительная часть книги «The Role of the Reader» (по объему – примерно половина) так или иначе отражена в книге «Lector in fabula».³

«The Role of the Reader» была второй книгой У. Эко, вышедшей на английском языке (и, что характерно, снова не в Европе, а в США). Первой англоязычной книгой нашего автора была «Теория семиотики» [Eco 1976], созданная после неоднократных безуспешных попыток перевести на английский язык более раннюю книгу Эко – «Отсутствующая структура» [Eco 1968; рус. перевод Эко 1998б; 2004б]. К сожалению, этот первый опыт Эко по написанию книги на английском языке нельзя признать вполне удачным. Очевидно, что стихия итальянского духа (в смысле немецкого слова *Geist*) и итальянского языка (*linguaggio*⁴) с трудом вмещается в «прокрустово ложе» языка английского с его весьма специфической и требовательной «ментальностью». Несмотря на помощь англоязычного сотрудника, в языке «Теории» осталось немало итальянизмов (как в плане лексики, так и, очевидно, в плане «лингвистики текста») и не вполне ясных пассажей⁵, что, помимо прочего, обусловило довольно сдержанное (насколько можно судить) восприятие «Теории» в англоязычном мире⁶.

«The Role of the Reader» будучи, как уже сказано, второй книгой Эко, изданной на английском языке, оказалась во многом еще менее удачной, чем первая. В обоих случаях предпринималась попытка *перенести* на инокультурную (а именно – американскую) почву довольно изоциренный «продукт» итальянской культуры. Перевести-перенести «Теорию семиотики» итальянскому автору помогал англоязычный коллега. При *переносе* (*перенесении*)⁷ «Роли читателя» такого помощника, по-видимому, не было. Не повезло этой книге и с издательскими редакторами. Хотя «The Role of the Reader» издана в солидном университетском издательстве «Indiana University Press», по нашим стандартам она местами более похожа на «сырую» рукопись, которую опытный издательский редактор еще должен доводить до кондиции. Так, американский издательский редактор явно не сверял переведенные англоязычные тексты с итальянскими оригиналами (оставив немало ошибок в переводах), не добивался от автора смысловой ясности и стилистической правильности в тех разделах, которые были написаны самим Эко на английском языке, не проверял ссылки, не устранял явные опечатки и т. д., т. е. не делал той работы, которая в наших хороших издательствах считается необходимой. Все эти редакторские (издательские) недоработки, создавшие немало трудностей для читателя, в то же время сделали «The Role of the Reader» интересным текстом для лингвистического анализа (см. [Серебряный 2002]). Особенно сыры те части книги («Введение» и восьмая глава – «Lector in Fabula»), которые Эко, по его словам [Есо 1979b, р. VII], сам написал (сразу на английском языке?) специально для американского издания⁸. Похоже, что автор даже толком не «держал корректуры» своей книги. Некоторые разделы восьмой главы, по-моему, вообще не могут быть поняты без соответствующих итальянских текстов. Правда, иногда говорят, что Эко и должен быть не очень понятен, поскольку он-де «постмодернист». Но мой опыт переводчика свидетельствует о том, что непонятности в англоязычных текстах Эко возникают в основном благодаря плохим переводам и/или опечаткам. Тексты, написанные самим Эко на итальянском языке, как правило, достаточно понятны.

Поэтому при работе над русским переводом пришлось собрать небольшую библиотеку книг Эко на итальянском языке⁹ и сверять с ними несовершенные тексты на английском. Таким образом, русский перевод «Роли читателя» был сделан, по сути дела, с двух языков – английского и итальянского. В частности, некоторые разделы восьмой главы были переведены целиком

по итальянским версиям, потому что версии англоязычные, как уже сказано, при ближайшем рассмотрении оказались почти лишенными смысла.

Восьмая глава «Роли читателя» (по объему – почти четверть всей книги¹⁰) посвящена разбору одного коротенького рассказа «Un drame bien parisien» («Вполне парижская драма» – далее «Драма») французского писателя Альфонса Алле (Alphonse Allais, 1854–1905). В России этот автор практически неизвестен. Исследователи французской литературы считают его одним из создателей жанра юмористической прозы во Франции¹¹. При жизни А. Алле издал двенадцать сборников рассказов, а всего его перу принадлежит более тысячи рассказов. Но вскоре после смерти он был практически забыт – и вновь открыт «сюрреалистом» Анри Бретоном, который в 1939 г. включил два его рассказа (в том числе и «Вполне парижскую драму» – хотя и странным образом урезанную: лишь главы с четвертой по шестую) в свою «Антологию черного юмора» [новое издание Breton, 1966]¹². В 1965–1970 гг. во Франции вышло собрание сочинений А. Алле в одиннадцати томах.

Внимание! Автор этих строк убедительно просит читателя (или читательницу) **не читать** ту часть данной статьи, которая следует за звездочками, прежде чем он (она) не прочитает восьмую главу «Роли читателя». Дело в том, что в тексте за звездочками предлагается определенная интерпретация и самого рассказа Альфонса Алле, и толкования этого рассказа, которое дает Умберто Эко. Моя интерпретация рассказа Алле отличается от интерпретации Эко. Более того, я беру на себя смелость предложить и определенную «мета-интерпретацию» интерпретации Эко. Но ни то, ни другое я не хочу навязывать читателю. Именно поэтому я и прошу сначала прочитать восьмую главу книги Эко, а потом уже (если будет охота) – остальную часть этого моего сочинения.

И еще один совет по «стратегии чтения». Прочтите сначала сам рассказ Алле (если можете, по-французски – в русском издании напечатан французский текст рассказа, если нет – в прилагаемом русском переводе [Эко 2005, с. 338–347]) и попытайтесь ответить на вопрос: «Кто были те двое, которые встретились на балу?». Ответив на этот вопрос (или не найдя на него ответа), прочтите замысловатое толкование Эко (оно стоит того само по себе) – и подумайте, согласны ли Вы с ним. После этого (если сохраните интерес к теме), пожалуйста, прочтите текст за звездочками.

В романе У. Эко «Маятник Фуко» среди главных персонажей, кроме людей, есть и некий текст: таинственная записка на старофранцузском языке и с лакунами – ее принес в издательство «полковник Арденти» (который на самом деле, может быть, и не полковник, и не Арденти) [см. Эко 1998а, с. 161-162]. На истолковании этой записки как секретного завещания тамплиеров строится весь трагикомический сюжет романа. Но в главе 106 (ближе к концу) жена повествователя, Лия, возмущенная опасным легковерием своего ученого мужа, сама берется прочесть эту пресловутую записку – и через два дня говорит ему: «... Сейчас я попробую тебе доказать, что самые простые объяснения – всегда правильные» [Эко 1998а, с. 633]. И Лия действительно доказывает, что эта записка – всего-навсего товарная квитанция, в которой речь идет о покупке сена и сукна [Эко 1998а, с. 633 – 641].

Нечто подобное я попытаюсь проделать с рассказом Алле «Вполне парижская драма» и с его толкованием в книге Эко. Возьмем в качестве исходных посылок несколько утверждений Эко:

«Алле играет с читателем»¹³ [Есо 1979b, р. 215; Эко 2005, с. 368;]

Алле создает у читателя иллюзию, что главные и единственные «топики» (темы) повествования – супружеская неверность (адюльтер) и/или недоразумение между супругами, тогда как на самом деле более важный (но до поры до времени скрытый) «топик» – иной: «как устроены повествования» (и/или «всегда ли можно доверяться повествованию и повествователю») [Есо, 1979b, р. 208-212; Эко 2005, с. 354 – 363].

«Подобные произведения (т. е. произведения, подобные рассказу Алле – С.С.) повествуют о том, как устроены повествования» [Есо 1979b, р. 276; Эко 2005, с. 447] и имеют, наряду с «собственно эстетической» функцией, еще и функцию назидательную, педагогическую: они хотят учить читателя не попадаться в текстовые (идеологические) ловушки.

Затем заметим, что эти утверждения напоминают, с одной стороны, то, что исследователи пишут о «творческом методе» Дж. Джойса, а с другой – то, что не кто иной, как Ю. М. Лотман писал о романе самого Эко «Имя розы».

В связи с Джойсом сошлемся на С. С. Хоружего, который в своей книге об «Улиссе» среди прочего утверждает: «...игровой

элемент в романе, дискурс игры – это никогда не обычная игра между равноправными партнерами. Читателя не спрашивают, а заставляют играть, хотя такие игры, как ребусы, шифры или числовые фигуры в правила жанра никак не входят... Джойсовы игры с читателем суть в равной мере – *игры читателем* (курсив автора – С.С.): насмешливое помыкание и деспотичное манипулирование им» [Хоружий 1979, с. 474].

Обращаясь к Ю. М. Лотману и его анализу «Имени розы» (в послесловии к русскому переводу романа), легко увидеть, что анализ этот очень напоминает разбор рассказа Алле в книге Эко. Согласно Ю. М. Лотману (а этому проницательному критику мы вполне можем довериться) «лукавый» и «коварный автор»¹⁴, «хитроумный семиотик из Милана» [Лотман 1989, с. 480, 472] *делает вид*, что предлагает доверчивому читателю два «топика» или две темы – детективную и историческую: «Автор как бы открывает перед читателем сразу две двери, ведущие в противоположных направлениях. На одной написано *детектив*, на другой *исторический роман*... В какую же из дверей войти? А может быть, вообще не торопиться следовать этим лукавым приглашениям и посмотреть, нет ли каких-либо других дверей?» [Лотман 1989, с. 469].

В самом деле, более или менее понятливый читатель раньше или позже «начинает сознавать, что его попросту одурачили...», что «автор предложил нам принять участие в одной игре, а сам играет в совершенно другую» [Лотман 1989, с. 469]. Согласно Ю. М. Лотману «подлинным героем романа является Слово» [Лотман 1989, с. 481]¹⁵, а главным «топиком», главной темой – семиотика, или, может быть, философия, или, может быть, истина (вернее та истина, что «опасна всякая истина, исключая сомнения» [Лотман 1989, с. 479]).

Теперь рискну высказать предположение, что восьмая глава «Роли читателя» написана тем же (или подобным) методом, что «Драма» Альфонса Алле и «Имя розы» Умберто Эко, и что над всеми этими произведениями «витают дух» Джеймса Джойса с его «шуткосерьезными» играми.

В самом деле, Эко разворачивает перед изумленным читателем хитроумный («семиотический» или, может быть, «структуралистский») анализ хитроумного рассказа Алле, и читатель должен думать, что «топик» этого «повествования» (или «дискурса») – именно «научный анализ литературного текста». В дополнение к этому анализу читателю предлагаются в приложении результаты «социологического» опроса студентов, которых якобы спрашивали, как они понимают проанализированный

рассказ [Эко 2005, с. 455-458]. Данное «приложение» призвано подкрепить «научный» статус «дискурса».

Но если внимательно вчитаться в анализ «Драмы» и в приложение с результатами опроса, то обнаруживаются довольно странные вещи. При всей своей изощренности данный анализ оказывается удивительно наивным и «не по-эковски» прямолинейным в некоторых ключевых моментах. А «приложение» написано довольно (нарочито?) невнятно и может быть воспринято скорее как *пародия* на описание результатов некоего опроса. Прежде всего, анализу «Драмы» явно недостает историзма (что особенно странно, если учесть, что в других работах Эко-семиотика историзм, как правило, присутствует). Автор как будто нарочно подставляется под огонь критики, обычно направляемой на структурализм (одно из дежурных обвинений против которого – именно «аисторизм» или даже «антиисторизм»). Рассказ Альфонса Алле интерпретируется у Эко и вне контекста всего творчества этого писателя, и вне общелитературного контекста эпохи. Это особенно бросается в глаза, если сравнить восьмую главу «Роли читателя» с другими главами этой же книги, например, с главой шестой, где творчество И. Флеминга анализируется именно как целое и в широком общелитературном контексте.

В восьмой главе «Роли читателя» все хитроумное построение Эко зависит, по сути дела, от понимания трех предложений в шестой главе «Драмы»:

«Tous les deux poussèrent, en même temps, un cri de stupeur, en ne se reconnaissant ni l'un ni l'autre.

Lui, ce n'était pas Raoul.

Elle, ce n'était pas Marguerite».

В русском переводе:

«Оба одновременно вскрикнули от изумления, не узнавая друг друга.

Он – был не Рауль.

Она – была не Маргарита».

Эко понимает (или делает вид, что понимает) эти предложения буквально: персонажи **действительно** не узнали друг друга, он **действительно** был не Рауль, а она – **действительно** не Маргарита. Между тем можно усомниться как в том, что эти предложения **действительно** надо понимать буквально, так и в том, **действительно** ли их понимает буквально «лукавый автор» Эко.

В первом случае сомнения питаются как внутритекстовы-

ми, так и интертекстуальными соображениями. Альфонс Алле (как вслед за ним и У. Эко) подчеркивает, что любимое занятие героев рассказа, Рауля и Маргариты, – *dissimuler*, т.е. «прикидываться», «притворяться». Поэтому вполне естественно предположить, что и в данной сцене – они лишь прикидываются, притворяются, что не узнают друг друга; прикидываются, что он – это не он, а она – не она.¹⁶

Первое из трех приведенных выше предложений – это вроде бы «нормальное» повествование от автора, хотя, скорее всего, неоднозначное: автор констатирует, что персонажи ведут себя так, будто они не узнают друг, но вряд ли можно ручаться, что сам автор-повествователь **действительно** верит в то, что персонажи **действительно** друг друга не узнали. Нельзя ли понять это предложение так, что он и она **не захотели признавать** друг друга?

Два следующих коротких и «симметричных» друг другу (ср. «симметрию» писем в четвертой главе рассказа) предложения можно понять как своего рода несобственно прямую речь. Она не признаёт, что он – это он; а он не признаёт, что она – это она. То есть оба **прикидываются**, что **не узнают / не признают** друг друга. И одновременно каждый **не признается**, что он (она) – это он (она). Все это можно было бы, наверно, красиво переписать в той квазиматематической символической форме, которую Эко применил в своем анализе «Драмы».

Разумеется, моя интерпретация была бы более убедительной, если бы я мог привести похожие примеры из других рассказов А. Алле. Подобным же образом, интерпретация Эко была бы более убедительной, если бы он подкрепил ее ссылками на другие произведения того же автора. Но в том-то и дело, что сам Эко здесь, по-моему, лишь **«прикидывается»** наивным литературоведом-структуралистом. Со стороны читателя (даже совсем не идеального – в русском смысле этого слова) было бы слишком наивно подозревать в подобной наивности «хитроумного семиотика из Милана». Скорее тут – лукавство и коварство.

Что касается интертекстуальных доводов, то вновь сошлюсь, с одной стороны, на тексты Джойса, а с другой – на тексты самого Эко. По свидетельству С. С. Хоружего (а он знает, что говорит, потому что перевел «Улисса» на русский язык) «за чистую монету в “Улиссе” нельзя принимать ровно ничего, включая и то, что выглядит как сугубо объективная информация, фактическая, историческая или философская...» [Хоружий 1997, с. 446-447]. А сам Эко в предисловии к «Имени розы»

утверждал: «...Я не имею в виду никаких современных аллюзий... До чего блистательно отсутствуют здесь любые отсылки к современности, любые наши сегодняшние тревоги и чаяния» [Эко 1989, с. 11], – между тем как его роман полон и «современными аллюзиями» и прямыми «отсылками к современности» (см., например, цитированное выше предисловие к русскому переводу «Имени розы» [Лотман, 1989]). Таким образом, приведенное утверждение автора – как, по-моему, и «авторское повествование» в процитированном выше отрывке из «Драмы» – надо понимать «с точностью до наоборот».

Предложенная мною интерпретация «Драмы» Алле – по меньшей мере возможна, **одна из возможных**. Ее явное преимущество перед интерпретацией Эко – простота¹⁷. Эта интерпретация не нуждается ни в постулировании неких дополнительных персонажей, ни в «главах-фантазмах». Интерпретация Эко – тоже, вероятно, **одна из возможных**¹⁸, хотя бы потому что она пришла ему в голову и увлекательно им изложена. Впрочем, мне кажется, что в этой интерпретации не все концы с концами сходятся. Но здесь вряд ли стоит обсуждать эту проблему.

Важнее подчеркнуть другое: автор излагает свою интерпретацию «Драмы» как если не единственно возможную (хотя никаких других он не предлагает), то по крайней мере как **самую правильную**, что, по-моему, вступает в противоречие с общим духом книги «Роль читателя». Иными словами, это «закрытая» интерпретация, не рассчитанная на «сотворчество» читателя. Поэтому снова возникает подозрение, что автор «прикидывается», хитрит и водит читателя за нос.

Какова же подлинная «интенция автора» (*intentio auctoris*) в восьмой главе «Роли читателя»? Как уже сказано, я беру на себя смелость предположить, что Эко построил свою интерпретацию «Драмы» по тому же принципу, по какому сделана сама «Драма» и по какому Эко позже «сделал» «Имя розы».

Читателю предлагается «топик» «*Научный анализ литературного текста*» – и анализ этот столь изощрен и сложен, что все внимание читателя уходит на разбор его хитросплетений. Однако более важный, но до поры до времени скрытый, замаскированный «топик» здесь – иной. Это «топик», так сказать, назидательный, педагогический:

«Как не надо анализировать художественные тексты»,
и/или :

«Как не надо слишком доверять “научным” анализам художественных текстов»,

и/или – еще шире:

«Как надо сохранять свою способность к самостоятельному критическому суждению даже при чтении очень авторитетных текстов очень авторитетных авторов».

Данный текст Эко можно рассматривать как своего рода прививку, вакцинацию: переболев в легкой и безопасной форме излишней доверчивостью к авторитетному тексту, читатель приобретет иммунитет против более опасных форм этого заболевания. Нам, русским, особенно небесполезно лишний раз получить подобную прививку. Мы слишком часто слишком слепо верили (и верим) различным авторитетным (авторитарным) текстам.

Могут спросить: «А где доказательства того, что *intentio auctoris* (ср. выше) **действительно** такова?» В ответ напомним слова Вильяма (Вильгельма) Баскервильского («alter ego» автора) в романе «Имя розы» (День четвертый, После повечерия): «Книги ищутся не для того, чтобы в них верили, а для того, чтобы их обдумывали» [Эко 1989, с. 269]. И снова процитирую «Заметки на полях “Имени розы”»: «Ничто так не радует сочинителя, как новые прочтения, о которых он не думал и которые возникают у читателя... Чаше всего критики находят такие смысловые оттенки, о которых автор не думал. Но что значит “не думал”?» [Эко 1989, с. 429].

Примечания

- ¹ *Lector in fabula* буквально можно перевести как «читатель в повествовании (фабуле)», что соотносится с темой главы (и всей книги «The Role of the Reader»): сотворческое участие читателя в развертывании (актуализации) повествования. Вместе с тем *Lector in fabula* – это своего рода каламбур, обыгрывающий латинскую поговорку *lupus in fabula* (буквально «волк в басне»). В русском языке аналог этой поговорке – «легок на помине», в английском – «talk of the devil and he is sure to appear» («помяни черта – и он тут как тут»). «Поговорка [*lupus in fabula*] в конечном счете восходит к поверью, что о волке лучше не говорить, иначе он может неожиданно появиться. Басня соответствующего содержания не сохранилась» [Бабичев, Боровский 1988, с. 419]. См. также: [Бабкин, Шендецов 1987, с. 83-84].
- ² На обложке (но не на титуле) есть подзаголовок: «La cooperazione interpretativa nei testi narrativi» (что можно перевести примерно так: «Интерпретирующее сотворчество в повествовательных текстах»). Обе книги, и «The Role of the Reader», и «Lector in fabula», вышли в

- 1979 году, но итальянское издательство оказалось оперативней американского.
- 3 Поэтому на контртителе (и на корешке) русского перевода [Эко 2005] даны названия обеих книг: и «The Role of the Reader», и «Lector in fabula». Французский перевод книги «Lector in fabula» [Eco 1985] вышел под двойным заглавием: *Eco U. Lector in fabula: Le rôle du lecteur ou la Cooperation interprétative dans les textes narratifs / Traduit de l'italien par M. Bouzaher. P.: Grasset, 1985.* Есть также немецкий перевод [Eco 1987]: *Eco U. Lector in fabula: Die Mitarbeit der Interpretation in erzählenden Texten / Aus dem italienischen von H.-G. Held. München: Hanser, 1987.* Книга «The Role of the Reader», насколько мне известно, ни на какой другой язык, кроме русского, не переводилась.
 - 4 Итальянское слово *linguaggio* вряд ли возможно перевести каким-либо одним из существующих русских слов. В отличие от слова *lingua* («язык» в анатомическом смысле и «язык» в том смысле, в каком мы говорим «русский язык», «итальянский язык» и т. д.), *linguaggio* – это и «манера выражаться», и шире – «языковая деятельность» в целом, любое «использование языка» включая языкотворчество. Для перевода слова *linguaggio* на русский можно было бы придумать такие слова, как *языкование*, *языковство*, *языковствывание* и, может быть, даже (для отдельных случаев) *выязычивание*.
 - 5 Это выявилось, в частности, во время перевода «Теории» с английского на немецкий (вообще всякий перевод – это проверка текста на ясность!). В немецкой книге, в специальной заметке от издательства, сказано, что перевод в целом сделан с «английской версии», но «в некоторых случаях (согласованных с У. Эко) предпочтение отдается итальянской – там, где она представляется более ясной» [Eco 1987b] Подобному методу пришлось следовать и при переводе книги «Роль читателя» на русский язык (см. далее). Чуть подробнее об истории создания «Теории семиотики» и ее итальянской «аватары» под названием «Trattato di semiotica generale» см. [Серебряный 2002].
 - 6 В отличие от других книг Эко, «Теория семиотики» (она же «Трактат об общей семиотике»), по-видимому, мало переводилась на другие языки. Мне известна, кроме немецкого перевода [Eco 1987b], лишь французская версия небольшого фрагмента [Eco 1992].
 - 7 У французских историков культуры (см., напр. [Espagne 1999]) есть термин и понятие *transfert culturel*, для которого в русском языке еще нет общепринятого эквивалента, хотя у нас уже говорят *экономический трансфер*, *трансфер ноу-хау* и т. п. Речь идет о «переносе», «перенесении» тех или иных явлений («продуктов») из одной культуры в другую. В отличие от привычного для нас понятия *заимствование* понятие *transfert* не предрешает, в какой мере переносимый «продукт» будет действительно заимствован, т. е. усвоен, укоренен там, куда его перенесли – в конце концов он может быть и отторгнут инокультурной «почвой» (даже если оставил в ней те или иные следы).
 - 8 Интересно сопоставить даты. «The Role of the Reader» вышла в свет в 1979 г. Стало быть, время «держатъ корректуру» могло прийтись

- на 1978 г. Но именно в тот год Эко был занят романом «Имя розы», который начал писать в марте 1978 года [Эко 1989, с. 434].
- 9 За присланные мне книги я благодарен миланскому издательству Бомпиани и лично госпоже Виттории Казаротти.
- 10 Витальянской версии «Lector in fabula» соответствующий материал разделен между двумя главами: восьмой и одиннадцатой, которые в сумме также лишь чуть меньше четверти общего объема книги.
- 11 Ср.: «Allais is generally credited with being one of the creators of humor as a genre in French literature» [Riffaterre 1984, p. 14]. Русский читатель не может не заметить, что годы жизни А. Алле сходны с годами жизни А.П. Чехова.
- 12 См. сравнительно недавно появившийся русский перевод [Бретон 1999]. В комментариях С. Дубина об Альфонсе Алле говорится так: «Классик французской сатиры, фразы из рассказов которого давно разошлись на афоризмы и присказки, ... типичный юморист *fin de siècle*... неутомимый выдумщик Алле оттачивал такие новации абсурдной логики и деструктивной лингвистики, которые теория и критика освоит еще не скоро» (с. 497-498).
- 13 Стоит воспроизвести ближайший контекст этого высказывания: «Текст так хитро устроен, информация дается им так запутанно, что читателю с первого раза, при первом чтении, трудно разобраться, что к чему. По сути дела, Алле играет с читателем – играет, учитывая психологию чтения и тот уровень внимания, который М-Читатель может задействовать во время наивного чтения текста». Ср.: «Можно сказать, что “Драма” – нечто вроде необычной азартной игры: читатель думает, что с ним играют в одну игру, а потом оказывается, что игра совсем другая [Есо 1979b, p. 217; Эко 2005, с. 371].
- 14 Исследовательница из Белоруссии А.Р. Усманова, [2000, с. 14; ср. с. 22] в своей книге также называет У. Эко «лукавым автором».
- 15 Ср. обращенные к читателю слова самого Эко в «Заметках на полях “Имени розы”»: «... будь умницей и постарайся понять, каким образом я заманил тебя в ловушку» [Эко 1989, с. 453].
- 16 В Приложении («М-Читатель “Вполне парижской драмы”: эмпирический тест») среди прочего читаем: «Во второй фазе эксперимента мы пытались выяснить: а) Понимали ли наши испытуемые взаимное незнание (в шестой главе “Драмы”) буквально...» [Эко 2005, с. 456]. Таким образом, допускается вариант, что «взаимное незнание» персонажей может быть понято и небуквально!
- 17 Столь же просто, как сцену «незнания», можно объяснить и ситуацию с двумя письмами в четвертой главе «Драмы». Письмо Раулю вполне могла написать сама Маргарита – в порядке очередного «прикидывания» (*dissimulation*). Рауль же вполне был способен понять, что это именно «прикидывание», очередной «прикол» его любимой Маргариты, и написать ей в ответ подобное же письмо, используя ее слова и обороты. Ведь в рассказе не говорится, как именно герои получили эти письма: по почте, или просто подсунутыми под дверь, или еще как-нибудь (для полноты картины тут надо бы учесть особенности почтовой службы в Париже того вре-

мени и «жилищные условия» героев рассказа – например, сколько комнат было в их квартире). Заметим: в рассказе не сказано, что Рауль и Маргарита получили письма **одновременно**. Сказано: «Тем же утром...». Значит, между письмами мог быть некий временной интервал. Предоставляю читателям самим истолковать прочие детали «Драмы» в свете предложенной интерпретации. Наверное, и тут возможны варианты.

- ¹⁸ Ср.: «...роман... по определению – машина-генератор интерпретаций» [Эко 1989, с. 428]. В мировом репертуаре абсурдных сюжетов есть, по-видимому, и сюжеты подобного типа. От одного моего знакомого, участника войны 1941-1945 гг., я слышал, например, такой анекдот: «Встречаются два ветерана. Один говорит: “Ваше лицо мне знакомо. Вы не воевали под Сталинградом?” – “Нет. Но и Ваше лицо мне знакомо. А Вы не были под Курской дугой?” – “Нет. А Вы не форсировали Днепр?” – “Нет...” и т. д. Под конец оба решают: “Значит, это были двое других”».

Литература

- Бабичев Н.Т., Боровский Я.М. Словарь латинских крылатых слов. М.: Русский язык, 1988.
- Бабкин А.М., Шендецов В.В. Словарь иноязычных выражений и слов. К – Z. Л.: Наука, 1987.
- Бретон А. Антология черного юмора / Пер., коммент., вступ. ст. С. Дубина. М.: Carte Blanche, 1999.
- Лотман Ю.М. Выход из лабиринта // Эко У. Имя розы. М.: Книжная палата, 1989.
- Серебряный С.Д. Обманчивые сходства: Заметки на полях русского перевода книги Умберто Эко «The Role of the Reader» // Человек – Культура – История: В честь семидесятилетия Л.М. Баткина. М., РГГУ, 2002.
- Усманова А.Р. Умберто Эко: парадоксы интерпретации. Минск: Проппели, 2000.
- Хоружий С.С. «Улисс» в русском зеркале // Джойс Дж. Избранное. Т. 2. М.: Терра, 1997.
- Эко У. Заметки на полях «Имени розы» // Эко У. Имя розы. Роман / Пер. с итал. Е.А. Костюкович. М.: Книжная палата, 1989.
- Эко У. Маятник Фуко: Роман / Пер. с итал. Е.А. Костюкович. СПб.: Симпозиум, 1998а.
- Эко У. Отсутствующая структура: Введение в семиологию / [Перевод А.Г. Погоняйло и В.Г. Резник]. СПб.: Петрополис, 1998б; 2-е изд.: СПб.: Симпозиум, 2004б.
- Эко У. Открытое произведение: Форма и неопределенность в современной поэтике / Пер. с итал. А. Шурбелева. СПб.: Академический проект, 2004а; 2-е изд.: СПб.: Симпозиум, 2006.
- Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Перев. с англ. и итал. С.Д. Серебряного. СПб.: Симпозиум; М.: Издат. центр РГГУ, 2005.

С. Д. Серебряный

- Breton A.* Anthologie de l'humour noir. P.: Pauvert, 1966.
- Eco U.* Opera aperta. Milano: Bompiani, 1962.
- Eco U.* Apocalittici e integrati. Milano: Bompiani, 1964.
- Eco U.* La struttura assente. Introduzione alla ricerca semiologica. Milano: Bompiani, 1968.
- Eco U.* Le forme del contenuto. Milano: Bompiani, 1971.
- Eco U.* A Theory of Semiotics. Bloomington; London: Indiana U.P., 1976.
- Eco U.* Il superuomo di massa. Retorica e ideologia nel romanzo popolare. Milano: Bompiani, 1978.
- Eco U.* Lector in fabula. Milano: Bompiani, 1979a.
- Eco U.* The Role of the Reader: Explorations in the Semiotics of Texts. Bloomington: Indiana U.P., 1979b.
- Eco U.* Lector in fabula: Le rôle du lecteur ou la Cooperation interprétative dans les textes narratifs / Traduit de l'italien par M. Bouzaher. P.: Grasset, 1985.
- Eco U.* Lector in fabula: Die Mitarbeit der Interpretation in erzählenden Texten / Aus dem italienischen von H.-G. Held. München: Hanser, 1987a.
- Eco U.* Semiotik: Entwurf einer Theorie der Zeichen. Übersetzt von Gunter Memmert. München: Fink, 1987b.
- Eco U.* La production des signes / Traduit de l'italien par Myriem Bouzaher. P.: Librairie Générale Française, 1992.
- Espagne M.* Les transferts culturels franco-allemands. P.: PUF, 1999.
- Riffaterre M.* Semiotics of Poetry. Bloomington: Indiana U.P., 1984.

С. И. Гиндин, Н. Г. Семенова

**Материалы к библиографическому
указателю печатных работ
Н. Н. Леонтьевой¹**

От составителей

21 и 22 ноября 2006 г. сначала Научно-исследовательский вычислительный центр МГУ, а затем Кафедра теоретической и прикладной лингвистики РГГУ на открытых заседаниях отметили юбилей Нины Николаевны Леонтьевой. Хотя оба заседания прошли в непринужденной и радостной обстановке праздника², из выступлений коллег, учеников, друзей Нины Николаевны исподволь складывалась впечатляющая картина ее научного и педагогического творчества. Выступавшие старались не повторять друг друга, и все же для каждого в сделанном Ниной Николаевной нашлась какая-то своя грань, о которой не говорили другие.

Но верные зарисовки деталей и отдельных ракурсов лишь подчеркивают назревшую необходимость в целостном осмыслении сделанного Н.Н. Леонтьевой. В качестве первого шага к такому осмыслению был составлен предлагаемый библиографический указатель, охватывающий весь научный путь Нины Николаевны от первой публикации и до работ юбилейного 2006 года.

Н. Н. Леонтьева работала и работает в самых разных областях теоретической и прикладной лингвистики, способствуя их взаимному обогащению. Ей присущ особый дар наведения мостов между задачами и направлениями, которые по традиции представляются обособленными и отдаленными друг от друга. Достаточно напомнить заглавия таких ее статей, как «Создание информационного языка на базе семантического анализа текста» (1971), «Автоматический перевод как понимание и реферирование» (1982), «На стыке текста и предметной области» (1996) и др. Многопольность творчества и дар нахождения межпредметных связей делают работы Нины

Николаевны особенно притягательными для самых разных лингвистических сообществ. Но эти же свойства серьезно затрудняют библиографу розыск ее публикаций. Трудности розыска усугубляются и тем, что Нина Николаевна – активный участник множества разнопрофильных конференций в разных частях света, а тезисы и материалы конференций плохо комплектуются даже центральными из государственных библиотек и небрежно хранятся в библиотеках личных.

Поэтому предлагаемый библиографический труд претендует лишь на статус «Материалов к указателю ...». Все же составители надеются, что подавляющее большинство печатных работ Н.Н. Леонтьевой ими все же учтено и описано. Почти все публикации, отраженные в «Материалах ...», описаны *de visu*, в чем немалую роль сыграла автор описываемых работ, предоставившая составителям экземпляры ряда экзотических и малотиражных изданий. Все же ряд публикаций составителям так и не удалось увидеть. В основном это относится к сборникам тезисов и к материалам конференций героических времен становления отечественной структурной лингвистики – конца 1950-х – начала 1960-х гг. К счастью, эти неуловимые теперь книги были тщательно расписаны современниками их выхода в замечательных указателях по структурной лингвистике и машинному переводу³.

Перекрестное сопоставление описаний публикаций Н.Н. Леонтьевой в этих двух библиографических трудах все же позволило составителям дать достаточно надежное отражение этих недоступных публикаций и включить соответствующие библиографические записи в предлагаемые «Материалы ...». Это тем более целесообразно, что в названном справочнике И.А. Мельчука и Р.Д. Равич почти все работы Н.Н. Леонтьевой отреферированы и эти рефераты вполне могут быть использованы сегодня в качестве добротного представления оригиналов⁴.

«Материалы к указателю ...» состоят из основной части и вспомогательных ключей.

Расположение описаний в основной части «Материалов ...» внутри хронологическое – по годам издания. Внутри года описания расположены и пронумерованы по алфавиту заглавий. Описания выполнены в соответствии с ГОСТом 1984 г. Сведения о соавторах приводятся в зоне примечаний.

Для книг, написанных Н.Н. Леонтьевой единолично или в соавторстве, вслед за библиографическим описанием дается частичное раскрытие содержания. Если книга создавалась коллективом авторов, при раскрытии содержания указывают-

ся заголовки глав и разделов, полностью или в подавляющей своей части написанных Н.Н. Леонтьевой.

Раздельно изданные части одной работы, переиздания, а также тезисы и полные публикации связываются взаимными отсылками. Порядковый номер описания при отсылке к нему складывается из года публикации и – после точки – номера описания внутри данного года.

За основной частью следуют вспомогательный алфавитный ключ заглавий публикаций Н.Н. Леонтьевой и список ее соавторов.

Составители с благодарностью примут критические замечания, а дополнения, если таковые будут сообщены, найдут место на страницах одного из следующих номеров журнала.

Примечания

- ¹ Составление «Материалов к указателю ...» осуществлено в рамках работ по проекту «Инструменты филологического и лингвистического исследования корпуса текстов» (Грант РФФИ № 06-06-80429).
- ² Ср. также юбилейную публикацию: Гиндин С.И. На лингвистической улице – праздник // Русский язык: Методическая газета для учителей-словесников. 2006, №22. С. 28.
- ³ Структурное и прикладное языкознание: Библиографический указатель лит. изд. в СССР с 1918 по 1962 г. / Сост. Ашнин Ф.Д., Дебец Н.П., Ижевская М.Г. и др.; Отв. ред. А.А. Реформатский. М.: Наука, 1965. 194 с. Мельчук И.А., Равич Р.Д. Автоматический перевод: Критико-библиографический справочник. М., 1967. 517 с.
- ⁴ Звездочками отмечены и записи о некоторых более поздних публикациях, которые также остались недоступны составителям и были описаны на основе служебных автобиблиографических списков Н.Н. Леонтьевой.

Печатные работы за 1958 – 2006 гг.
Н. Н. Леонтьевой

1958

1. Об избыточности флексий русского прилагательного // Тезисы Конференции по машинному переводу. М., 1958, С. 101-103. Соавтор: Г.Н. Вавилова.

1959

1. Союз и при машинном переводе // МП и ПЛ. 1959, Вып.3(10). С.66-77.

1960

- *1. Дифференциально-семантические признаки слова // Тезисы докладов Межвузовской конференции по применению структурных и статистических методов исследования словарного состава языка. М., 1961. С. 60-61. Соавторы: А.К. Жолковский, Вяч. Вс. Иванов, Ю.С.Мартемьянов, В.Ю. Розенцвейг, Ю.К. Щеглов.
- *2. О принципиальном использовании смысла при машинном переводе // Питання прикладної лінгвістики. Тези доповідей Міжвуз. наук. конф. Чернівці, 1960. С. 97-99. Соавторы: А.К.Жолковский, Ю.С.Мартемьянов.
Полный текст работы см.: 1961. 3.

1961

- *1. Модель синтеза русской фразы на основе семантической записи // Тезисы конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста. М., 1961. С. 65-67.
- *2. Модель синтеза русской фразы на основе семантической записи. I МГПИИЯ. М., 1961. 10 с. (Ин-т науч. информации. Доклады конф. по обработке информации, маш. переводу и автоматич. чтению текста. Вып.9).
3. О принципиальном использовании смысла при машинном переводе // Труды Ин-та точной механики и вычислительной техники АН СССР. Вып. 2. М., 1961. С. 17-46. Соавторы: Ю.С.Мартемьянов, А.К.Жолковский.
На обложке кн. загл.: Машинный перевод.
Имеется англ. перевод этого сборника в серии: Foreign developments in machine translation. Washington, 1962. №94 (см.: Мельчук И.А., Равич Р.Д. Автоматический перевод, 1949-1963. М., 1967. С. 20). Составителям указателя он остался недоступен.
Тезисы работы см.: 1960. 2. Исправленное изд. полного текста см.: 2004.5.

1964

1. Описание слов со значением времени // Проблемы формализации семантики: Науч. конф.: Тезисы. М., 1964. С. 93-94.
Полный текст работы см.: 1964. 2.

2. Описание слов со значением времени // МП и ПЛ. 1964. Вып. 8. С. 33-49.
Тезисы см.: 1964. 1.
3. Опыт описания семантики предлогов // МП и ПЛ. 1964. Вып. 8. С. 161-183. *Соавтор:* С.Е.Никитина.

1965

1. Анализ и синтез русских эллиптических предложений // НТИ. 1965. №11. С.41-46.

1966

1. Контекстуальные значения русских предлогов // НТИ. 1966. №12. С. 60-64. *Соавтор:* С.Е.Никитина.
2. Об описании смысла слов = Dieser Beitrag wurde nachträglich eingesandt: Тезисы доклада / II Internationalen Symposions «Zeichen und System der Sprache» (15.9.1964, Magdeburg) // Zeichen und System der Sprache. В. III. Berlin, 1966. S. 85-89. (Schriften zur Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. № 11).
Соавторы: А.К.Жолковский, Ю.С.Мартемьянов, В.А.Матвеевко, Ю.А.Муцанов, В.Ю.Розенцвейг, К.О.Эрастов.

1967

1. Автоматизация обработки текстовой части экономической информации для информ. системы // МП и ПЛ. 1967. Вып. 10. С. 99-116. *Соавтор:* К.О.Эрастов.
2. Об одном способе представления смысла текста // Труды 3-й Всесоюз. конф. по информационно-поисковым системам и автоматизир. обработке научно-техн. информации. Т. 2. М., 1967. С. 192-204.
3. О представлении смысла текста набором смысловых ядерных предложений // Конференция по машинному переводу: Тезисы докладов. Ереван, 1967. С. 81-84.
4. Устранение некоторых видов избыточной информации в естественном языке // МП и ПЛ. Вып. 10. 1967. С.93-98.

1968

1. Семантический анализ и смысловая неполнота текста. Автореф дисс. ... канд. филол. наук. М., 1968. 20 с.

1969

1. О смысловой неполноте текста (в связи с семантическим анализом) // МП и ПЛ. Вып. 12. 1969. С. 96-114.
Англ. перевод см.: 1974. 1.
2. Семантический анализ текста, ориентированный на построение информационной записи // Проблемы прикладной лингвистики: Тезисы межвузовской конференции. Ч. 2. М., 1969. С. 206-208.
- *3. Смысловые отношения, передаваемые русскими предлогами // SLAVICA. IX. Дебрецен, 1969. С. 15-63. *Соавтор:* С.Е.Никитина.

1970

1. Информационный язык как средство преобразования информации // Материалы 5 Всесоюз. симпозиума по кибернетике. Тбилиси, 1970. С. 269-270.
2. О направленном описании смысла слов при построении информационного языка для текстов наименований // Применение универсальных вычислит. машин в работе органов информации. М., 1970. Соавторы: Ю.С.Мартемьянов, В.Ю.Розенцвейг.
3. О создании информационного языка на базе полного семантического анализа текста. М., 1970. 30 с. (ИРЯ ПГЭПЛ. Вып. 11). «Окончательную» публикацию см.: 1971. 3.

1971

1. Автоматическое индексирование с помощью словаря энциклопедических функций // Автоматическая переработка текста методами прикладной лингвистики: Материалы Всесоюз. конф. Кишинев, 1971. С.257-259. Соавторы: Е.В.Волковыская, Т.В.Молчанова.
2. О выявлении и представлении смысловой структуры текстов экономических документов // Семантические проблемы автоматизации информационного поиска. Киев: Наукова думка, 1971. С. 22-39. Соавторы: Ю.С. Мартемьянов, В.Ю. Розенцвейг.
3. Создание информационного языка на базе семантического анализа текста // НТИ. Серия 2. М., 1971. №8. С. 8-16. Предварительную публикацию см.: 1970. 3.
4. O pewnych właściwościach spójnego tekstu / Przel. M.R.Mayenowa // O spójności tekstu / Pod red. M.R. Mayenowej. Wrocław e.a.: Ossolineum, 1971. S. 13-19.

1973

1. Алгоритм построения информационной записи для текста (1 этап). М., 1973. 33 с. (ИРЯ. ПГЭПЛ. Вып. 36). Соавтор: Е.В.Урысон. «Окончательную» публикацию см.: 1973. 2.
2. Алгоритм построения информационной записи для текста (1 этап) // НТИ. Серия 2. 1973. №12. С. 3-13. Соавтор: Е.В.Урысон. Предварительную публикацию см.: 1973. 1.

1974

1. On the semantic incompleteness of texts // Soviet Papers in Formal Linguistics / Ed. by Ferenc Kiefer. Essays on Lexical Semantics. V. 2 / Ed. by V.Yu.Rozencveig. Stockholm, 1974. P. 119-145. Перевод статьи см.: 1969. 1.

1975

1. Задачи и общее строение системы автоматического индексирования с использованием информационного языка словосочетаний // Вопросы информационной теории и практики. М., 1975. № 27. С. 88-93. Соавтор: С.И. Гиндин.
2. Некоторые особенности грамматик информационных языков и проблема автоматического перевода с естественного языка на

информационный // Машинный перевод и автоматизация информационных процессов / Всесоюзный центр переводов. М., 1975. С. 65-73.

3. Семантика предлогов с точки зрения автоматической обработки текста // Международный семинар по машинному переводу: Тезисы докладов и сообщений. М., 1975. С. 74-75. *Соавтор:* С.Е.Никитина.

1977

1. Контуры анализа в системе французско-русского машинного перевода // Современное состояние теории и практики машинного перевода и автоматизации информационных процессов / Всесоюзный центр переводов. М., 1977. С. 49-58. *Соавтор:* С.Л.Никогосов.
2. Опыт автоматического индексирования со смысловым сжатием // НТИ. Серия 2. 1977. № 7. С. 24-29. *Соавтор:* С.М.Вишнякова.

1978

1. Проблемы анализа и синтеза целого текста в системах машинного перевода, диалоговых и информационных системах. М., 1978. 84 С. (ОИ ВЦП. Вып. 2). *Соавтор:* С.И. Гиндин.
Из содерж.: 1. Место и роль сверхфразовых явлений в системах машинного перевода <...>. С. 5-12.
2. Словарь энциклопедических функций и его роль в автоматическом индексировании // НТИ. Серия 2. 1978. N 7. С. 23-29. *Соавторы:* Е.В.Волковыская, О.В. Копылова, Т.В.Молчанова, О.А.Штернова.

1979

1. Об автоматической интерпретации слабых связей // Семантика естественных и искусственных языков в специализированных системах: Тезисы докладов конференции. Л., 1979. С. 99-101.
2. Семантический компонент системы ФРАП // Международный семинар по машинному переводу: Тезисы докладов. М., 1979. С. 100-101.
3. Принципы организации и основные компоненты системы ФРАП // Международный семинар по машинному переводу: Тезисы докладов. М., 1979. С. 102-104. *Соавтор:* С.Л. Никогосов.
4. Семантическая словарная статья в системе ФРАП. М., 1979. 63 С. (ИРЯ ПГЭПЛ. Вып. 121). *Соавторы:* И.М.Кудряшова, Е.Г.Соколова.

1980

1. Система ФРАП и проблема оценки качества автоматического перевода // МПиПЛ. Вып. 20. 1980. С. 57-78. *Соавтор:* С.Л.Никогосов.

1981

1. О роли прагматического анализа научно-технического текста // Диалоговые и фактографические системы информационного обе-

- спечения: Тезисы докладов II Всесоюзного симпозиума. Суздаль, 1981. С. 148-151. *Соавтор*: Д.Л.Резницкая.
2. Семантика связного текста и единицы информационного анализа // НТИ. Серия 2. 1981. С. 21-29.
 3. Синтаксический компонент в системах машинного перевода / Сост. Н.Н.Леонтьева. М., 1981. 131 С. (ОИ ВЦП Вып. 5). *Соавторы*: М.Б. Бергельсон, О.А.Гульга, С.Е.Ежов, И.М.Кудряшова, Е.Е.Ловцкий, Е.Ю. Мартемьянова, Е.Г.Соколова, М.С.Суханова, Э.М. Шаляпина.
Из содерж.: Гл. 1. §1. Составляющие синтаксического компонента; §2. О степени семантической синтаксического компонента; §3. «Узкие места» в системах МП с синтаксическим компонентом.

1982

1. Автоматический перевод как понимание и реферирование // Прикладные и экспериментальные лингвистические процессы / АН СССР. Сибирское отд. Вычислит. центр. Новосибирск, 1982. С. 21-36, 158-159 (англ. резюме).
Тезисы на англ. яз. см.: 1982.8.
2. Компоненты информационно-переводческой системы // Совершенствование перевода научно-технической литературы и документов: Всесоюзная конференция: Тезисы докладов и сообщений. М., 1982. С. 185-186.
3. О компонентах системы понимания текста // Уровни текста и методы его лингвистического анализа. М., 1982. С.124-140.
4. О механизме интерпретации слабых связей в тексте // Лингвистические проблемы функционального моделирования речевой деятельности. Вып. 5. Л.; Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. С.101-124. [В тексте и в оглавл. ошибка: Н.Л.Леонтьева].
5. Семантический компонент в системах автоматического понимания текстов / Сост. Н.Н.Леонтьева. М., 1982. 94 С. (ОИ ВЦП, Вып 6.). *Соавторы*: М.Б. Бергельсон, И.М.Кудряшова, С.Л. Никогосов, Е.Г.Соколова, М.С.Суханова.
Из содерж.: Гл. 1. Ограницах семантического компонента <...>; §1.1. Задачи семантического компонента <...>; §1.2. Составляющие семантического компонента; §1.3. О единицах понимания.
6. Синтаксическое представление в системе французско-русского автоматического перевода (ФРАП) // Эксплицитное описание языка и автоматическая обработка текстов. [V.] 8. Proceedings of the 10th Meeting on Automatic Text Processing, Prague 1981. Прага, 1982. С. 147-157. *Соавторы*: Кудряшова И.М., Соколова Е.Г.
7. Система ФРАП как информационная система // Актуальные вопросы практической реализации систем автоматического перевода. Ч. 1. М.: Изд. Моск. ун-та, 1982. С. 134-166. *Соавтор*: С.Л.Никогосов.
8. Automatic translation through understanding and summarizing // 9th International Conference on Computational Linguistics COLING' 82. Abstracts. Praha, 1982. P. 178-181.

1983

1. Обинструментах сбора текстовой фактографической информации // НТИ. Серия 2. 1983. № 2. С. 9-16. *Соавтор:* Д.Л.Резницкая.
2. Общая стратегия лингвистического анализа в системе ФРАП-2 // Международный семинар по машинному переводу: Тезисы докл. М., 1983. С. 115-117. *Соавторы:* И.М. Кудряшова, С.Л. Никогосов, Е.Г. Соколова, М.С. Суханова.
3. От структурной лингвистики – к искусственному интеллекту // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 654 Методологические проблемы искусственного интеллекта. Тарту, 1983. С. 130-155, 156 (англ. резюме). *Соавторы:* И.П. Севбо, С.Я. Фитиалов, Г.С. Цейтин, Ю.А. Шрейдер.
Работа построена в форме индивидуальных ответов на единую анкету, ответы Н.Н.Леонтьевой обозначены инициалами Н.Л.
4. Три свойства связного текста // *Tekst i zdanie / Pod red. T.Dobrzinskiej i E.Janus.* Wroclaw e.a.: Ossolineum, 1983. S. 171-181.

1984

1. Три шага к пониманию связного текста // Проблемы искусственного интеллекта и распознавания образов. Тезисы докладов и сообщений. Секция 1. Искусственный интеллект. Киев, 1984. С. 106-108.

1985

1. Информационная модель системы автоматического перевода // НТИ. Серия 2. 1985. № 10. С. 22-29.
2. Построение информативных единиц на тексте // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности: Школа-семинар «Кутаиси-85»: Тезисы докладов и сообщений. М., 1985. С. 14-17.
3. Этапы преобразования информации в одной системе автоматического перевода // Теория и практика научно-технического перевода: Международная конференция: Тезисы докладов. М., 1985. С. 148-149.

1986

1. О цели и этапах информационного анализа текста // Исследования целого текста. Тезисы докладов и сообщений совещания. М., 1986. С. 84.
2. Об информационной системе словарей Машинного фонда русского языка // Машинный фонд русского языка: идеи и суждения. М.: Наука, 1986. С. 109-125.

1987

1. О составе словарей для анализа связного текста // Сочетание лингвистической и внелингвистической информации в автоматическом словаре (Материалы всесоюзной школы-семинара). Ереван, 1987. С. 163-165.
2. Семантические заготовки к пониманию целого текста // Сб. науч.

С. И. Гиндин, Н. Г. Семенова

- трудов / Моск. пед. Ин-т иностр. языков. 1986 [на обл.: 1987] Вып. 271. МП и ПЛ [Вып. 21]. С. 81-109. *Соавторы:* И.М.Кудряшова, О.Б.Малевич.
3. Система французско-русского автоматического перевода (ФРАП): лингвистические решения, состав, реализация // Сб. науч. трудов Моск. пед. ин-т иностр. языков. 1986 [на обл.: 1987]. Вып. 271 МП и ПЛ [Вып. 21]. С. 6-25.
 4. Стадии и инструменты семантического анализа целого текста // Вторая Всесоюзная конференция по созданию машинного фонда русского языка (Тезисы докладов). М., 1987. С. 107-108.
 5. Этапы информационного анализа естественного текста // Международный форум по информации и документации. М., 1987 Т. 12. № 4. С. 8-14.
Англ. перевод см.: 1987.6.
 6. Stages of Information Analysis of Natural Language Texts // Int. Forum Inf. and Docum. 1987, V. 12. № 4. P. 8-14
Перевод статьи см.: 1987.5.

1988

1. О построении базы текстовых материалов // Развитие научной информации по общественным наукам в условиях перестройки. Часть 2. (Материалы научно-практической конференции ИНИОН АН СССР). М., 1988. С. 50-59. *Соавторы:* Р.Р. Мдивани, В.К. Пономаренко, Т.Н. Юдина.
Англ. перевод см.: 1989.3.

1989

1. База знаний и автоматический перевод (Проект многоязычной информационно-справочной системы) // Международный семинар по машинному переводу: Тезисы докладов. Тбилиси-Москва, 1989. С. 178-181.
2. Создание русского общесемантического словаря (РОСС) в режиме диалога с ЭВМ // Третья Всесоюзная конференция по созданию машинного фонда русского языка: Тезисы докладов. (Часть 1). М., 1989. С. 35-38.
3. Towards a Project of Full Texts Knowledge Base // Development of Scientific Information on Social Sciences under the condition of Perestroika (Materials of scientific/practical Conference. April 1989. Moscow, INION). P. 138-149. *Соавторы:* Mdivani R.R., Ponomarenko V.K., Yudina T.N.
Перевод статьи: 1988.1.

1990

1. Информационный анализ связного текста // Знания – Диалог – Решения. Ч. 1. Теоретические основы и методы. Киев, 1990. С. 306-325.
2. Отечественные системы машинного перевода // Искусственный интеллект. Справочник: В 3 кн. Кн. 1. Системы общения и экспертные системы. М.: Радио и связь, 1990. Гл. 12. С. 248-260. *Соавторы:* А.Д. Бакулов, З.М. Шаляпина.

3. Построение Базы текстовых фактов // НТИ. Серия 2, 1990, № 7. С. 2-10.
4. Современное состояние машинного перевода // Искусственный интеллект. Справочник: В 3 кн. 3. Кн. 1. Системы общения и экспертные системы. М.: Радио и связь, 1990. Гл. 11. С. 216-248. *Соавтор: З.М.Шалыпина.*
5. Строеие семантического компонента в информационной модели автоматического понимания текста: Автореф. дисс. ... докт. техн. наук. Киев, 1990. 46 с.
6. Теоретические аспекты машинного перевода // Искусственный интеллект. Справочник: В 3 кн. Кн. 1. Системы общения и экспертные системы. М.: Радио и связь, 1990. Гл. 10. С. 201-216. *Соавтор: А.Д.Бакулов.*

1992

1. Textual Facts as Units of Coherent Text Semantic Analysis // International Workshop on the Meaning-Text Theory. Darmstadt, 1992. P. 91-98. (Gesellschaft fu: r Mathematik und Datenverarbeitung MBN, 671).

1993

1. Моделирование «мягкого» понимания в системе анализа связного текста // Теория и практика общественно-научной информации. Информатизация и общество. М., ИНИОН, 1993. Вып. 8. С. 80-97.

1995

1. «ПОЛИТекст»: информационный анализ политических текстов // НТИ. Серия 2. 1995. № 4. С. 4-17.
2. Синтаксис, семантика, прагматика в прикладной системе // Диалог'95. Труды Междунар. семинара по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Казань, 1995. С. 171-174.
3. ROSS: Semantic Dictionary for Text Understanding and Summarization // META. Montreal, 1995. V. 40. № 1. P. 178-184.

1996

1. О полноценности единиц семантических структур текста // Труды Междунар. семинара Диалог'96 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Москва, 1996. С. 137-141.
2. На стыке текста и предметной области // V национальная конференция с междунар. участием «Искусственный интеллект-96». КИИ 96. Сборник научных трудов в трех томах. Т. 1. Казань, 1996. С. 120-124.
3. О предмете «прикладная лингвистика» (Отвечая Н.В.Перцову)// Московский лингвистический альманах. 1996. М.: Языки рус. культуры, 1996.
4. Смысловая неполнота в тексте как конструктивный фактор анализа // Материалы Международного конгресса «100-лет Р.О.Якобсону». М., 1996. С. 68-70.

С. И. Гиндин, Н. Г. Семенова

5. Виктор Шнитке. Стихотворения. Gedichte. Poems // Международный союз немецкой культуры. 1996. Составитель: ННЛ (стихотворения на рус. и англ. языках).

1997

1. Русский общесемантический словарь (РОСС): структура, наполнение // НТИ. Серия 2. 1997. №12. С. 5-20.
2. Семантический анализ прерванных высказываний на материале массива официальных документов // Труды Международного семинара Диалог'97 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 1997. С. 175-180.
3. Logic Possibilities of one Semantic Dictionary // Second Tbilisi Symposium «Language, Logic and Computation» / Tbilisi State University, Tbilisi, 1997. P. 56-58.

1998

1. Категоризация единиц в русском общесемантическом словаре (РОСС) // Труды междунар. семинара ДИАЛОГ'98 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 2. Казань, 1998. С. 519-532.
2. О статусе валентностей в информационном анализе текста // Семиотика и информатика. 1998. Вып 36. С. 41-50.
3. Синтаксическая группа – семантический узел // Функциональная лингвистика: Материалы международной конференции. Ялта, 1998. С. 88-89.

1999

1. О содержании Информации: (Как измерить расстояние между словом и делом?) // НТИ. Серия 2. 1999. № 8. С. 9-14.
2. Памяти В.Ю.Розенцвейга // НТИ. Серия 2. 1999. №6. С. 39-40.
3. Словарь как источник построения «текстовых фактов» // Труды Международного семинара Диалог'99 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 1999. С. 172-182.
4. Building Textual Facts on the Base of one Semantic Dictionary // Language, Logic and Computation: Third Tbilisi Symposium. Tbilisi State University, Tbilisi, 1999.

2000

1. К теории автоматического понимания текста. Ч. 1. Моделирование системы «мягкого понимания» текста: Информационно-лингвистическая модель. М.: Изд. Моск. ун-та, 2000. 42 с.
2. О некоторых свойствах семантического пространства текста в свете автоматического понимания // Искусственный интеллект. Тезисы докладов международной научной конференции (11-16 сентября 2000, п. Кацивели, Крым, Украина). Таганрог-Донецк, 2000. С. 112-113.
3. Связность и неполнота в семантическом пространстве текста // Функциональная лингвистика: Материалы конференции. (Ялта, 9-14 октября 2000). С. 203-207.
4. Смысловая неполнота в формуле слабой связи // Труды между-

нар. семинара ДИАЛОГ'2000 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 2. Протвино, 2000. С. 243-251.

2001

1. Инструменты построения фрейма ПЕРСОНА // НТИ. Серия 2. 2001. № 8. С. 9-20. *Соавтор:* С.Ю.Семенова.
2. К теории автоматического понимания текста. Ч. 2. Семантические словари: состав, структура, методика создания. М.: Изд. Моск. унта, 2001. 40 с.
3. Семантическое представление и словарь анализа в информационно-лингвистической модели // СЛОВО: Сборник работ к юбилею И.В.Червенковой. София, 2001. С. 180-207.
4. Слова-отношения и их роль в Представлении знаний // Труды международного семинара ДИАЛОГ'2001 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т.2. М., 2001. С.254-264.
5. Три структурных отображения текста: семантическое, информационное, когнитивное // Когнитивные сценарии языковой коммуникации: Международная научная конференция (Украина, Крым, сентябрь 2001). Симферополь, 2002.

2002

1. Динамика единиц в семантических структурах // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды междунар. семинара ДИАЛОГ'2002. Том 1. М., 2002. С.247-251.
2. К теории автоматического понимания текста. Ч. 3. Семантический компонент. Локальный семантический анализ. М.: Изд. Моск. унта, 2002. 49 с.
3. Об отражении полисемии в прикладном семантическом словаре // «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии». Труды междунар. семинара ДИАЛОГ'2002. Том 2. М.: Наука, 2002. С. 489-496. *Соавтор:* С.Ю.Семенова.
4. Общесемантический компонент в системе понимания текста // Scripta Linguisticae Applicatae = Проблемы прикладной лингвистики - 2001. М.: «Азбуковник», 2002. С. 89-106.
5. Структура Ситуации и ее отображение в семантическом словаре // Когнитивные сценарии коммуникации. На перекрестке языков и культур. Межд. науч. конф. CSC'2002 (Украина, Крым, Партенит. Сентябрь 2002). Доклады международной конференции / Ред. С.С. Дикарева, Т.Г. Скребцова. - Симферополь: Изд-во ТНУ им. Вернадского, 2002.

2003

1. Семантический словарь РУСЛАН как инструмент компьютерного понимания // Понимание в коммуникации – 2003. Материалы научно-практической конференции. М., 2003. С. 41-46. *Соавтор:* Семенова С.Ю.
2. Lexical Resources for Personal Data Recognition in Texts // Workshop on Information Extraction for Slavonic and other Central and Eastern European Languages (IESL-2003). Borovets, Bulgaria, 2003. *Соавтор:* S. Semenova.

С. И. Гиндин, Н. Г. Семенова

3. RUSLAN as a Semantic Dictionary for Information Extraction // Recent Advances in Natural Language Processing: International Conference (RANLP-2003). Borovets, Bulgaria, 2003.
4. Semantic Dictionary for Text Understanding and Summarization // International Journal of Translation. New Dehli. 2003. Vol. 15. № 1. P. 107-114.

2004

1. Валентности, актанты, смысловая неполнота в информационно-лингвистической модели // Семиотика, лингвистика, поэтика: К столетию со дня рождения А.А.Реформатского. М.: Языки слав. культуры, 2004. С. 250-268.
2. Концептуальная структура текста и словарь // Когнитивные стили коммуникации. Теории и прикладные модели. Доклады международной конференции CSC'2004. Симферополь, 2004. С.35-37.
3. «Ломит он удубасук...»: Памяти Ю.С.Мартемьянова // Русский язык: Еженедельная методическая газета для учителей-словесников. 2004. №4. С. 12-13.
Исправленную версию см.: 2001.4.
4. «Ломит он удубасук...» // Московский лингвистический журнал. 2004. Том 8, № 1. С. 15-18.
Исправленная версия статьи 2001.3.
5. О принципиальном использовании смысла при машинном переводе // Мартемьянов Ю.С. Логика ситуаций. Строение текста. Терминологичность слов. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 84-99.. Соавторы: А.К. Жолковский, Ю.С.Мартемьянов.
Исправленное переизд. статьи 1961.3.
6. Об эстетике семантической структуры текста // Логический анализ языка. Языки эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного / Отв. ред. Н.Д.Арутюнова. М.: Индрик, 2004. С. 628-638.
7. Построение единиц типа «Ситуация» на основе семантического словаря РУСЛАН // Scripta Linguisticae Applicatae = Проблемы прикладной лингвистики. Вып. 2 / Отв. ред. Н.В.Васильева. М.: Азбуковник, 2004. С. 43-55.
8. О проблемах семантической разметки корпуса текстов // Международная конференция «Корпусная лингвистика – 2004». Тезисы докладов. Изд. СПб ун-та, 2004. С. 52.
Полный текст доклада см. 2004.9.
9. Роль связей в семантической разметке корпуса текстов // Труды Международной конференции «Корпусная лингвистика – 2004». СПб.: Изд. СПб ун-та, 2004. С. 196-205.
10. Семантическое аннотирование под управлением предметных онтологий в проекте ONTOSMINER // Труды 9-ой национальной конференции по искусственному интеллекту с международ. участием КИИ-2004. Т. 2. М., 2004. С. 516-524.. Соавтор: И.В. Ефименко.
11. Семантический компонент в системах автоматического понимания текста // Образовательная программа послевузовского про-

фессионального образования. Программы курсов для аспирантов по специальности 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика / РГГУ, Управление аспирантурой и докторантурой. Институт лингвистики. М., 2004. С. 26-37.

12. Системы извлечения знаний из текстов // Образовательная программа послевузовского профессионального образования. Программы курсов для аспирантов по специальности 10.02.21 Прикладная и математическая лингвистика / РГГУ, Управление аспирантурой и докторантурой. Институт лингвистики. М., 2004. С. 49-60.

2005

1. Конфликты в компьютерном понимании текста // Понимание в коммуникации - 2005: Тезисы докладов международной научной конференции. М., 2005. С. 67-71.
2. Неполнота и смысловое сжатие в текстовом корпусе // Международная конференция MegaLing'2005 «Прикладная лингвистика в поиске новых путей». Материалы конференции. Украина, Крым, Меганом. Симферополь: Изд-во «ДиАйПи». С. 35-36. Полный текст доклада см. [2005_3](#).
3. Неполнота и смысловое сжатие в текстовом корпусе // Международная конференция MegaLing'2005 «Прикладная лингвистика в поиске новых путей». Материалы конференции. Меганом, Крым, Украина. Симферополь: Изд-во «Осипов». СПб, 2005. С. 67-73.

2006

1. Автоматическое понимание текстов: системы, модели, ресурсы: Учебное пособие. М.: Академия, 2006. 303 с.
Из содерж.: Глава 1. Взгляд «сверху» на системы автоматического понимания текста; Глава 2. Машинный перевод как среда создания систем автоматического понимания текста; Глава 3. Компонент первичного анализа текста; Глава 4. Компонент морфологического анализа; Глава 5. Синтаксический компонент; Глава 6. Локальный семантический анализ текста; Глава 7. Глобальный семантический анализ и сжатие текста; Глава 8. Учет специальных знаний в системах автоматического понимания текста; Глава 9. Information Extraction и другие информационные модели; Глава 10. Системы генерации текста; Глава 11. Концепция Базы текстовых фактов; Глава 12. Семантические словари: структура и состав информации; Глава 13. Корпусная лингвистика и другие лингвистические ресурсы для систем АПТ.
2. Корпусная лингвистика и системы автоматического понимания текста // Московский лингвистический журнал. 2006. Т. 9. №1. С. 5-15.
3. О грамматике концептуальных отношений // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции «ДИАЛОГ 2006». (Бекасово, 31 мая-4 июня 2006 г.) / Под ред. Н.И. Лауфер, А.С. Нариньяни, В.П. Селегея. М.: Изд-во РГГУ, 2006. С.342.

С. И. Гундин, Н. Г. Семенова

4. Семантические и концептуальные отношения в прикладном аспекте // MegaLing'2006 = Горизонты прикладной лингвистики и лингвистических технологий: Доклады Междунар. науч. конф. (20-27 сентября 2006, Украина, Крым, Партенит). Симферополь: ДиАйПи, 2006. С. 32-33.
5. Корпусная лингвистика: не только вширь, но и вглубь // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика-2006». СПб.: Изд-во С.-Петербург. Ун-та, 2006. С. 234-241.

2007

1. От «Не знаю» – к «Не понимаю» // Понимание в коммуникации. 2007. Язык. Человек. Концепция. Текст / Тезисы докладов Междунар. научной конференции. М. 2007. М.: УОП НИВЦ МГУ. С. 70.

Сокращения названий журналов и продолжающихся изданий

- ИРЯПГЭПЛ – Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. М., 1971-1989.
- МПигЛ – Машинный перевод и прикладная лингвистика / Московский педагогический институт иностранных языков. М., 1959-1987.
- НТИ – Научно-техническая информация / Всесоюзный институт научной и технической информации. М., 1961–
- ОИВЦП – Перевод научно-технической литературы: Обзорная информация. Серия 2. Машинный перевод и автоматизация информационных процессов / Всесоюзный Центр переводов. М., 1977-1991.

Алфавитный ключ заглавий

- Автоматизация обработки текстовой части экономической информации для информ. системы 1967.1.
- Автоматический перевод как понимание и реферирование 1982.1.
- Автоматическое индексирование с помощью словаря энциклопедических функций 1971.1.
- Автоматическое понимание текстов: системы, модели, ресурсы 2006.1.
- Алгоритм построения информационной записи для текста 1973.1.;
1973.2.
- Анализ и синтез русских эллиптических предложений 1965.1.
- База знаний и автоматический перевод (Проект многоязычной информационно-справочной системы) 1989.1.
- Валентности, актанты, смысловая неполнота в информационно-лингвистической модели 2004.1.

- Виктор Шнитке. Стихотворения. Gedichte. Poems 1996.5.
Динамика единиц в семантических структурах 2002.1.
Дифференциально-семантические признаки слова 1960.*1.
Задачи и общее строение системы автоматического индексирования с использованием информационного языка словосочетаний 1975.1.
Инструменты построения фрейма ПЕРСОНА 2001.1.
Информационная модель системы автоматического перевода 1985.1.
Информационный анализ связного текста 1990.1.
Информационный язык как средство преобразования информации 1970.1.
К теории автоматического понимания текста 2000.1.; 2001.2.; 2002.2.
Категоризация единиц в русском общесемантическом словаре (РОСС) 1998.1.
Компоненты информационно-переводческой системы 1982.2.
Контекстуальные значения русских предлогов 1966.1.
Контурсы анализа в системе французско-русского машинного перевода 1977.1.
Конфликты в компьютерном понимании текста 2005.1.
Концептуальная структура текста и словарь 2004.2.
Корпусная лингвистика и системы автоматического понимания текста 2006.2.
Корпусная лингвистика: не только вширь, но и вглубь 2006.5.
«Ломит он удубасук...» 2004.3.; 2004.4.
Моделирование «мягкого» понимания в системе анализа связного текста 1993.1.
Модель синтеза русской фразы на основе семантической записи 1961.*1.; 1961.*2.
На стыке текста и предметной области 1996.2.
Некоторые особенности грамматик информационных языков и проблема автоматического перевода с естественного языка на информационный 1975.1.2.
Неполнота и смысловое сжатие в текстовом корпусе 2005.2.; 2005.3.
О выявлении и представлении смысловой структуры текстов экономических документов 1971.2.
О грамматике концептуальных отношений 2006.3.
О компонентах системы понимания текста 1982.3.
О механизме интерпретации слабых связей в тексте 1982.4.
О направленном описании смысла слов при построении информационного языка для текстов наименований 1970.2.
О некоторых свойствах семантического пространства текста в свете автоматического понимания 2000.2.
О полноценности единиц семантических структур текста 1996.1.

С. И. Гундин, Н. Г. Семенова

- О построении базы текстовых материалов 1988.1.
- О предмете "прикладная лингвистика" 1996.3.
- О представлении смысла текста набором смысловых ядерных предложений 1967.3.
- О принципиальном использовании смысла при машинном переводе 1960.*2.: 1961.3.: 2004.5.
- О проблемах семантической разметки корпуса текстов 2004.8.
- О роли прагматического анализа научно-технического текста 1981.1.
- О смысловой неполноте текста 1969.1.
- О содержании Информации: (Как измерить расстояние между словом и делом?) 1999.1.
- О создании информационного языка на базе полного семантического анализа текста 1970.3.
- О составе словарей для анализа связного текста 1987.1.
- О статусе валентностей в информационном анализе текста 1998.2.
- О цели и этапах информационного анализа текста 1986.1.
- Об автоматической интерпретации слабых связей 1979.1.
- Об избыточности флексий русского прилагательного 1958.1.
- Об инструментах сбора текстовой фактографической информации 1983.1.
- Об информационной системе словарей Машинного фонда русского языка 1985.2.: 1986.2.
- Об одном способе представления смысла текста 1967.2.
- Об описании смысла слов 1966.2.
- Об отражении полисемии в прикладном семантическом словаре 2002.3.
- Об эстетике семантической структуры текста 2004.6.
- Общая стратегия лингвистического анализа в системе ФРАП-2 1983.2.
- Общесемантический компонент в системе понимания текста 2002.4.
- Описание слов со значением времени 1964.1.: 1964.2.
- Опыт автоматического индексирования со смысловым сжатием 1977.2.
- Опыт описания семантики предлогов 1964.3.
- От «Не знаю» - к «Не понимаю» 2007.1.
- От структурной лингвистики – к искусственному интеллекту 1983.3.
- Отечественные системы машинного перевода 1990.2.
- Памяти В.Ю.Розенцвейга 1999.2.
- «ПОЛИТекст»: информационный анализ политических текстов 1995.1.
- Построение Базы текстовых фактов 1990.3.
- Построение единиц типа «Ситуация» на основе семантического словаря РУСЛАН 2004.7.

- Построение информативных единиц на тексте 1985.3.
- Принципы организации и основные компоненты системы ФРАП 1979.3.
- Проблемы анализа и синтеза целого текста в системах машинного перевода, диалоговых и информационных системах 1978.1.
- Роль связей в семантической разметке корпуса текстов 2004.9.
- Русский общесемантический словарь (РОСС): структура, наполнение 1997.1.
- Связность и неполнота в семантическом пространстве текста 2000.3.
- Семантика предлогов с точки зрения автоматической обработки текста 1975.1.3.
- Семантика связного текста и единицы информационного анализа 1981.2.
- Семантическая словарная статья в системе ФРАП 1979.4.
- Семантические заготовки к пониманию целого текста 1987.2.
- Семантические и концептуальные отношения в прикладном аспекте 2006.4.
- Семантический анализ и смысловая неполнота текста 1968.1.
- Семантический анализ прерванных высказываний на материале массива официальных документов 1997.2.
- Семантический анализ текста, ориентированный на построение информационной записи 1969.2.
- Семантический компонент в системах автоматического понимания текстов 1982.5.
- Семантический компонент в системах автоматического понимания текста 2005.4.
- Семантический компонент системы ФРАП 1979.2.
- Семантический словарь РУСЛАН как инструмент компьютерного понимания 2003.1.
- Семантическое аннотирование под управлением предметных онтологий в проекте ONTOSMINER 2004.10.
- Семантическое представление и словарь анализа в информационно-лингвистической модели 2001.3.
- Синтаксис, семантика, прагматика в прикладной системе 1995.2.
- Синтаксическая группа - семантический узел 1998.3.
- Синтаксический компонент в системах машинного перевода 1981.3.
- Синтаксическое представление в системе французско-русского автоматического перевода (ФРАП) 1982.6.
- Система французско-русского автоматического перевода (ФРАП): лингвистические решения, состав, реализация 1987.3.
- Система ФРАП и проблема оценки качества автоматического перевода 1980.1.
- Система ФРАП как информационная система 1982.7.
- Системы извлечения знаний из текстов 2005.5.

С. И. Гиндин, Н. Г. Семенова

- Слова-отношения и их роль в Представлении знаний 2001.4.
Словарь как источник построения "текстовых фактов" 1999.3.
Словарь энциклопедических функций и его роль в автоматическом индексировании 1978.2.
Смысловая неполнота в тексте как конструктивный фактор анализа 1996.4.
Смысловая неполнота в формуле слабой связи 2000.4.
Смысловые отношения, передаваемые русскими предложениями 1969.*3.
Современное состояние машинного перевода 1990.4.
Создание информационного языка на базе семантического анализа текста 1971.3.
Создание русского общесемантического словаря (РОСС) в режиме диалога с ЭВМ 1989.2.
Союз и при машинном переводе 1959.1.
Стадии и инструменты семантического анализа целого текста 1987.4.
Строение семантического компонента в информационной модели автоматического понимания текста 1990.5.
Структура Ситуации и ее отображение в семантическом словаре 2002.5.
Теоретические аспекты машинного перевода 1990.6.
Три свойства связного текста 1983.4.
Три структурных отображения текста: семантическое, информационное, когнитивное 2001.5.
Три шага к пониманию связного текста 1984.1.
Устранение некоторых видов избыточной информации в естественном языке 1967.4.
Этапы информационного анализа естественного текста 1987.5.
Этапы преобразования информации в одной системе автоматического перевода 1985.4.
Automatic translation through understanding and summarizing 1982.8.
Building Textual Facts on the Base of one Semantic Dictionary 1999.4.
Lexical Resources for Personal Data Recognition in Texts 2003.2.
Logic Possibilities of one Semantic Dictionary 1997.3.
O pewnych właściwościach spójnego tekstu 1971.4.
On the semantic incompleteness of texts 1974.1.
ROSS: Semantic Dictionary for Text Understanding and Summarization 1995.3.
RUSLAN as a Semantic Dictionary for Information Extraction 2003.3.
Semantic Dictionary for Text Understanding and Summarization 2003.4.
Stages of Information Analysis of Natural Language Texts 1987.6.
Textual Facts as Units of Coherent Text Semantic Analysis 1992.1.
Towards a Project of Full Texts Knowledge Base 1989.3.

Список соавторов

- Бакулов А.Д. 1990.2.; 1990.6.
Бергельсон М.Б. 1981.3.; 1982.5.
Вавилова Г.Н. 1958.1.
Вишнякова С.М. 1977.2.
Волковская Е.В. 1971.1.; 1978.2.
Гиндин С.И. 1975.1.; 1978.1.
Гулыга О.А. 1981.3.
Ежов С.Е. 1981.3.
Ефименко И.В. 2004.10.
Жолковский А.К. 1960.1.; 1960.2.; 1961.3.; 1966.2.; 2004.5.
Иванов Вяч. Вс. 1960.1.
Копылова О.В. 1978.2.
Кудряшова И.М. 1979.4.; 1981.3.; 1982.5.; 1982.6.; 1983.2.; 1987.2.
Ловцкий Е.Е. 1981.3.
Малевич О.Б. 1987.2.
Мартемьянов Ю.С. 1960.1.; 1960.2.; 1961.3.; 1966.2.; 1970.2.; 1971.2.; 2004.5.
Мартемьянова Е.Ю. 1981.3.
Матвеев В.А. 1966.2.
Мдивани Р.Р. (см. также Mdivani) 1988.1.
Молчанова Т.В. 1971.1.; 1978.2.
Мушанов Ю.А. 1966.2.
Никитина С.Е. 1964.3.; 1966.1.; 1969.*3.; 1975.3.
Никогосов С.Л. 1977.1.; 1979.3.; 1980.1.; 1982.5.; 1982.7.; 1983.2.
Пономаренко В.К. (см. также Ponomarenko) 1988.1.
Резницкая Д.Л. 1981.1.; 1983.1.
Розенцвейг В.Ю. 1960.1.; 1966.2.; 1970.2.; 1971.2.
Севбо И.П. 1983.3.
Семенова С.Ю. (см. также Semenova) 2001.1.; 2002.3.; 2003.1.
Соколова Е.Г. 1979.4.; 1981.3.; 1982.5.; 1982.6.; 1983.2.
Суханова М.С. 1981.3.; 1982.5.; 1983.2.
Урысон Е.В. 1973.1.; 1973.2.
Фитиалов С.Я. 1983.3.
Цейтин Г.С. 1983.3.
Шаляпина З.М. 1981.3.; 1990.2.; 1990.4.
Шрейдер Ю.А. 1983.3.
Штернова О.А. 1978.2.
Щеглов Ю.К. 1960.1.
Эрастов К.О. 1966.2.; 1967.1.
Юдина Т.Н. (см. также Yudina) 1988.1.
Mdivani R.R. 1989.3.
Ponomarenko V.K. 1989.3.
Semenova S. 2003.2.
Yudina T.N. 1989.3.

Вспоминая М. С. Киктева

أفاضل الناس اعراض نداء أكرم من * بخلو من أتهم إخلالهم من أفضن

`afāḍilu-n-nāsi `aḡrādun liḡā-z-zamāni
yaḥlū minā-l-ḥanun-i `ahlāhum minā-l-fiṭāni

Выдающиеся люди – мишень для времени.

Лишенные ж мыслей – забот лишены.

аль-Мутанábби (арабский поэт X в.).

Прошедший 2005 год не зря окрестили черным годом в истории российской гуманитарной науки. Один за другим ушли такие видные ученые, как А.П. Чудаков, С.А. Старостин, М.Л. Гаспаров, В.Н. Топоров, Е.М. Мелетинский... уже в начале настоящего года умер Б.М. Стависский. Каждое утро начиналось с чувством щемящей тревоги: не готовит ли грядущий день новой безвозвратной потери. Несмотря на это, когда вечером 15 декабря мне сообщили, что умер М.С. Киктев, я не поверил в это и несколько раз переспросил, заклиная слепую судьбу, чтобы известие оказалось досадной ошибкой. Некоторое время не хотелось понимать произошедшее. Было ощущение, что мгновение застыло, как капля воды, замерзшая на морозе...

К сожалению, мне не пришлось быть студентом М.С. Киктева, я познакомился с ним во время учебы в аспирантуре, однако горжусь, что выпала возможность причислить себя к его ученикам.

Весь день М.С. был расписан, начиная с раннего утра: сплошные лекции в разных институтах, пожалуй, во всех вузах Москвы, где преподается арабский язык. Но и после окончания занятий, когда это происходило в РГГУ, он никогда не спешил уйти домой: в это время к нему можно было обращаться с лю-

бым вопросом. Огромный энциклопедизм позволял ему давать консультации по колоссальному количеству вопросов, связанных с арабистикой и исламоведением. Даже специалист, долгое время занимающийся узкими проблемами, мог получить от него бесценные рекомендации, связанные со своей специфической тематикой. С самого начала меня поразила круг знаний М.С. Он, поистине, был бездонным кладом премудрости. Несмотря на то, что М.С., как и прочие преподаватели, носил с собой конспект своих лекций, за годы нашего знакомства он только пару раз заглянул в него, чтобы проверить даты смерти нескольких малоизвестных арабских филологов, конечно, он и тут оказывался прав. Мозг М.С. хранил в себе не только массу фактов по арабской истории, филологии, философии, массу сложных арабских имен, но и десятки, сотни дат. Он, например, мог безошибочно перечислить даты царствования всех правителей практически любой мусульманской династии, часто не только с указанием года, но месяца и дня. М.С. имел информацию об огромном количестве изданий арабских текстов не только в Западной Европе, но и в мусульманских странах, лично знал целые династии многих египетских и сирийских издателей. Он помнил наизусть огромное количество арабских средневековых текстов, отличающихся повышенной сложностью. Отметим, что стандартный средневековый арабский историографический памятник может содержать до 50-и пухлых томов. Однако более всего меня восхищало то колоссальное количество арабских стихов, которые М.С. помнил наизусть. Думаю, не ошибусь, если скажу, что М.С. держал в памяти практически весь огромный диван своего любимого арабского поэта аль-Мутанабби. Подобное качество всегда отличало средневековых мусульманских филологов и поэтов. Редко в мире (особенно на Западе) можно встретить исследователя, помнящего наизусть свыше десятка длинных и сложных арабских касид или муаллак.

Кроме того, он являлся непревзойденным знатоком русской поэзии «серебряного века» (особенно В. Хлебникова) и В.С. Соловьева, с рукописными фондами которого он длительное время работал. Кроме тотального увлечения Востоком в кругу поэтов «серебряного века» и знаменитого Соловьевского очерка о Мухаммаде, точек соприкосновения двух миров М.С. нашел гораздо больше. Помню уникальную машинописную рукопись, перепечатанную им в фонде Соловьева о житии знаменитого суфия аль-Халладжа. И сразу же после этого, не дав отойти от восторга вызванного памятником, М.С. кладет на

стал одну из своих многочисленных записных книжек со словами: «А вот тоже любопытный материал». Это была копия статьи из записных книжек Соловьева о двух природах Христа. Цены ей нет для историков русской философии. А в записях М.С. – это одна из многих «любопытных» замет.

Меньше всего к М.С. можно было применить определение «сухой ученый», который, живя среди архивов, часто не в состоянии донести свои сугубо специфические знания до широкой аудитории. М.С. действительно жил среди книг, но в не меньшей степени он жил среди живых людей. Блестящий талант лектора сочетался в нем с сугубо индивидуальным подходом к каждому слушателю. К каждому студенту он подходил как к единственной и неповторимой личности. Несмотря на то, что в РГГУ он читал свои лекции на самых последних парах, я никогда не замечал людей задремавших или клюющих носом (согласитесь, довольно частый и легко объяснимый случай). И дело было не столько в предмете лекции, сколько в талантах лектора. Как трудно сочетать между собой лекцию, насыщенную фактами и стиль, позволяющий отвлечь и взбодрить слушателей. Часто видишь либо безукоризненное, но сухое повествование, либо живое общение, увы, довольно далеко уводящее от предмета лекции. М.С. строго выдерживал баланс, вставляя иногда по ходу повествования рассказы о жизни востоковедов, о разных примечательных историях, имеющих отношение в арабистике, или к востоковедению вообще. Для многих его учеников, которые уже сами являются преподавателями, он и здесь был примером для подражания. Общаясь со старшими коллегами в разных городах и странах, и сам собираешь изрядный запас таких историй, но многие истории М.С. навсегда врезались в память своей оригинальностью. Например, нельзя забыть случая, произошедшего с известным русским тюркологом В.В. Радловым, который перед возвращении с Урала, где собирал знаменитых каменных баб, дал в Санкт-Петербург коллеге телеграмму следующего содержания: «Изрядно поиздержался на баб тчк Везу восьмерых тчк Высылайте грузовик».

Лучше всех городов арабского мира М.С. знал Каир. Стоило только послушать его, как складывалось впечатление, что он вырос в нем. Каждый, кто представляет себе карту этого огромного города, являющегося в большей своей части нагромождением разновременных исторических застроек, может не поверить, что европейский человек способен помнить сложную систему всех запутанных улиц, узких переулков и неприметных тупиков.

Кроме дорогого его сердцу арабского Востока и юга Испании с сохранившимися следами длительного мусульманского пребывания, М.С. пламенно любил еще один край: Дагестан. Любовь объяснялась несколькими причинами: во-первых, там живет один из старейших и выдающихся российских ученых-иранистов Н.О. Османов, к которому М.С. часто приезжал в гости; во-вторых, этот край славится ученостью, там можно встретить замечательных знатоков арабо-мусульманской науки и отыскать разнообразные книжные издания, привезенные из арабских стран, а по древнему, неписаному обычаю, хозяин книжной лавки может не только сделать скидку понравившемуся покупателю, но и подарить саму книгу. Но одно место в Дагестане особенно очаровало М.С., искушенного многочисленными поездками по экзотическим восточным странам. Это небольшой аул Кубачи, с древних времен славящийся на весь Кавказ производством холодного оружия. В селение можно было добраться только по узкой горной тропинке, местами шириной со ступню ноги. Сюда М.С., ведомый проводником, приходил несколько раз, здесь он осуществил свою потайную мечту – оседлать коня, здесь он отыскал уникальную рукопись арабского интеллектуала аш-Шанкити, самый ранний сохранившийся источник по теории мистической любви к Богу, которая практиковалась мусульманскими мистиками суфиями. Помню, с каким азартом мы склонялись над выписками из рукописи. М.С. уже готовил статью про этот памятник, увы, он ушел, даже не успев опубликовать этой статьи.

Как-то я попросил его приобрести в Дагестане небольшое сочинение известного мусульманского средневекового философа аль-Газали. Он приехал и сказал, что нужной книги, к сожалению не было, но он купил для меня другое, не менее редкое издание: трактатовы Ибн Араби. Наотрез отказавшись взять деньги, М.С. пообещал: «Я поеду в Дагестан осенью, обещаю найти нужную вам книжку». В сентябре раздался звонок: радостный голос М.С. возвестил, что его поиски увенчались успехом – я могу приезжать за книгой. «Ну что вы, как можно, перестаньте», – запротестовал он, после когда я объявил о намерении возместить хотя бы эту его трату.

Создавалось впечатление, что сам М.С. – человек «серебряного века», далекий от сегодняшних, обыденных реалий. В каждом его жесте сквозило благородство, учтивость и глубинная врожденная интеллигентность, всегда отличавшая лучших представителей «старой» школы. Он вменил себе в правило подавать дамам пальто, всегда предлагал свою помощь, чувствуя

малейшую в ней потребность. При обращении или упоминая кого-либо из общих знакомых, он вставлял перед именем «уважаемый». Помню, после смерти С.С. Аверинцева М.С. на своем занятии попросил почтить его память минутой молчания. На лекциях он всегда говорил с глубоким уважением и пиететом о своих учителях, о предшественниках, о коллегах. Не оставляло ощущение, что в эти моменты за его спиной, словно огромные тени, вырастали фигуры давно ушедших ученых: В.Р. Розена, В.Ф. Гиргаса, И.Н. Винникова, И.Ю. Крачковского, Х.К. Баранова и др. Порой, речь заходила о менее известных исследователях. Тогда М.С. начинал рассказывать об их жизни и увлечениях, так, что они представляли, как живые. Возникало восторженное ощущение причащения к великой традиции.

Посвящая практически все свободное время преподаванию и своим ученикам, он подчас не спешил публиковать даже ключевые результаты своей обширной научной работы. Будучи приверженцем досконального подхода к работе, М.С. не выносил торопливости и никогда не спешил ставить точку в очередном исследовании. В результате остались незавершенные статьи, подготовленные к критическому изданию уникальные тексты, материалы к курсу истории арабской литературы, одной из самых заветных его работ.

Однажды М.С., придя как всегда на лекцию, сообщил о смерти видного отечественного востоковеда, специалиста по Индонезии Б.Б. Парникеля: «Он был не только превосходным ученым и знатоком в своей области... это, конечно, прекрасно, но не самое главное. За все то время, что я его знал, он не сделал никому ни одной подлости, честнейший человек...». Затем он, задумавшись, добавил, говоря о своих ровесниках-востоковедах: «Нас становится все меньше и меньше...». Эта фраза прозвучала за несколько месяцев до его собственной кончины. С уходом М.С. мир лишился не только прекрасного ученого-эрудита, но и замечательного человека, а порядочных людей становится все меньше и меньше...

А потом была скромная процедура прощания в морге Института Склифосовского. Гулкий шум вентиляционных турбин заглушал слова скорби, морозный воздух свежей струей врывался в теплое помещение...

П.В. Башарин

Если пытаться найти одно-единственное прилагательное, чтобы описать Максима Сергеевича Киктева, каким знали его мы, студенты тогда еще факультета теоретической и прикладной лингвистики РГГУ, изучавшие в качестве первого языка арабский, то первым напрашивается слово «необычный». Что говорить, нам неслыханно повезло с преподавателями, нас учили выдающиеся ученые, замечательные люди. Но именно Максим Сергеевич с первого взгляда отличался от всех остальных, в особенности от лингвистов и преподавателей языков, имевших отношение к нашей восточной кафедре. По всему было видно, что он настоящий филолог (именно «любящий слово»), при этом несколько не похожий на тех, кого мы могли видеть на историко-филологическом факультете. Максим Сергеевич был явно сам по себе. И это хорошо проявлялось в мелочах.

Начать с его голоса, деликатного, когда он обращался к кому-то из нас, и гремящего, когда он читал. Суры Корана, касьиды арабских поэтов, фрагменты из новоарабской литературы, тексты из хрестоматии по египетскому диалекту. Мы, особенно на втором курсе, когда только познакомились с Максимом Сергеевичем, не знали язык на том уровне, чтобы по-настоящему вникнуть во все, что он нам демонстрировал: многообразие значений слов, звукопись, построение текста, да и просто красоту того или иного произведения. Но не проникнуться этой мощью мы не могли. Манеры у Максима Сергеевича были почти что изысканные, и при этом он мог ввернуть какое-нибудь жаргонное слово вроде *врубить* в значении «включить магнитофон». Прекрасный, богатейший русский язык – не припомню другого человека, который бы употреблял глагол *довлеть* в первоначальном значении с дательным падежом! Что говорить о его колоссальной эрудиции, которая проявлялась буквально на каждом занятии. Максим Сергеевич часто отклонялся от основной темы, и мы узнавали массу фактов и цитат из арабской (и русской!) литературы.

Собственно говоря, Максим Сергеевич не осуществлял учебного процесса в привычном понимании – насколько можно судить, он сам не так понимал предназначение своих занятий. Он не устраивал зачетов, вообще ничего с нас не спрашивал, просто рассказывал и показывал. (Один-единственный раз он предложил нам почитать арабское стихотворение – для нас это

Вспоминая М. С. Киктева

оказался плачевный опыт.) Если и предъявлял требования, то, в основном, это касалось наших опозданий на занятия. А мы просто слушали, как он читает и переводит тексты. Переводил он необыкновенно ответственно и тщательно, для одного слова мог привести целый филологический экскурс с интереснейшими примерами (однажды таким примером стал гимн Судана, который Максим Сергеевич сам спел!). Нередко он украшал занятия интереснейшими историями из собственной жизни, в основном, касавшимися его путешествий по арабским странам. И вот теперь у нас, помимо конспектов в тетрадях (хотя он почему-то был против того, чтобы за ним записывали, объясняя это тем, что если записал – значит, забыл), остались аудиозаписи, на которых он читает тексты из упоминавшейся хрестоматии. В памяти сохранились его красочные рассказы и просто фразы. И в моем книжном шкафу стоит ливийское издание Корана, которое Максим Сергеевич неожиданно подарил мне прямо на занятии, узнав, что у меня день рождения.

Г. Дурново

Поступив в РГГУ летом 1995 года, я еще не подозревала, что судьба привела меня таким образом к арабскому языку. В сентябре начались студенческие будни и первые робкие попытки приоткрыть совершенно неведомый нам прежде мир. А еще годом позже наша группа познакомилась с Максимом Сергеевичем. Как сейчас, помню первые впечатления. Во-первых, было тяжело. Первые курсы и так не просты, а тут еще странный преподаватель, которому мало отведенной для нас пары в неделю. Он готов сидеть и две, и три и больше, лишь бы успеть прочитать и разобрать как можно больше глав Корана, священной книги мусульман. Мы сидели допоздна, полусонные, а Максим Сергеевич читал, раскладывая перед нами свои записи и схемы, согласно которым, пусть и не обычный, но все-таки текст представал поистине божественным творением – настолько совершенно было его строение и гениален язык.

Да, мы не могли сравниться с ним в декламировании Корана (читать по-арабски нам было еще трудно), мы не всегда успе-

вали уследить за всеми параллелями, которые проводил наш учитель, многое из того, что он говорил, вылетало из головы, и тогда он терпеливо повторял тему снова. Но постепенно мы начали получать все большее удовольствие, слушая его. Как много нужно проделать работы, сколько времени провести согнувшись над тысячами рукописей и книг, чтобы вот так стоять сейчас у доски! Казалось, перед нами не исследователь, а живой классик самой арабской литературы, причем современник как Нагиба Махфуза, так и классиков Абу Нуваса, Абу Аля аль-Маарри, аль-Мутанабби. Исчерпав отведенные нам на изучение языка Корана полгода, Максим Сергеевич поставил перед собой и нами новую задачу – пройти путями арабской литературы от самых ее истоков еще в доисламской эпохе вплоть до наших дней.

Особенность занятий с ним заключалась в том, что он не просто рассказывал об исторических обстоятельствах, в которых жил и творил тот или иной автор, и о перипетиях их жизни. Так же как с Кораном, он шел от текста: читал, переводил, разбирал, комментировал. И опять строки, смысл которых в наши дни способен понять далеко не каждый араб, оказывались наполненными богатым содержанием да еще и мастерски построенными по традиционным правилам арабского стихосложения. Таких знатоков классической арабской поэзии, как наш учитель, были единицы за всю историю российской арабистики.

Я бесконечно благодарна ему за эти уникальные знания. Возможно, не на самую благодатную почву они упали, но они не пропали зря. Главное, что они заложили основу, из которой постепенно выросли понимание, уважение и искренняя любовь к чужой культуре. Я помню, что когда, наконец, оказалась в Каире, моей первой мыслью было – вот он город, о котором мы столько слышали! Город, по которому ходил Максим Сергеевич, который он так любил, город, воспетый его любимым писателем и великим романистом Нагибом Махфузом, недавно также покинувшим этот мир. Вплоть до того, что блуждая по бесконечным переулкам старинного каирского рынка Хан эль-Халили, мы искали в первую очередь кафе эль-Фишави, куда, по рассказам, любят захаживать представители египетской интеллигенции и часами беседовать, потягивая крепкий кофе с кардамоном и время от времени прикладываясь к трубке кальяна. Совершенно чужой, многолюдный, шумный и грязный город благодаря Максиму Сергеевичу стал нам родным еще до того, как мы впервые там очутились.

Много можно было бы еще рассказать о Максиме Сергеевиче, но от этого не станет менее больно и грустно. Как хотелось бы однажды прийти в университет и еще с порога почуять ароматный специфический запах табака, который не может означать ничего другого, как то, что учитель уже в аудитории, а ты, как всегда, опаздываешь.

Н. Ландо

Максим Сергеевич Киктев – это один из немногих Учителей. «Учителей» именно с большой буквы. Такие Учителя нечасто встречаются в жизни, но каждая встреча запоминается на всю жизнь.

Когда стало известно о смерти Максима Сергеевича, трудно сказать, что было более болезненным: осознание того, что его больше нет, или понимание, сколького мы, его ученики, лишились.

Поверить в его смерть было трудно особенно потому, что он был очень живой. Жизнь просто лилась из него при каждом слове, движении. В аудитории, где мы с ним занимались, стоял стол буквой «О» и, чтобы видеть сразу всех учеников, Максим Сергеевич всегда лихо перемахивал через этот стол и усаживался в центре. Той осенью умерло много достойных людей. И каждый раз, когда я видела, как он перепрыгивает через стол, в голове мелькала мысль, что хотя бы ему ничего не грозит...

Сколько раз и от более молодых людей можно услышать: «Хотелось бы выучить это, сделать то, но вот уже поздно, нет времени, этого я не успею». Максим Сергеевич никогда не говорил ничего подобного. Напротив, как-то он провел параллель между какими-то словами в арабском и иврите и, сделав это, сказал: «Я еще не знаю иврита, но обязательно его выучу».

Неизменно потрясало, сколько он знает и насколько он не «выпячивает» свои знания. Нередко от какой-нибудь суры Корана разговор уходил совсем далеко, но, о чем бы Максим Сергеевич ни говорил, его можно было слушать, не отрываясь.

И, что особенно в нем восхищало, ему все было действительно интересно. Казалось бы, который раз он рассказывает немногочисленным ученикам про классический арабский

язык, читает с ними суры Корана, но все равно видно, что ему это интересно, что ему хочется передать студентам этот интерес. Видно было, как он любит арабский язык. И азарт его был удивительно заразителен.

Занятие всегда начиналось с того, что на стол выкладывались разные варианты перевода Корана. Максим Сергеевич читал часть суры, рассказывал про особенности текста в этом отрывке, переводил сначала почти дословно, потом более литературно, а затем обращался к ученикам: «А что говорит по этому поводу Игнатий Юлианович? А Нури Османович?». Максим Сергеевич всегда обращался к переводчикам по именам, как будто они незримо там присутствовали.

Максим Сергеевич никогда не давал никаких заданий, никогда не требовал, чтобы студенты что-то сами читали или переводили, не требовал, чтобы лекции записывались, кажется, он даже не любил, когда кто-то записывал слишком подробно, но при этом каким-то образом все запоминалось. И в какой-то момент ученики вдруг осознавали, что почти все понятно.

Бывало, правда, что Максим Сергеевич спрашивал что-то во время занятия, и какой же стыд охватывал, если ты не мог ответить на вопрос. В таких случаях Максим Сергеевич возмущался и грозно повторял, что если до второго курса язык не выучил, то не выучишь уже никогда.

Если Максим Сергеевич приводил какой-то пример и выбирал кого-то из студентов в качестве показательного собеседника, после он внимательно вглядывался в человека и обеспокоенно спрашивал: «Вы не обиделись? Ведь это только пример! Я вас не обидел?».

Чего Максим Сергеевич не переносил, так это нетерпимости. Это, пожалуй, было единственным, что неизменно выводило его из себя. Любого рода нетерпимость немедленно заставляла его отвлечься и попытаться каким-то образом – спором или соответствующей случаю историей – вразумить собеседника. Связанные с происходящим истории вплетались в наши занятия истинно по-восточному.

О Максиме Сергеевиче можно долго вспоминать, и чем больше вспоминаешь, тем больше начинает всплывать в памяти. Благодаря его занятиям, арабский язык открылся для меня новой, увлекательной стороной, которой до того я просто не замечала. Хочется рассказать и о его джентльменстве, и еще о собственно занятиях, однако когда-то приходится остановиться...

С. Лахути

С именем Максима Сергеевича Киктева у меня связаны самые лучшие и теплые воспоминания не только студенческой поры, но и всей, пусть не такой еще долгой, жизни. Жизни, которая измеряется не временными интервалами: количеством прожитых дней, месяцев, лет, а их качеством, наполнением.

Несомненно, для меня встреча с Максимом Сергеевичем стала тем поворотным, ключевым моментом, который определяет на длительный срок отношение к литературе, языку, творчеству, и, наконец, к самой жизни.

Незаметно для меня, Максим Сергеевич стал Учителем Жизни, а не только и не столько учителем арабской литературы и языка. Трудно сказать, что первоначально было на наших занятиях – знакомство с высокими образцами классической арабской поэзии и литературы или поиск подлинной сущности жизни-смерти, добра-зла, любви-ненависти, ответов на вечные вопросы человеческого бытия. Конечно, все это шло параллельно, в единой и неразрывной связи друг с другом.

Каждое наше занятие превращалось в общение-радость.

И дело здесь не в методике преподавания, способе подачи материала, а, прежде всего, в самом человеке. Увлеченность делом, страстность, «горение» Максима Сергеевича, безусловно, передавались его ученикам, разжигали интерес и – возможно, самое главное – вдохновляли на поиски, оценки, выработку собственного видения. Он не любил назиданий, не настаивал на конкретной интерпретации того или иного художественного произведения, а давал разные варианты его прочтения. Но это ни в коем случае не означало размытости собственных позиций, где-то он был бескомпромиссен и непримирим. Но важно, что он был **настоящим** во всех своих проявлениях: настоящим человеком, ученым, учителем.

Максим Сергеевич был убедителен, ему хотелось верить, и мы верили. Он пользовался безоговорочным доверием учеников благодаря своим энциклопедическим знаниям, тщательному подбору материала, его скрупулезному анализу. И все это, наряду с тонким чувством юмора, доброжелательностью и интеллигентностью было обречено на успех у слушателей.

Да, Учитель, именно так, как бы пафосно и высокопарно это не звучало. И больше **такого** уже не будет, Максим Сергеевич незаменим.

Земной путь его закончился, он ушел, а вместе с ним и весь

Вспоминая М. С. Киктева

колоссальный опыт, знания, особое мировоззрение и отношение к литературе, поэзии, языку, творчеству.

Часто ловишь себя на мысли о том, а что бы сказал по такому-то поводу Максим Сергеевич.

Но мне кажется, главное, что он оставил своим ученикам в наследство – это определенное направление, общая тенденция, способ отношения к языку, поэзии, творчеству. А еще привил вкус к поэзии и научил наслаждаться ею.

Вспоминаю последнее наше занятие. Оно было посвящено Абу Аля аль-Маарри, одному из любимых поэтов Максима Сергеевича. Как обычно, Максим Сергеевич был увлечен, энергичен и убедителен. В моей памяти Максим Сергеевич останется таким навсегда. Мы начали читать произведение Маарри на смерть ханафитского факиха, но так и не успели дочитать до конца... Может, это и символично, что отсутствует законченность, логическое завершение наших занятий. Одно из часто цитируемых выражений Максима Сергеевича – это слова халифа Омара: «Будьте сосудами книги и родниками знания». Для своих учеников Максим Сергеевич был именно таким.

А. Аюпова

Конференция «Скрытые смыслы в языке и коммуникации»

23–24 октября состоялась международная конференция «Скрытые смыслы в языке и коммуникации», организованная Институтом лингвистики РГГУ. Она была посвящена широкому кругу вопросов, касающихся неявного выражения смысла в языке. Докладчиками стали 28 российских и зарубежных лингвистов, филологов и психологов.

Это была уже пятая ежегодная конференция, в которых рассматривают проблемы коммуникации с позиций современных лингвистических теорий и которые традиционно проводятся в Институте лингвистике в 20-х числах октября.

Границы обзора не позволяют охватить все прозвучавшие доклады. Ниже будут представлены лишь некоторые из них.

После вступительного слова декана факультета теоретической и прикладной лингвистики Института лингвистики И. А. Шаронова начала работу первая секция, на которой рассматривались вопросы имплицитности, косвенности и коммуникативных эффектов.

Доклад **Г. Е. Крейдлина** был посвящен явным и неявным компонентам концепта «воспитание». По синтаксическим и семантическим признакам выделяются три значения слова «воспитывать» – первые два различаются в зависимости от цели воспитания (человек или отдельные внутренние качества человека, ср. *воспитывать детей* и *воспитывать уравновешенность темперамента*); в третьем значении этот глагол близок к *поучать*, и объектом воспитания в этом случае может быть только тот, чье поведение или качества оцениваются негативно, ср. *Вечно она меня воспитывает!* Глагол *воспитывать* употребляется в третьем значении очень часто, что подтверждает справедливость замечания А. Вежбицкой о склонности русских людей к моральным оценкам. «Воспитание» концептуализируется в русском языке как труд, достаточно тяжелый, который возлагается обществом на определенную группу людей или отдельного человека. Он входит в обязанности родителей,

участие которых в воспитании собственных детей обычно подразумевается и специально не оговаривается. Собственно воспитателями называют людей в соответствии с их профессией или должностью (тогда они обычно работают в воспитательных учреждениях), однако для некоторых профессий воспитывать – не главная, но возможная функция (*Писатель должен быть воспитателем и учителем*). Воспитание как деятельность осуществляется с помощью определенных инструментов и средств: ими могут быть поведение и личные качества человека (*воспитывать на личном примере*), отношения между воспитателем и воспитанником (*воспитывать любовью и милосердием*), а также деятельность (*воспитывать трудом*). Русский язык маркирует наиболее типичные отклонения от принятых способов воспитания – *баловать, держать в строгости*. Отдельные элементы семантического поля *воспитание* идеологически окрашены: например, *правильным* воспитание может быть только относительно некоторых норм, и в тоталитарном государстве к числу *неправильно воспитанных* относят всех нелояльных власти граждан.

Доклад вызвал большой интерес. Обсуждалась, в частности, разница между *врожденным* и *приобретенным* воспитанием.

В докладе **И. Б. Иткина** «Скрытые смыслы как психологическая пытка: casus Порфирия Петровича» были проанализированы некоторые «словесные фокусы» в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Речь шла о вполне «невинных» репликах героев романа, которые для Раскольникова приобретали другой смысл и напоминали о совершенном им преступлении. Так, когда Порфирий Петрович рассуждает о том, что «казенная квартира славная вещь», у Раскольникова по ассоциации не может не возникнуть выражение «казенный дом», т. е. тюрьма. Аналогично, повторенное три раза выражение *огорошить обухом по темени (вопросом)* несомненно намекает на убийство старухи-процентщицы, хотя на поверхностном уровне речь идет о другом. Даже разговор на библейские темы становится пыткой для Раскольникова, когда он должен ответить на вопрос, верует ли он в воскресение Лазаря, т. е. моральное воскресение. Замечательны также две фразы – в начале и конце романа – *ишь нарезался* и *ишь нахлестался*, которые произносятся в адрес Раскольникова, потому что тот выглядит как пьяный, но характерно, что первая из них звучит, когда он только что *зарезал* старуху, а вторая – когда он занимается *самобичеванием*.

С. С. Тахтарова посвятила свое выступление рассмотрению импликатур вежливости в мейотической коммуникации. При вербализации коммуникативных интенций говорящий способен изменять интенсивность иллокутивной силы своих высказываний, прибегая к косвенным способам выражения. Возможности такого варьирования проявляются особенно отчетливо в оценочных речевых актах, и в первую очередь в ситуациях отрицательной оценки, потому что они могут привести к конфликтам. В таких случаях говорящий должен учитывать социальные нормы и конвенции, прежде всего – максимы вежливости, призывающие сохранять общую позитивность коммуникации. Руководствуясь данными максимами, говорящий выбирает мейотическую (ослабленную) оценку сообщаемого, рассчитывая на то, что адресат скорректирует несоответствие между реальным предметом и тем, что о нем говорится, и правильно оценит намеренную сдержанность выражений (напр. ...*Ну, это уж ты того... приврал...* (В. Шукшин)). Импликатуры вежливости приобретают особую значимость в межкультурной коммуникации, поскольку учет имплицитных смыслов в речи собеседника, принадлежащего к другой коммуникативной культуре, может представлять определенные трудности. Этнокультурная специфика стратегий вежливости рассматривалась в докладе на примере русской и немецкой культур.

Сопоставительный характер носил доклад **Р. А. Говорухо** «“Лишние” глаголы в итальянском тексте: риторика или грамматика?». В нем на материале анализа корпуса параллельных текстов на русском и итальянском языках обобщались стратегии трансформации смысла при двустороннем переводе. Например, русскому *Долго спорили Ш, кому идти первым в кабинет начальника* (Ю. Нагибин) в существующем литературном переводе соответствует *Discutemmo a lungo per stabilire chi si sarebbe recato per primo nello studio del responsabile*, т. е. буквально *спорили чтобы решить*. Данное соотношение является обычным при такого рода переводе – итальянский язык предпочитает эксплицитное выражение ряда смыслов, в русском тексте остающихся имплицитными (таких как выделение, смягчение или, наоборот, усиление определенных семантических элементов текста). Важно, что речь идет не о грамматическом запрете на конструкцию без «вставного» глагола, а о предпочтениях на уровне текста – «лишний» элемент факультативен, без него фраза не станет неграмматичной, но переводчик стремится его использовать.

В докладе **К. В. Антонян** «Принцип *sapinti sat* в китайском

дискурсе» говорилось о китайских лексемах и фраземах, значение которых не выводится из значения составляющих – для их адекватной интерпретации требуется опора на некую общую «базу знаний». В разных случаях эта общность может распространяться на всех образованных людей или только на узкий круг (например членов одной семьи). Это могут быть собственные имена, сложносокращенные слова, а также различные фразеологизмы. При образовании такого рода комплексов могут быть задействованы как графический уровень представления китайских слов (тогда новая единица образуется на базе уже имеющихся иероглифов, и возможна игра на омофонии при различном написании слов), так и фонетический (тогда может иметь место, например, усечение морфем). Нередко фразеологизмы и цитаты употребляются в усеченной форме, и без знания полной формы понять их смысл затруднительно, напр. *jian ren jian zhi* буквально переводится как «увидеть гуманность, увидеть мудрость», но означает то же самое, что и полная форма *ren zhe jian zhi wei zhi ren, zhi zhe jian zhi wei zhi zhi* – «гуманный, увидев это, назовет это гуманностью, мудрый, увидев это, назовет это мудростью» (т. е. «сколько людей – столько мнений»). В заключение прозвучало замечание о том, что китайцы в силу тоталитарности своего государства в целом больше включены в общую для всех культуру, поэтому рассматриваемое явление очень частотно в китайском дискурсе.

Выступление **Л. Н. Петраковой** было посвящено тому, как коммуникативный акт оценивают наивные носители языка. Любая коммуникация может быть оценена как удачная, неудачная или безразличная к параметру удачности. Эта оценка не обязательно проявляется в явном виде, но даже когда она остается имплицитной, можно сказать, успешно ли прошли обсуждение, встреча, переговоры. При оценивании конкретного коммуникативного акта учитывается, является ли он фатическим или информативным; имеет значение, возник ли при общении незапланированный положительный эмоциональный эффект, и если нет, то были ли по крайней мере соблюдены нормы этикета. Количественный анализ результатов специального эксперимента показывает, что на множестве информативных актов «неудачность» и «удачность» образуют единый концепт: «менее удачный» означает «более неудачный», а на множестве фатических актов единый концепт образуют «безразличность» и «неудачность»: «менее неудачный» означает «более безразличный», а не «более удачный».

Е. Н. Басовская прочла доклад об истории борьбы за чи-

стоту языка в Советском Союзе. *Чистота* – такое же абстрактное понятие, как и *добро*, *красота*, *народность*, и их можно использовать в манипулятивных целях, приписывая им какой-то смысл, нужный власти в текущей политической ситуации. В советской истории *чистота* языка трактовалась по-разному, ее содержание менялось минимум трижды. Своеобразной ареной борьбы была «Литературная газета» – именно на ее страницах публиковались ключевые статьи. Первый этап датируется 1929 годом, когда Г. О. Винокур выступил со статьей, в которой шла речь о необходимости вернуться к образцам классической русской литературы, избавиться от проникнувших в художественные тексты канцеляризмов. Это выступление можно считать единичным, Г. О. Винокур указал явно нежелательную для власти цель, его позиция не нашла поддержки, и очень скоро борьба за чистоту языка приобрела иную направленность – второй ее этап приходится на 1933–39 гг. В выступлениях видных деятелей литературы того времени (М. Горького, Ф. И. Панферова) говорится, что надо стремиться к простоте языка, очистить его от влияния жаргона, просторечия, диалектов, не допускать ни чрезмерной украшенности слога, ни грубости, ни ошибок. В это время подвергается критике «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова как содержащий «образцы мещанского, хулиганского и воровского жаргона»; одновременно публикуются письма трудящихся, которые берут на себя обязательство избавиться от «мужицких словечек». В послевоенное время ориентиры вновь сменились: объектом борьбы становятся иноязычные слова, устаревшие слова, «жеманство и изысканность речи», а целью – народность, поскольку «язык – это такой инструмент, орудие, которое должен знать каждый, должен уметь им пользоваться в своей жизни...» (именно такую позицию озвучивает «Литературная газета»).

С завершающим эту секцию докладом о средствах выражения имплицитности в языке выступила **Е. Г. Борисова**. Она подчеркнула, что вопрос о том, что в языке скрыто, а что нет, еще далек от окончательного решения. Необходимо обратить большее внимание на узус – что закреплено узуально, то и должно считаться эксплицитным выражением. Например, как длинные, так и короткие фразы вызывают затруднение в понимании: длинные перегружают оперативную память, а короткие заставляют читателя (в случае письменного текста) искать смысл в ранней постановке точки. Е. Г. Борисова отметила, что понимание деятельности слушающего как пассивной является устаревшим – это деятельность рецептивная.

Перспективен интерактивный подход к коммуникации – говорящий и слушающий прогнозируют понимание; лексика не в полной мере отражает реальность, и важное значение имеют имплицатуры. Так, в русском языке значение совершенного вида – это компонент, выводимый из контекста. Если сравнить формы *он пришел* и *он приходил*, то первая из них с большой долей вероятности имплицитно означает *он здесь*, у второй такого смысла скорее нет. Характерно, что импульс к пониманию скрытых смыслов в своем языке зачастую дает его преподавание иностранцам – имплицитное в языке понятно носителям, и они не задумываются о механизмах извлечения из текста скрытой информации, в то время как изучающие язык требуют эти механизмы эксплицитировать.

Вторая секция конференции была посвящена приемам порождения и интерпретации скрытых смыслов высказывания.

Е. П. Буторина рассмотрела типы мотивации искусственных антропонимов (псевдонимов, ников и т. п.). Появление псевдонимов в русскоязычной культуре было вызвано двумя основными факторами – необходимостью скрыть настоящее имя человека и потребностью в самовыражении. Псевдоним противопоставлен фамилии по нескольким параметрам: это культурный феномен, а не юридический; он представляет собой единичную номинацию, а не отражает естественное развитие языка; может быть стилистически окрашен, а фамилия всегда нейтральна. Отличается псевдоним и от прозвища, поскольку является самоназванием, а не присваивается другими людьми. Псевдонимы давали человеку возможность избежать преследований политической цензуры и преодолеть сопротивление родственников против выступлений в печати (по этой причине появился псевдоним *Андрей Белый*), высокопоставленные лица могли публиковаться под псевдонимом (Екатерина II, например, именовалась *Любомудров из Ярославля*). Традиционно псевдонимами пользовались артисты цирка, а маститые писатели прибегали к этому средству, опасаясь неуспеха новых произведений. В настоящее время псевдонимами пользуются деятели шоу-бизнеса. Самой широкой сферой употребления искусственных антропонимов сейчас является Интернет. Ник пользователя может определяться стилистикой / тематикой форума, гендерные и возрастные характеристики при этом неизвестны и роли не играют. Происходит изменение продуктивных способов образования таких именовании – сейчас это морфологический способ и аффиксация.

И. А. Шаронов выступил с докладом на тему: «Вторичные

междометия: мотивационная база анализа». Переход какой-либо языковой единицы в класс междометий характеризуется полной потерей изменчивости и десемантизацией, утратой связи между употреблением и денотативным контекстом: *Вот те раз!* – неизменяемая единица, и в междометной форме нельзя сказать *Вот те два!* или *Вот те три!* Выделяются следующие признаки интеръективации: 1) вторичное междометие может сохранять коннотативный ареол; 2) экспрессивная реплика должна быть реактивной и 3) не должна быть адресованной. По второму признаку не является междометием *Даст бог!*, по третьему – *Ни боже мой!*, а *Боже мой!* и *Боже правый!* – междометия. Окончательный переход в междометие может протекать двумя способами: устранением всех открытых валентностей исходной фразеосхемы, как в случае *Надо же!* (из *(Ну) НАДО ЖЕ + INF.*, ср. *Ну надо же было им на вокзале, в толкучке встретиться!*), или заполнением валентностей одним словом или словами из закрытого списка, как в случае *Вот это да!* (из *ВОТ ЭТО Х!*) и *Вот так-так!* (из *ВОТ ТАК Х!*). Коннотативный фон фразеосхемы при этом остается, поэтому данные междометия не синонимичны (несмотря на близость толкований, которые приписывают им словари), например, *Надо же!* сохраняет связь с событийным фоном, а не предметным (ср. *Какой вид из окна! Вот это да!* при сомнительности *Какой вид из окна! Надо же!*).

Последовавшее обсуждение было плодотворным и привело к уточнению одной из фразеосхем.

А. А. Котов говорил об угадывании эмоциональных состояний за семантическими смещениями. За одинаково построенными фразами (использующими одни и те же механизмы смещения смысла) может скрываться как юмор, так и речевое воздействие, как издевка, так и дружеская шутка. Распознавание эмоционального состояния говорящего, прибегающего к семантическим смещениям, представляет несомненный интерес. *Шутка* (как результат применения этих механизмов к конкретному речевому материалу) может быть вызвана, в частности, желанием разрядить конфликт, попыткой поддержать диалог, когда нечего сказать, или стремлением выразить собеседнику поддержку, но не говорить шаблонно. Речевой интерфейс в перспективе должен угадывать, что именно стоит за шуткой пользователя в каждый конкретный момент. Инвентарь семантических смещений применим к разноплановому материалу, и его использование дает нетривиальные результаты: он предъявляет новые требования к теоретическим когнитивным

моделям по исследованию омонимии или риторических фигур; служит инструментом лингвистической экспертизы текстов СМИ и моделирует на их основе тексты пропаганды; его можно использовать для автоматического синтеза диалогов с семантическими смещениями и в перспективе – синтеза анекдотов. Семантические смещения могут использоваться для перехода к разным типам эмоциональной коммуникации (например, конфликту), для создания связи там, где эта связь сомнительна или ее выражение табуировано, для сокращения или увеличения коммуникативной дистанции до «нейтрально-дружеской». Кроме того, ответ с использованием семантического смещения позволяет скрыть коммуникативный стимул или завуалировать отсутствие такового.

В докладе **Ю. Е. Кравченко** были рассмотрены скрытые смыслы при обозначении страха и тревоги. В специальном исследовании был поставлен ряд проблем: как соотносятся между собой субъективное переживание и название эмоций в языке; существует ли объективное сходство между разными ситуациями, объединяемыми именем вызываемой ими эмоции; стоит ли за названием эмоции в языке некий единый механизм переживания или несколько разнородных механизмов. Ю. Е. Кравченко показала, что когда люди употребляют названия эмоций при повествовании о своих состояниях, они в первую очередь указывают на особенности ситуации, вызвавшей у них эмоциональную реакцию, а не на психологический механизм переживания. Сравнение «ситуации страха» и «ситуации тревоги» выявило их различие: первая содержательно определеннее, чем вторая, и структура наиболее типичных примеров второй меняется в зависимости от того, идет ли речь о личном опыте переживания тревожных ситуаций (тогда приводятся примеры ситуаций, специфические для тревоги, например просмотр фильма ужасов или доносящийся крик человека), или о переживании тревоги у других людей (тогда приводятся примеры ситуаций, характерные и для страха, и для тревоги, такие как экзамены или публичное выступление).

Доклад **М. И. Бойцовой** был посвящен построению системы моделей понимания имплицитных смыслов. Имплицитность – это категория, которая заключается в несоответствии плана выражения и плана содержания, она проявляется в эллипсисе, подтексте, пресуппозициях, импликатурах, коннотациях и ассоциациях. Конечной целью для адресата является правильное постижение интенций адресанта, поэтому он должен предпринимать действия, направленные на декодирование поверх-

ностной структуры текста, его свертывание и компрессию с целью преобразования в ментальное представление. Процесс понимания включает категоризацию, т. е. отнесение объекта к известному классу, поэтому важна систематизация способов реализации интенций говорящим. Так, стандартные способы выражения просьбы в русском языке можно свести к четырем типам, например, тип 3 «Говорящий обращается к слушающему с вопросом об использовании им чего-либо, имея в виду возможность использования этого им самим» иллюстрируется диалогом Ты сейчас будешь читать эту книгу? – Нет, не буду. Возьми.

Завершился первый день конференции докладом **Л. Л. Федоровой** «Скрытая диалогичность сложных слов». На примере ряда сложных слов особенно ярко проявляется диалогическая природа разговорного языка – в них могут найти отражение и адресант, и адресат, и предмет речи. Такие слова можно поделить на классы в соответствии с тем, какие именно участники ситуации «заложены» в слове. За словами *buttafuori* «вышибала», букв. *выбрось-наружу* (итал.), *sacatuélas* «зубодер», букв. *вырви-зубы* (исп.) стоит ситуация обращения говорящего к адресату-человеку, при этом говорящий присваивает тому прозвище по профессии, роду деятельности, дает функциональную характеристику. Присвоение прозвища может базироваться и на иных характеристиках человека, образно-оценочных, ср. *со-рвиголова*, *вертихвостка*, *Держиморда* (все – рус.), *hulajduza* «гуляка, кутила, повеса», букв. *гуляй-душа* (польск.), *нехранимайко* «лодырь или негодяй», букв. *не-корми-мать* (болг.), *gâte-sauce* «плохой повар, поваренок», букв. *порти-соус* (франц.). Возможна и ситуация называния неодушевленного адресата или животного, его персонификация: *косиножка*, *перекати-поле* (оба – рус.), *chasse-neige* «метель», букв. *гони-снег* (франц.). Многочисленную подгруппу таких слов составляют обращения мастера к вещи: *brise-lame* «волнорез, волнолом», букв. *дробиволны*, *garde-fou* «перила», букв. *береги-дурака* (оба – франц.). «Говорящий» предмет также может обращаться к человеку: *holdall* «вещевой мешок, сумка или ящик для инструмента», букв. *держи-все, сложи-все* (англ.). Сложное слово может образовываться по переносу обращения человека к человеку (на основе команды или в игре): *breakfast* «завтрак», букв. *прервипост* (англ.). Некоторые слова допускают различные варианты интерпретации: *couvre-pieds* «плед», букв. *укрой-ноги* (франц.) может быть обращением либо мастера к подмастерью (продавца к покупателю), либо человека к вещи (команда), либо вещи к

человеку (приглашением использовать ее в действии).

Утреннее заседание второго дня конференции, посвященное языковым средствам, содержащим имплицитные смыслы, началось докладом **М. А. Кронгауза** «Скрытая норма». Норма – одно из ключевых понятий в семантике. Э. Сепир использовал этот термин для описания параметрических прилагательных. Существует представление о нормальных размере, росте, весе: «маленький слон» больше «большой мыши», потому что нормальные размеры у этих животных – разные, а прилагательные маркируют лишь отклонение от нормы, но не называют сами размеры. Информация о стандартном размере и других параметрах может задаваться в словарной статье. Параметрическая – не единственный вид нормы, существует, в частности, ситуативная: *Этот лифт мал, чтобы вместить всех нас* (пример Н. Д. Арутюновой). Иногда такую норму называют нормой ожидания. Прагматика играет важную роль в определении нормы, потому что индивидуальный жизненный опыт влияет на использование языка. Оценка *хороший / плохой, вкусный / невкусный* у разных людей колеблется больше, чем *красный / синий*. Один и тот же пищевой продукт может восприниматься даже одним человеком то как вкусный, то как невкусный. Это зависит от различных постоянных и временных характеристик говорящего. Параметрические понятия относятся к объективным словам (например, цвет имеет достаточно объективное значение, хотя и тут такие явления как дальтонизм нарушают однозначность определений). Нормы изменчивы и зависят от опыта говорящего, постоянные нормы существуют только для некоторых слов. Например, понятно, что такое *короткий карандаш*, потому что можно задать норму его длины. Однако длина *короткой юбки* меняется в зависимости от моды.

Есть компактная группа параметрических прилагательных, которые определяют размер самого человека. Субъективность здесь становится «объективной»: за норму принимаются параметры говорящего, т. е. собственный возраст, рост и вес человека. Девятнадцатилетнего юношу школьница может назвать старым. Интересно, что в некоторых литературных произведениях автор выдает свой возраст и возраст потенциального читателя, поскольку авторское представление о норме (определяющееся возрастом самого автора) проявляется в возрасте его героя. Кроме нормы говорящего, следует ввести и норму адресата. Сейчас обычно положительно оцениваются молодость, высокий рост и стройность, и поэтому невежливо

называть человека *старым, низким, толстым*. Речь также может идти и о характеристике отдельных частей человека по нормам говорящего или адресата, например, *длинные ноги*. Предметы человек оценивает по сравнению со своими параметрами: *высокий забор* – тот, который выше человеческого роста; *толстое дерево* – то, которое нельзя обхватить руками. Эти параметры меняются с возрастом, и то, что человек в детстве считал большим, потом становится для него маленьким. Ребенок запоминает параметры с помощью слов, а потом использует другие слова. Таким образом, прагматическая норма сближается с ситуативной. Она определяется параметрами говорящего или адресата.

Далее выступил **Н. Н. Воропаев** с докладом «Прецедентные имена как носители скрытых смыслов (на материале китайского языка)». В силу длительной письменной и литературной традиции в китайской культуре сформировался огромный конгломерат прецедентных текстов и прецедентных ситуаций, имеющих обширнейшую аккредитацию в современном китайскоязычном дискурсе в виде изречений, фразеологизмов, прецедентных имен, прецедентных высказываний. При изучении китайского языка и китайской культуры может быть очень полезен словарь прецедентных имен, понимание которых обычно вызывает затруднения. В такой словарь (по его составлению сейчас ведется работа) входят отдельные прецедентные имена (например, *Adou, Адоу* «тряпка, ничтожество», *Hongniang, Хуннян* «сваха»), а также фразеологические единицы, включающие прецедентные имена (например, *Yao Shun, «времена Яо и Шуня*», т. е. «золотой век, век спокойствия и благоденствия»). Среди фразеологических единиц выделяются единицы с неявным указанием на прецедентные имена, например: *le bu si Shu*, букв. «веселиться и не скучать по царству Шу», т. е. «за приятным времяпрепровождением позабыть о возвращении домой». Этот фразеологизм представляет собой стяжение прецедентной ситуации, произошедшей с Адоу, героем китайской культуры, но понять смысл этой ситуации из текста, без словаря, невозможно.

И. В. Шумкина рассказала о коммуникативном потенциале «чужого слова» в газетном заголовке (на материале заголовков, взятых из текстов авторской песни). Речевая деятельность человека строится на использовании готовых коммуникативных единиц, а также на «предощущении большей выразительности той формулы речи, которая принадлежит тебе персонально» (Т. Г. Винокур). Газетный текст как особый

вид коммуникации очень часто обращается к «чужому слову» в виде цитат, реминисценций, крылатых выражений и других фразеологических единиц. Для реализации коммуникативного намерения создателя газетной статьи (ГЗ) очень важен заголовок. Одним из главных источников «чужого слова» в газетном заголовке являются тексты авторской песни. Например, коннотативное значение текста ГЗ *Где деньги, Зин?*, нередко начинающего обзор финансовой ситуации в нашей стране или заметок о том, на что тратят деньги наши чиновники, будет понято теми, кто знаком с песней В. Высоцкого. Это же касается и различных трансформаций этого выражения: *Где деньги, Валь? Где деньги, Ким? Где деньги, ЦИК? Где деньги, DIAN? Где разум, Зин?* «Чужое слово» может приобретать шуточный, а часто ироничный и даже саркастичный оттенок уже в самом тексте ГЗ, например: *Чуть помедленнее, кони!* (о составе новой областной думы). Но при изменении изначального коннотативного значения «чужого» высказывания знание читателями его источника необязательно. В целом использование «чужого слова» настраивает читателя на определенное восприятие материала статьи.

Э. Т. Кабина выступила с докладом на тему «Скрытые смыслы и их роль в стратегии и тактике языковой игры (на примере интернет-коммуникации)». Непосредственным объектом рассмотрения была литературная ролевая игра, в которой, в отличие от большинства интернет-текстов, запрещено использование смайликов.

Доклад **М. И. Лекомцевой** «О теоретических проблемах исследования имплицитности текста в филологии» был посвящен исследованию подтекста в художественной литературе. Контекст является глобальной ситуацией, формирующейся всеми языковыми и неязыковыми средствами. Контекст при этом может быть как вербальным, так и невербальным. Сумма подтекстов художественного текста должна соотноситься с идеей художественного целого. Отдельные моменты текстов, имеющие подтексты, могут вступать во взаимодействие трех различных типов: *miteinander* (взаимовлияние), *nacheinander* (следование одного из другого), *durcheinander* (влияние одного через другое).

Вечернее заседание было посвящено скрытым смыслам в тексте. Оно началось выступлением **Е. Е. Левкиевской** о неявных формах интродукции в восточнославянской быличке. В народной фольклорной традиции используются неожиданные для собирателя формы «представления» героя, типичный

интродуктивный акт в быличке отсутствует. Неявная интродукция может принимать различные формы. Так, мифологический объект может быть представлен личным или указательным местоимением: *Бачили ночью, шо она на кочубэ йихала до реки* [Видели ночью, что она на кочерге ехала к реке]. Другие способы – интродукция через *актуальное имя* (*женщина у белом* [женщина в белом]), через дескрипцию (*здоровая раба* [рябая] *жаба*), с помощью неопределенного местоимения или нулевого показателя лица. Это явление (неявная интродукция) характерно не для отдельных примеров, а для восточнославянской традиции в целом, сходным образом дело обстояло в древнеславянской традиции. Ситуации скрытого представления героя делятся на два типа: 1) неопределенность – мнимая, и рассказчик, и слушатели знают, о ком пойдет речь, потому что все они включены в традицию и владеют сюжетом; 2) неопределенность референции отражает неопределенность самого знания об объекте (такие объекты вводятся неопределенным местоимением или нулевым показателем). Интересно, что и в том и в другом случае говорящий и слушающий статусно равны – они обладают одинаковым знанием о предмете сообщения (в первом случае – полным, во втором – нулевым). Неопределенность первого типа в русской литературе характерна для лирики А. Ахматовой, а второго – для лирики А. Блока.

Выступление **Д. И. Черашней** «Роль первичного говорящего в структуре драматического текста» было построено на материале комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». Комедия гораздо живее в чтении, чем на сцене, что объясняется взаимодействием реплик героев и авторских ремарок. Если не учитывать ремарки, то исчезает часть содержания текста. Именно ремарки обеспечивают единство текста, по сути разнородного. Реплика может практически повторять ремарку (и наоборот), в частности, они могут описывать одно и то же движение героя (например «на цыпочках»). Анализ текста первого говорящего в комедии позволяет яснее понять авторскую позицию: так, в ремарках есть слова *утро*, *вечер*, *ночь*, но нет *дня*, потому что «светлый день» для России прошел и перспективы не очень радужны. Первые слова комедии фиксируют внимание читателя на часах. Мотив часов и времени – сквозной в «Горе от ума». Предметом всех разговоров, споров является время. Задаёт время в комедии Лизанька (трижды переводит стрелку часов). К Лизаньке у первичного говорящего особое отношение. Ее имя в уменьшительно-ласкательной форме стоит третьим по счету в перечне действующих лиц. Только Лизанька и Чацкий

хохочут на протяжении комедии. Лизанька не участвует в клевете на Чацкого. В целом Лизанька и Чацкий сближены в художественном пространстве комедии. Таким образом, автор действует в комедии через прямое слово Чацкого, через слово первичного говорящего и через Лизаньку.

Н. В. Лукина рассказала о механизмах формирования неявных смыслов в художественном тексте на примере текстов Татьяны Толстой. Докладчик определила неявные смыслы как дополнительное, имплицитно выраженное оценочное содержание. Оно изменяет качество передаваемого содержания. Главную роль при этом играет голос автора. Текст наполняется субъективным компонентом, в нем образуются нелинейные связи. Иллюстрацией к докладу послужил рассказ Т. Толстой «Охота на мамонта», где герой сравнивается с мамонтом, при этом появляются дополнительные компоненты значения: «мужчина», «добыча» и «животное».

Выступление **Э. Бялэк** было посвящено имплицативным смыслам и коннотациям в переводе. Переводчик оперирует единицами текста. При этом единица перевода базируется на лексическом значении единицы языка, но её дополнительными составляющими неотлучно являются также имплицативные смыслы и коннотации, которые можно полностью уловить и правильно понять лишь в тексте.

Э. Бялэк привела примеры, где имплицитная информация в тексте на языке-источнике заменяется явно выраженной при переводе. В текст иногда вводится дополнительная информация, особенно при переводе прессы и публицистических материалов. Например, предложение *Многие не скрывают заинтересованности в переселении на историческую родину, и это может окончательно сместить баланс сил в Черноморском регионе* при переводе на польский дословно (в обратном переводе на русский) означает следующее: *Если дело до этого дойдет, этнический состав населения на полуострове окончательно изменится не в пользу славян*. Другой пример более явного выражения мысли в переводе: русская фраза: *Главное в контексте – чтобы основной лозунг краковского форума – «Жизнь народу моему» – осуществлялся на практике. Иначе стоило ли мировым политикам приезжать в Освенцим и осматривать его «достопримечательности»? – переведена на польский в следующем виде (также в обратном переводе): *Если на форум приехало так много политиков со всего света, есть надежда, что они запомнят этот горький урок и будут противодействовать разжиганию этой ненависти*. Экспликация смысла*

может быть стилистическим приемом, может служить структурной связности текста и другим лингвистическим целям, но также может быть средством формирования общественного мнения. Способ расшифровки всех эксплицитных и скрытых смыслов подлинного текста тесно связан с психологическими качествами переводчика как личности, его жизненным опытом, а также переводческой и лингвистической компетентностью.

В докладе **Д. М. Кондрашовой** «Имплицитная информация в аспекте проблем судебной лингвистической экспертизы» были подробно разобраны типовые семантические задачи, возникающие перед экспертами в связи с имплицитной информацией. В последние годы участились случаи проведения судебных лингвистических экспертиз. Цель таких экспертиз – выявление наличия негативной информации. Чаще всего в случае наличия негативной информации может быть возбуждено уголовное дело по 152 статье ГК РФ о защите чести, достоинства и деловой репутации. Типовые вопросы, на которые экспертам необходимо ответить, следующие: является ли информация нейтральной, положительной или отрицательной? Какова форма выражения этой информации? Каково коммуникативное намерение автора? При этом в число задач входит разрешение анафоры, определение смысла целого на основе смысла составляющих, определение информационной природы, определение иллокутивной функции, задача естественного вывода. Необходимо разработать единую методику экспертного анализа, которая могла бы позволить давать необходимое и достаточное описание имплицитного плана выражения произвольного естественно-языкового текста с точки зрения задач экспертного исследования, а также повысить степень объективности получаемых в ходе анализа результатов.

Доклад **Е. Н. Чирковой** назывался «Непрямые способы выражения оценки чужой речи в интернет-сленге (интернет-комментарии)». Интернет-сленг – своеобразный симбиоз устной и письменной речи. Для общения в интернет-среде из соображений удобства и быстроты передачи информации характерны сокращения и пренебрежение правилами орфографии. Используются нарочито неправильно написанные слова – эрративы, как прямые (передача слова на письме так, как оно слышится), так и обратные («а» заменяется на «о», «и» на «э», глухие на звонкие). Выделяются семантические группы сленговых интернет-комментариев: пожелания и «напутствия» (например, *аффтар, пеши исчо*), студенческая терминология и оценка по воображаемой шкале (*пять баллов, низачот*), эмоциональ-

Конференция «Скрытые смыслы в языке и коммуникации»

ная оценка текста (*аффтар жжот, многа букаф*), выражение смеха (*бугага!*, *пацтулом*), реплики из анекдотов, фильмов (*Кисакуку, ты с какова горада?*), «отправления» автора комментируемого текста (*вмемориз, фтопку*), инвективная лексика (*падонак*) и призывы и просьбы обратить внимание (*(И) где модератор?!*). Каждая из этих групп делится на выражающие положительную оценку и отрицательную. При этом некоторые комментарии могут использоваться как для положительной оценки, так и для отрицательной, и их точное значение можно понять только из контекста. Каждый интернет-комментарий имеет ядро, а зачин и завершение факультативны.

На базе наиболее интересных докладов планируется собрать сборник статей с одноименным конференции названием.

Л.Н. Петракова, И.В. Сушкова

**Материалы, опубликованные
в «Московском лингвистическом журнале»
в 1995-2006 гг.**

№ 1 (1995)

- От редакции. «Московский лингвистический журнал»: замысел и перспективы
- С.А. Старостин.* О московской школе компаративистики
- А.Б. Долгопольский (Хайфа).* Судьба ностратических гласных в индоевропейском языке
- Е. Хелимский.* О прауральском происхождении чередования ступеней согласных
- А. Манастер Рамер.* Об индоевропейских триединых велярных и ностратических передних огубленных гласных
- А. Манастер Рамер.* О ностратической теории Иллич-Свитыча. Обзор работ: [Иллич-Свитыч 1971, 1976, 1984]
- В.В. Орел.* Семитохамитский, синокавказский, ностратический
- В.В. Орел.* Семитохамитский и ностратический: дополнения к ностратическим этимологиям и новые сопоставления
- С.А. Старостин.* Реконструкция праенисейской глагольной системы
- С.А. Старостин.* Историческое место языка бай
- С.А. Старостин.* О долготе гласных и просодии в алтайских языках
- В.А. Дыбо.* Акцентуационные процессы в языках группы теда-канури и проблема происхождения парадигматических акцентных систем
- В.А. Дыбо.* Еще раз о согласовании ностратической теории с результатами изучения тюркских языков

№ 2 (1996)

- От редакции сборника
- Ю.Д. Апресян., М.Я. Гловинская.* Юбилейные заметки о неюбилейных словах: *ругать* и его синонимы
- А.Н. Барулин.* К построению модели синтеза русских нумеративов (глубинное и поверхностно-семантическое представление)
- А. Богуславский.* Об ограничениях на «удивительное» *может* в вопросительных предложениях
- А. Богуславский.* О соотношении вопроса и сочинения, или почему *и* бывает синонимично *или*
- В.Б. Борщев.* Семантические типы размера
- Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев.* Елене Викторовне Падучевой
- Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев.* Неспецифированный пол и согласование при анафоре

- А. Вежбицкая. Семантика «логических понятий»
- М.Л. Гаспаров. Порядок слов «определение-определяемое» в стихах и прозе
- С.А. Григорьева, Н.В. Григорьев, Г.Е. Крейдлин. Словарная статья в экспериментальном словаре русских жестов, мимики и поз
- А.К. Жолковский. Три инвенции на грани лингвистики и поэтики
- Л.Н. Иорданская, И.А. Мельчук. К семантике русских причинных предлогов (ИЗ-ЗА любви ~ ОТ любви ~ ИЗ любви ~ * С любви ~ ПО любви)
- Т. Корельская, Р. Китпредж. О стратификации риторических структур
- М.А. Кронгауз. Советский антисоветский юмор. О Довлатове
- Г.И. Кустова. О коммуникативной структуре значения глаголов с событийным каузатором
- М. Михеев. Некоторые содержательные комментарии к тексту платоновского «Чевенгура»
- Т.М. Николаева. Ярославна-три Марии-Татьяна (любящая женщина спасает героя)
- Ф. Папп. Тенденция к различению основ (ТРО) в венгерском языке
- Б.Х. Парти. Формальная семантика и теории контекста
- Н.В. Перцов. Об одном пушкинском афоризме
- Н.В. Перцова. Об истоках понятия поэтической функции языка
- В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина. «С чисто русской аккуратностью...» (об отражении некоторых стереотипов в языке)
- Р.И. Розина. О некоторых производных значениях глаголов перемещения в русском языке
- П.Сгалл. Субъект/предикат и тема/рема
- С.Ю. Семенова. Параметрические имена с нестандартной актантной структурой
- Е.В. Урысон. Аспектуальные компоненты в значении существительного
- М.В. Фишленко. О сфере действия наречных модификаторов глагола
- А.Д. Шмелев. Апелляция к реальности как демагогический прием
- Т.Е. Янко. Коммуникативный статус бенефактивных конструкций
- С.А. Крылов. Научное творчество Е.В. Падучевой и его место в современной лингвистике (Опыт составления комментированной библиографии)

№ 3 (1996)

- А. Yu. Aikhenvald. Noun classes, classifiers and agreement in Baniwa (Arawak)
- В.М. Алпатов. Еще раз о флексии, агглютинации и изоляции
- А.Н. Барулин. Мыслию по древу (перевод темного места в «Слове о полку Игореве»)
- Е.П. Буторина, Н.И. Сайтанова. Об использовании компьютерных технологий в консервативных исследованиях и обучении языку
- L.V. Klorina. The range of Biblical metaphors in smikhut
- Е.Г. Устинова. О конструкциях с числительными в некоторых славянских языках (к вопросу о грамматической функции словесного акцента)

Материалы, опубликованные в МЛЖ в 1995-2006 гг.

Л.Л. Федорова. О видах речевого воздействия и роли интонации в их распознавании

В.А. Плунгян. Рецензия на книгу: *А.Н.Журинский.* Слово, буква, число. – М., 1993.

Отголоски Московской международной конференции: *Е.Г.Борисова, D. Gill, B. Comrie, C. Lehmann, Ф.А.Литвин*

А.А. Арефьев, Н.Н. Кравченко. Зимняя лингвистическая школа в МГУ. Впечатления

К нашим авторам

№ 4 (1998)

К.В. Антонян. Семантика глагольного модификатора в китайском языке: грамматическая метафора

Е.П. Буторина. Опыт классификации словообразовательных ошибок в русской речи иностранцев

А.В. Гладкий. К процедуре построения систем синтаксических групп
Н.Н. Николаенко, О.П. Траченко, А.Ю. Егоров, М.А. Грицышина. Языковая компетенция правого и левого полушарий мозга: специализация и взаимодействие

Н.В. Перцов. О двух способах описания русской видовременной системы (к проблеме неединственности грамматических решений)

M.S. Polinsky. American Russian: a new pidgin

P. Rastall. Communication strategies and the morphology-syntax distinction

М.В. Рудерман. Способы выражения пола и возраста в названиях животных в арабском языке (в сопоставлении с английским и немецким)

В.Д. Соловьев, D.Б. Байрашева. Об атрибутивных конструкциях с существительными в татарском языке

В.Я. Труфанова. О роли интонации в формировании значения устойчивых формул общения

И.А. Шаронов. Глаголы речевых актов и коммуникативы

М.А. Кронгауз. Прагматика в современном лингвистическом мире. Заметки о пятой прагматической конференции (Мехико, 4–9 июля 1996 г.) и международной прагматической ассоциации

№ 5/1 (2001)

Глагольные префиксы и префиксальные глаголы

К читателям возобновляемого журнала

От редколлегии тематического выпуска

А. Богуславский (Польша). Глагольная префиксация в современном русском языке (главы II и VI, перевод с польского С. Майской)

Е.В. Горелик. Описание глагольной приставки у-

Анна А. Зализняк. Семантическая деривация в значении русской приставки у-

- М.А. Кронгауз Опыт семантического описания приставки над-
- В.А. Плунгян. Приставка под- в русском языке: к описанию семантической сети
- Д.В. Якунина. Приставка при-: построение семантической сети
- В. Беляков (Франция). О комбинаторике глагольных приставок
- Н.Т. Валева. Пространственно-направительные приставочные модели в современном русском языке: фрагмент словаря
- К. Эно-Сахно (Франция). Некоторые наблюдения над префиксацией глаголов со значением 'принимать пищу'
- А.А. Виноградов (Украина). Семантические сценарии приставок как tertium comparationis их сопоставительного описания (на материале русских и венгерских глаголов)
- Анна А. Зализняк, А.Д. Шмелев. Conveni, convici, convixi
- М.М. Ровинская. К проблеме изучения глагольной префиксации в мертвых языках: эффект Вея-Схоневелда и латинские провербы

№ 5/2 (2001)

- С. И. Гиндин. Журнал или сборник? О коммуникационных предпосылках специфики терминологии и структуры текстов в гуманитарных науках
- В. М. Алпатов. Что такое московская лингвистическая школа?
- З. М. Шалапина. Структурные валентности как универсальный инструмент описания языковой синтагматики (в рамках сущностного подхода к ее моделированию)
- А. В. Костыркин. К описанию синтаксической неоднозначности в японском (на примере частицы *НО*)
- О. М. Мазо. Суффикс *-h и части речи в древнекитайском языке
- С. И. Гиндин. Предисловие к публикации
- А. М. Финкель. О точности стихотворного перевода
- Н. Г. Семёнова. Имена собственные в русских переводах эпопеи Дж. Толкина «The Lord of the Rings». Словарь-справочник

№ 6/1 (2002)

- О некоторых структурных особенностях этого выпуска
- А.В.Дыбо, Т.А. Михайлова, Ю.В.Норманская. Основные цветообозначения в кельтских языках
- П.М. Аркадьев. Полисемия названий головы в славянских и германских языках в типологическом и историческом аспекте
- И.А. Шаронов. «Удивительная» эмоция
- А.С.Панина. К проблеме классификации многозначных лексических соответствий при переводе
- В.А. Янков. Вселенная Ксенофана
- Как преподавать лингвистам предметы общегуманитарного цикла? Из архива Григория Александровича Ткаченко (публикация и предисловие С. И. Гиндина)

Материалы, опубликованные в МЛЖ в 1995-2006 гг.

Н.Б. Мечковская (Минск). Хороший учебник по общему языкознанию: профессиональное своеобразие, дилеммы и признаки

Д.Г. Лахути. Вышивала ли Пенелопа?

М.М. Ровинская. Конференция о речевом этикете в РГГУ

№ 6/2 (2003)

М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова (Москва). Тема пищи в повседневной разговорной речи: характеристики еды сквозь призму актуальных противопоставлений

А. В. Занадворова (Москва). Языковые стереотипы, характеризующие представления о питании (по материалам анкеты)

Э. Хоффманн (Вена). Продукты питания, культура и реклама: дискурсивные процессы

Д. Вайс (Цюрих). Реклама продуктов питания в советских плакатах 1920-1930 годов (Приложение: Образцы плакатов)

О. С. Иссерс (Омск). Пищевые скандалы в отражении российской прессы: когнитивно-прагматический аспект

В. Н. Степанов (Ярославль). Провокационный вопрос с точки зрения прагмалингвистики

Е. С. Пашкина (Москва). Семантическая классификация как инструмент для построения толкований глаголов движения

А. А. Перекрестенко (Москва). Об автоматическом синтаксическом анализе в некоторых классах контекстно-зависимых языков

С. И. Гиндин. Гипертекстовая филологическая система по творчеству В.Я. Брюсова

А. В. Занадворова. Рецензия на книгу: *В.И. Беликов, Л.П. Крысин. Социоллингвистика. М., 2001*

С. И. Гиндин. Язык, культура, общество и программы по компаративистике (Обзор)

А. Ю. Урманчиева. Рецензия на книгу: *Языки мира. Типология. Уралистика: Памяти Т. Ждановой. М.: Индрик, 2002. – 720 с.*

№ 7/1 (2003)

Этот номер посвящается А.Я. Шайкевичу

Э.М. Шаляпина, О.А. Штернова, И.М. Хайлова, В.В. Видяпина и др.
О нашем учителе

С.И. Гиндин. Штрихи к портрету А.Я. Шайкевича – ученого и педагога
М.Л. Гаспаров. Порядок слов «глагол-дополнение» в стихе и прозе

М.А. Галкин. Отражение стилистической системы «Фауста» Гете в переводах Пастернака, Холодковского и Брюсова. (Попытка количественного анализа)

М.В. Китайгородская. «Еда» в зеркале московских вывесок

Л.Л. Федорова. Чат и драматический полилог: точки схождения

В.М. Андриющенко. Разработка комбинированных изданий (книга+С-Д+Internet)

- Е.А. Иванова. Компьютерная филология и проблемы представления вариантов текста
З.М. Шаляпина. Программа курса «Проблемы и методы автоматического перевода»
Воспоминания П.С. Кузнецова. Предисловие и комментарии В.М.Алпатова
С.И.Гиндин, Э.В. Серебрякова. Материалы к библиографическому указателю печатных работ А.Я. Шайкевича

№ 7/2 (2003)

Речевой этикет: семантика и прагматика

- М.А. Кронгауз. Речевой этикет и мы
Н.И.Формановская. Социально-культурная сущность речевого этикета
Л.Л. Федорова. Механизмы изменения дистанции в речевом взаимодействии
Е.Н. Басовская. Обращения, которые они выбирают (штрихи к речевому портрету молодого поколения)
Г.Е. Крейдлин. Невербальный этикет: невербальные приветствия и прощания
Е.Б. Морозова. Поклон как этикетный жест
Н.М. Михайлюк. Диалог взрослого с ребенком: способы позиционирования слушающего
К. Такахаси. К поэтике сталинизма 1930-х годов: опыт дискурсивного анализа одной речи Сталина
И.М. Кобозева. Тема речевого этикета в бессмертной поэме Н.В.Гоголя
И.А. Шаронов. Столкновение этикетных норм: церемонность и простота в общении
Т.В. Крылова. Немотивированное выражение недовольства: модели поведения, этические и этикетные аспекты оценки
Н.Ю. Лукашевич. Непосредственность и искренность как черты характера (представление с помощью шаблонов поведения)

№ 8/1 (2004)

- Памяти Юрия Семеновича Мартемьянова (И.А. Мельчук, Р.Г. Синева, А.К. Жолковский, Н.Н. Леонтьева, А.В. Гладкий)
Ю. С. Мартемьянов. «... вернуться к лексической семантике на базе действующей модели мира» (из курса лекций)
Ю. С. Мартемьянов. Воспоминания о В.Ю. Розенцвейге
Т. Ю. Кобзарева. Принципы сегментационного анализа русского предложения
А. В. Костыркин. Исследования по проблеме синтаксической неоднозначности в письменном японском языке

Материалы, опубликованные в МЛЖ в 1995-2006 гг.

- К. Бинстед, Г. Ричи. Автоматическое порождение каламбурных загадок (перевод с англ. А.С. Архиповой, А.В. Козьмина)
Л. И. Колодяжная, В.З. Демьянков. «Ученый, организатор, конструктор, подвижник...» (К 70-летию В.М. Андриященко)
П. В. Башарин. Хроника семинаров, проведенных в Кабинете иранистики РГГУ за 2002-2003 гг.

№ 8/2 (2005)

- А.Я. Шайкевич. Русская языковая картина мира в ряду других картин
Е.М. Мещерякова. Фигура наблюдателя в семантике грамматики
А.А. Дорогов о встречах с М.М. Бахтиным и о его месте в истории лингвистических идей (Публикация П.Б. Переверзевой)
В.Б. Солнцева. Рецензия на книгу: *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная монография*
Е.В. Горелик. Рецензия на книгу: *Агрессия в языке и речи: Сборник научных статей*

Коммуникация, жесты и речь

- А. Ботобекова. Некоторые особенности невербального этикета киргизов и его параллели у тюркоязычных народов
Г.Е. Крейдлин, А.Б. Летучий. Семантическая структура слова плечи и его производных
Е.Б. Морозова. О понятии невербального этикета (к постановке проблемы)
Ю.В. Николаева. Иллюстративные жесты в устном дискурсе
Флоранс Рико-Кассар. Сопоставительный анализ невербального знакового поведения французских и русских лекторов во время лекций
П.С. Тумаркин. Невербальная коммуникация в обучении иностранцев русскому языку
И.А. Шаронов. Коммуникативы и жесты: связи и взаимодействие

№ 9/1 (2006)

- Н.Н. Леонтьева. Корпусная лингвистика и системы автоматического понимания текста
Е.Е. Стефанский. К методологии изучения языковой концептосферы (на примере эмоциональных концептов в славянских языках)
Н.В. Перцов. О словоизменительном статусе и особенностях словоизменения возвратных страдательных форм русского глагола
Н.В. Сухова. Взаимодействие просодического ядра и кинетической фразы в разных коммуникативно-прагматических типах монологических высказываний
В.М. Труб. О возможном подходе к семантическому описанию названий частей тела

Хай Фэн. Дунганский – самостоятельный язык или вариант диалектов китайского языка?

А.В. Гладкий. Из воспоминаний о коллегах

А.М. Финкель. «Ночная песня странника» Гете в русских переводах. Предисловие и подготовка текста С.И. Гиндина (К истории количественных методов сравнения переводов с оригиналом. Публикация вторая).

Ф.Ф. Зелинский. Заметки в области русской просодии и метрики (специально белого стиха) (Публикация П. Мицнера)

Петр Мицнер. Последняя работа Фаддея Францевича Зелинского

С.И. Гиндин. Недостающее звено в истории русского стиховедения

З.М. Шаляпина. Владимир Иванович Любченко

Summaries

S. I. Gindin

A new linguistic periodical with time-honored biography

This preface exposes the principles which connect the new Linguistic series of the *RGGU Bulletin* with the previously published issues of *Moscow Journal of Linguistic*

V.V. Glebkin

The Critique of Semantic Reason

During the last decades there is a remarkable gap between the concrete semantic researches and the fundamental theories of language like the Natural Semantic Metalanguage (NSM) Approach by Anna Wierzbicka or Meaning-Text Theory by Mel'cuk-Apresjan-Zholkovsky. The fundamental theories consider the language as closed structure beyond socio-cultural context, but concrete researches reveal essential links between linguistic and socio-cultural processes. The article discusses the causes for this state of affairs and some possible alternatives. The author analyses in detail philosophical foundations of NSM and Meaning-Text theories, their conformity to the modern scientific verification criteria. He exposes the connection between these foundations and the mechanistic views to the man which are typical of the 17th century philosophy. The concluding part describes the characteristic features of a socio-cultural approach to creation of fundamental language theories by the example of culturally significant words.

Victoria A. Bogushevskaya

On semantics of Chinese colour terms derived from the "fa-una" thematic group

The process of lexemes' transformation from designation of colours of animals itself into general colour terms had been previously discovered in many languages. The article is dedicated to this process in Chinese language. Having analyzed the examples from the ancient Chinese classic books and etymological dictionaries, it was discovered that 騂 *xing* and 骊 *li* transformed from the colours of the animals into the "red" and "black" respectively. As regards the very particular term 骝黄 *liuhuang*, one of the classic "mixed" colours in the theory of "Five Elements", it was defined as "greenish-yellow" in the dictionaries, though we discovered, that semantically it referred to the brown colour.

**Julia Galiamina, Olga Kazakevich, Elena Rudnitskaya,
Elena Budianskaya, Daria Vakhoneva**

On application of different language models to real linguistic data (A case study of the Ket verb)

The paper considers the issue of applicability of different language description models to real linguistic data. The theme came out of a quite practical task to supply word forms of a Ket texts corpus with morphological indexes in the course of preparing the texts for publishing. Trying to choose a proper Ket verb description model as the base for indexation we came across serious problems the analysis of which is presented in the paper.

Elsa A. Florenskaya

The degree of coalescence as general basis for a unified classification of a composite sentence

Classification of composite sentences is one of the long and actively studied problems of the Russian syntax. Nevertheless, up to the present day Russian language textbooks have offered three separate classifications: those of compound, complex and asyndetic sentences, each classification built on a separate basis. The paper endeavours to present a new approach to the unified classification of composite sentences, based on the idea that the position of a composite sentence in language system is intermediate between the level of the simple sentence and that of the text. As a borderline unity, it combines properties of the extreme members: a simple sentence and a free combination of sentences. Coalescence of parts in a composite sentence is always weaker than that of words and syntax groups in a simple sentence, and stronger than the coalescence of simple sentences in the text. Therefore, the degree of coalescence between the parts of a composite sentence is its main property and must be used as basis for the classification.

G.E.Kreidlin, G.B.Shabat

Theorem as a kind of text: comprehensibility

The formulations of mathematical theorems are analyzed by the linguist and the mathematician. The difference between the general and professional is considered. The equivalent formulations of the same theorem are studied and the choice of the most comprehensible ones is discussed. The effect of the combination of mathematical languages (formulas, figures, natural language) is emphasized. The current understanding of the problem is summarized in the six propositions.

Tatiana Yu. Kobzareva

Some properties of noun and prepositional phrase structure (Russian sentence surface syntactical analysis)

The paper examines such properties of noun and prepositional phrase linear structure as projectivity, recursiveness and some specific textual situations of their occurrence. The projectivity and recursiveness are important for syntactic analysis algorithm development and the textual situations create problems for interpreting text in Russian.

Elena G. Sokolova

Semantic relations as an instrument for construction of image description

How can we create formal descriptions of image content for open space photographs such as landscapes, sights of the city, and genre photographs in the open air? The author suggests that such formal descriptions should be constructed with the help of binary semantic relations that were first proposed by N.N. Leontieva. The article discusses ways of realizing these relations in Russian texts as part of automatic text generation problem.

Elena G. Ustinova

"Morphology" for undergraduate students in linguistics: a syllabus and knowledge control means

Morphology holds a special position within the context of the entire liberal education. It is in this course that students deal extensively with the phenomenon of linguistic sign, its structure, types, properties and functions. One of the essential objectives of the course is to demonstrate common concepts which characterize language as a natural semiotic system, inherent for the man, and manifest themselves in world languages with great diversity. The paper contains a syllabus for the course, based on the renowned monograph by I.A. Mel'chuk, as well as sample tasks and tests for practice.

Zoya M. Shaliapina

Language modelling for the purposes of machine translation: a syllabus of a special course for undergraduate students in linguistics

The course may serve as extension of the course "Problems and methods of machine translation" (see "Moscow Journal of Linguistics", 2003, 7, 1:125-154). It involves a more detailed and profound study of methods employed to solve basic problems of machine translation within the framework of the so-called entity-based approach to linguistic descriptions. It is reasonable to set

this approach as a subject of a separate study, as it forms the linguistic and philosophical basis of important notions and instruments of modern linguistics such as dependency systems, valency apparatus, componential description of semantics, and others. At the same time, entity-based approach allows effective employment of inheritance relations, default mechanisms and other means, developed within object-oriented programming, and may be seen as its conceptual analogue in linguistics.

Tatiana A. Mikhailova

"30 brute'list" and the problem of reading inscriptions

The article deals with an old problem of the interpretation of enigmatic Pictish inscriptions. The author gives three examples of false reading and, as a conclusion, proposes the simple idea, that the interpreter of the inscriptions before reading must look on it!

S. D. Serebryanyj

Comments to the eighth chapter ("Lector in Fabula") of U. Eco's "The Role of the Reader"

This paper is part of an unpublished "Translator's Preface" to the published Russian translation of Umberto Eco's book "The Role of the Reader". The eighth chapter of the book offers an extraordinary sophisticated and complicated analysis of a literary text in French: a short story titled "Un drame bien parisien" ("A Perfectly Parisian Drama") by Alphonse Allais (1854–1905). The paper, in its turn, offers a kind of "deconstructive" analysis of Eco's analysis of the story and suggests that Eco's analysis should not be taken at its face value, but might rather be construed as a clever "playing with the reader" by a scholarly critic, just as the analysed story itself is construed by Eco as (and seems indeed to be) "playing with the reader" by the writer.

Сведения об авторах

- Асия Рахимовна Аюпова** – сотрудник Учебно-научного центра по литологии и антропологии современного Востока РГГУ
- Павел Викторович Башарин** – зав. Кабинетом иранистики РГГУ, специалист в области иранской и арабской филологии
- Виктория Алексеевна Богушевская** – аспирантка каф. китайской филологии Восточного института Дальневосточного гос.ун-та. Тема диссертационного исследования: «Семантика цветоименований в китайском языке (универсальное и национальное)»
- Елена Михайловна Будянская** – выпускница Ин-та лингвистики РГГУ 2007 г.
- Дария Михайловна Вахонева** – студентка Ин-та лингвистики РГГУ
- Юлия Евгеньевна Галямина** – канд. филол.н., зам. гл. редактора ЦКА «Калитка», специалист в области типологии
- Сергей Иосифович Гиндин** – канд.филол.н., проф., зав. каф. теоретической и прикладной лингвистики Ин-та лингвистики РГГУ. Исследования в области лингвистики текста, поэтики, прикладной лингвистики, истории филологических наук и др.
- Владимир Владиславович Глебкин** – канд. философ. н., зам. директора гимназии №1514 г. Москвы культуролог, историк
- Григорий Александрович Дурново** – канд. филол. н., выпускник Ин-та лингвистики РГГУ. Область науч. интересов: компаративистика и восточное языкознание
- Ольга Анатольевна Казакевич** – канд. филол. н., вед. науч. сотр. Научно-исслед. вычислительного центра МГУ, зав. лабораторией автоматизированных лексикографических систем, доцент каф. европейских языков РГГУ. Научные интересы: финно-угорское языкознание, полевой лингвистике, исчезающим языкам
- Татьяна Юрьевна Кобзарева** – ст. преп. каф. теоретической и прикладной лингвистики Ин-та лингвистики РГГУ. Область научных интересов: автоматический синтаксический анализ, семантика и психолингвистика
- Григорий Ефимович Крейдлин** – доктор филол. н, проф. каф. русского языка Ин-та лингвистики РГГУ. Исследования в области русской грамматики, теории диалога, невербальной семиотики
- Наталья Сергеевна Ландо** – преп. каф. восточных языков Ин-та лингвистики РГГУ, арабист
- Софья Валерьевна Лахути** – студентка 5 курса Ин-та лингвистики РГГУ
- Татьяна Андреевна Михайлова** – кельтолог, д.ф.н., ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН, проф. каф. древних языков Ин-та лингвистики РГГУ
- Людмила Николаевна Петракова** – аспирантка каф. русского языка Ин-та лингвистики РГГУ
- Елена Леонидовна Рудницкая** – канд. филол. н., науч. сотр. Ин-та востоковедения РАН, специалист по корейскому языку

- Наталья Георгиевна Семенова** – зав. Учебно-методич. каб. Ин-та лингвистики РГГУ, науч. интересы в области теории и истории перевода, лингвистической библиографии
- Сергей Дмитриевич Серебряный** – доктор филос. н., канд. филол. н., директор Ин-та Высших гуманитарных исследований РГГУ, специалист в области индийской литературы
- Елена Григорьевна Соколова** – канд. филол. н., доцент каф. теоретической и прикладной лингвистики Ин-та лингвистики РГГУ. Специалист по системам генерации текстов
- Ирина Валерьевна Сушкова** – аспирантка каф. русского языка Ин-та лингвистики РГГУ
- Елена Георгиевна Устинова** – канд. филол. н., доцент каф. теоретической и прикладной лингвистики Ин-та лингвистики РГГУ. Исследования в области просодической типологии и грамматики
- Эльза Александровна Флоренская** – канд. филол. н., окончила аспирантуру Тартуского ун-та, автор исследований по русскому синтаксису и серии учебников русского языка и стилистики для эстонских школ
- Георгий Борисович Шабат** – доктор физ.-мат. наук, проф. каф. математики, логики и интеллектуальных систем Ин-та лингвистики РГГУ
- Зоя Михайловна Шаляпина** – канд. филол. н., зав. отделом языков Ин-та востоковедения РАН. Автор трудов по теоретической семантике и лексикографии, японскому языку, машинному переводу

Верстка: *Н.Г.Семенова*

Подписано в печать 02.07.2007 г.
Формат 60х90/16
Уч.-изд. л. 18,0 Усл. печ.л. 17,5
Тираж 1050 экз. Заказ № 157

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125267 Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru